

Ю
Р613

Родоначальники ПОЗИТИВИЗМА.

Выпускъ пятый и послѣдній.

ОГЮСТЬ КОНТЪ.

Переводъ И. А. ШАПИРО.

Подъ редакціей Э. Л. РАДЛОВА.

Цена 1 р. 50 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ „БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ“.
1913.

Bobkov
 1880001
 1880002
 1880003
 1880004
 1880005
 1880006
 1880007
 1880008
 1880009
 1880010
 1880011
 1880012
 1880013
 1880014
 1880015
 1880016
 1880017
 1880018
 1880019
 1880020
 1880021
 1880022
 1880023
 1880024
 1880025
 1880026
 1880027
 1880028
 1880029
 1880030
 1880031
 1880032
 1880033
 1880034
 1880035
 1880036
 1880037
 1880038
 1880039
 1880040
 1880041
 1880042
 1880043
 1880044
 1880045
 1880046
 1880047
 1880048
 1880049
 1880050
 1880051
 1880052
 1880053
 1880054
 1880055
 1880056
 1880057
 1880058
 1880059
 1880060
 1880061
 1880062
 1880063
 1880064
 1880065
 1880066
 1880067
 1880068
 1880069
 1880070
 1880071
 1880072
 1880073
 1880074
 1880075
 1880076
 1880077
 1880078
 1880079
 1880080
 1880081
 1880082
 1880083
 1880084
 1880085
 1880086
 1880087
 1880088
 1880089
 1880090
 1880091
 1880092
 1880093
 1880094
 1880095
 1880096
 1880097
 1880098
 1880099
 1880100

H.O.N/23

1880001
 1880002
 1880003
 1880004
 1880005
 1880006
 1880007
 1880008
 1880009
 1880010
 1880011
 1880012
 1880013
 1880014
 1880015
 1880016
 1880017
 1880018
 1880019
 1880020
 1880021
 1880022
 1880023
 1880024
 1880025
 1880026
 1880027
 1880028
 1880029
 1880030
 1880031
 1880032
 1880033
 1880034
 1880035
 1880036
 1880037
 1880038
 1880039
 1880040
 1880041
 1880042
 1880043
 1880044
 1880045
 1880046
 1880047
 1880048
 1880049
 1880050
 1880051
 1880052
 1880053
 1880054
 1880055
 1880056
 1880057
 1880058
 1880059
 1880060
 1880061
 1880062
 1880063
 1880064
 1880065
 1880066
 1880067
 1880068
 1880069
 1880070
 1880071
 1880072
 1880073
 1880074
 1880075
 1880076
 1880077
 1880078
 1880079
 1880080
 1880081
 1880082
 1880083
 1880084
 1880085
 1880086
 1880087
 1880088
 1880089
 1880090
 1880091
 1880092
 1880093
 1880094
 1880095
 1880096
 1880097
 1880098
 1880099
 1880100

MA
 25/10
 15/11
 15/11

В.И. ЛЕНИН
 НИК. ПУХИЦА
 10735
 1940
 1965

Родоначальники ПОЗИТИВИЗМА.

Выпускъ пятый и послѣдній.

Огюсть Контъ.

Переводъ Г. А. ШАПИРО.

Подъ редакцiей З. Л. РАДЛОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ „БРОНГАУЗЪ-ЕФРОНЪ“.
 1913.

99758
 13095
 13094

№ 10
P613

Родонаблюдения
Познания

Выпуск пятый и последний

Типография Аки. Обш. Брокгауз-Ефрон. С.-Петербург, Правешный пер., № 6.

Издатель А. А. РАДОВА

Издатель А. А. РАДОВА

Издатель А. А. РАДОВА

103(4Фр)5

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Общій обзоръ позитивизма.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ¹⁾.

Народное значение позитивизма.

	стр.
I. Черты сходства между философами и пролетарями	3
II. Положение пролетаря благоприятствуетъ развитію великодушныхъ чувствъ и общихъ взглядовъ	5
III. Конвентъ и пролетаріи	7
IV. Верховная власть народа. Позитивизмъ ее не допускаетъ; но она признается, въ крайнихъ случаяхъ, право на возмущеніе	8
V. Преобразование метафизическаго догмата о верховной власти народа	9
VI. Способность пролетаріата стать опорой для духовной власти	11
VII. Нравственная и политическая сила преобразованнаго общественнаго мнѣнія	12
VIII. Организациа общественнаго мнѣнія	15
IX. Рабочіе клубы	16
X. Философскіе органы общественнаго мнѣнія	18
XI. Необходимое сочетаніе трехъ элементовъ общественнаго мнѣнія: доктрина, сила и органъ	19
XII. Коммунизмъ	21
XIII. Социализмъ	—
XIV. Позитивная теорія собственности	23
XV. Различіа между коммунизмомъ и позитивизмомъ и содѣйствіемъ	24
XVI. Необходимое согласованіе между независимостью и содѣйствіемъ	25
XVII. Въ промышленномъ строѣ руководителю необходимы	26
XVIII. Коммунизмъ игнорируетъ историческую непрерывность	27
XIX. Несмотря на благородство мотивовъ, вызвавшихъ коммунизмъ, онъ, какъ система, не имѣетъ никакой цѣлности	28
XX. Контролировать употребленіе богатства болѣе целесообразно, чѣмъ оскарывать право богатого	29
XXI. Искатьтъ наследствъ не заслуживающіхъ награды, которымъ онъ подвергается	30
XXII. Интеллектуальный трудъ, являющійся социальной силой, долженъ быть упорядоченъ	30

¹⁾ Первая и вторая части вошли въ четвертый выпускъ настоящей серіи. Пер.

БИБЛИОТЕКА

О г л а в л е н и е .

XXIII.	Воздействие общественного мнения на капитализм	31
XXIV.	Отказ участвовать в деле или забастовка	—
XXV.	Позитивизм и социализм. Точки согласия и разногласия	33
XXVI.	Необходимость в новой системе образования для разрешения социальных проблем	—
XXVII.	Народное образование. — Краткое изложение новой системы	35
XXVIII.	Поляза путешествий для пополнения образования	36
XXIX.	Споцентрированные знания	—
XXX.	Роль государства	—
XXXI.	Союз между философами и пролетариями	40
XXXII.	Пролетарии должны больше выказывать доверия к теологии	43
XXXIII.	Пролое благочестия также отказались от метафизических идей	45
XXXIV.	Пролетарии должны считать себя состоящими на общественной службе	48
XXXV.	Пролетарии не должны стремиться ни к богатству, ни к политической карьере	49
XXXVII.	Свобода союзов и свобода обучения	52
XXXVIII.	Пролетарии и война	53
XXXIX.	В течение переходного периода политическая власть должна быть централизованна	—
XI.	В продолжение переходного периода власть должна быть, в виде исключения, вверена пролетариям	55

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Роль женщины в позитивизме.

I.	Женщина, являясь аффективным элементом общества, должна стать высшим регулятором человеческой жизни	58
II.	Женщина и современные идеи	59
III.	Позитивизм имеет удовлетворение законным желаниям женщины	61
IV.	Женщина не должна превращаться. Она должна влиять на мужчину любовью и советом	62
V.	Комбинированное действие женщины, философов, пролетариев составляет моральную силу	65
VI.	Позитивизм и католицизм. Новая духовная власть будет превосходить старую	68
VII.	Позитивизм рассматривает сердце и ум, как два взаимно друга друга компонента позитивизма	69
VIII.	Католическим женщинам любовь, в ущерб влечению	72
IX.	Влияние женщины на пролетариат и философов	73
X.	Салон позволяет женщине оказывать социальное влияние	74
XI.	Жена	77
XII.	Жена	78
XIII.	Неформальный брак	79
XIV.	Вяное вранство	81
XV.	Вяное вранство	82
XVI.	Мать	84

О г л а в л е н и е .

XX.	Воспитание ребенка принадлежит матери	84
XXIII.	Современные софизмы о правах женщины	86
XXIX.	Эволюция благоприятствует не равенству полов, а их обособлению	88
XX.	Мужчина должен содержать женщину	89
XXI.	Женщина должна получать такое же образование, как и мужчина	91
XXIII.	Награда, связанная с аффективной миссией женщины	93
XXIII.	Женщина и рыцарство	94
XXIV.	Культ женщины	96
XXV.	Культ женщины подготавливает культ Человечества	100
XXVI.	Исключительными женщинам	101
XXVII.	Женщина распространяет позитивизм среди населения южных стран	104
XXVIII.	Женщина есть симпатический элемент умиротворяющей власти	106

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Эстетическая способность позитивизма.

I.	Позитивизм и искусство	108
II.	Художник должен улаживать жизнь, а не направлять ее	110
III.	Политическое влияние поэтов и литераторов. Опасности этого влияния	112
IV.	Общая теория искусства	114
V.	Роль поэзии	115
VI.	Искусство устанавливает гармонию между чувствами, мыслями и действиями	117
VII.	Эстетический процесс: подражание, идеализация, выражение	118
VIII.	Классификация изящных искусств	120
IX.	Поэзия	121
X.	Музыка	122
XI.	Живопись, скульптура, архитектура	123
XII.	Искусство в древности	—
XIII.	Искусство в средние века	124
XIV.	Искусство в наше время	125
XV.	Будущность искусства	127
XVI.	Искусство и образование	129
XVII.	Искусство и общественные празднества	130
XVIII.	Идеализация великих эпох и великих людей	131
XIX.	Новая система образования будет благоприятствовать проявлению эстетических дарований	132
XX.	В будущем художники будут привлечены к участию в духовной власти	133
XXI.	Сравнение между эстетическим гением и гением философским или научным	135
XXII.	Искусство и женщина	137
XXIII.	Искусство и пролетарии	138
XXIV.	Участье искусства в преобразовательном движении	139
XXV.	Позитивизм более благоприятен для изящных искусств, чем всякая другая философия	141

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Религия Человѣчества.

гл.	стр.
I. Основные черты нового строя: любовь какъ принципъ, порядокъ какъ основаніе и прогрессъ какъ цѣль	143
II. Гармонія между сердцемъ, разумомъ и характеромъ	145
III. Духовная и свѣтская власть	—
IV. Роль женщины	146
V. Роль пролетарія	147
VI. Разрѣшеніе главной человѣческой проблемы	—
VII. Человѣчество есть истинное Великое Существо	149
VIII. Жрецы Человѣчества	151
IX. Статическій взглядъ на Человѣчество	152
X. Динамическій взглядъ на Человѣчество	153
XI. Наука и ученые	155
XII. Религія Человѣчества болѣе благопріятствуетъ искусству, чѣмъ наукѣ	156
XIII. Политическое изображеніе новаго Верховнаго Существа	157
XIV. Человѣчество и божества	158
XV. Культа Человѣчества	159
XVI. Культа великихъ людей. Политическій календарь	160
XVII. Культа усопшихъ	161
XVIII. Содѣяніе различныхъ изящныхъ искусствъ	163
XIX. Политизмъ выше католицизма	164
XX. Высшимъ счастьемъ будетъ жить для другихъ	166
XXI. Новая форма молитвы	167
XXII. Политическая мораль	169
XXIII. Новая духовная власть	171
XXIV. Дуализмъ между моральной іерархіей и практической іерархіей	172
XXV. Права и обязанности. Никто не обладаетъ другимъ правомъ, кромѣ права исполнять свои обязанности между всѣми людьми и, въ особенности, непрерывной связи между всѣми поколениями	174
XXVII. Функція новой духовной власти. Полное отдѣленіе духовнаго элемента отъ свѣтскаго, теорія отъ практики, совѣтъ отъ приказа	179
XXVIII. Функція капиталистовъ или свѣтскихъ вождей	180
XXIX. Необходимое водѣленіе моральныхъ силъ на силы матеріальныя	181
XXX. Какъ ограничить и обуздать жажду употребленія капиталистовъ	182
XXXI. Въ новомъ строѣ богатство можетъ передаваться по наследству	183
XXXII. Матеріальная отвѣтственность капиталистовъ	184
XXXIII. Нормальная отношенія между философами, пролетаріями и капиталистами	185
XXXIV. Эволюція революціонныхъ дѣятелей	186
XXXV. Первый дѣвизъ: Свобода, Равенство	187
XXXVI. Второй дѣвизъ: Свобода, Общественный Порядокъ	—
XXXVII. Третій и послѣдній дѣвизъ: Порядокъ и Прогрессъ	187

гл.	стр.
XXXVIII. Необходимость во временной политикѣ въ теченіе переходнаго періода. Новое правительство должно быть вѣрено тремя пролетаріями	188
XXXIX. Западная политическая комитетъ, органъ новой духовной власти	190
XL. Западная Республика. Ея главные учрежденія: Флотъ, монета, коллегія-религіозная хоругвь, политическое знамя	191
XLI. Новая доктрина пригодна для людей всѣхъ расъ и всѣхъ климатовъ, но ихъ добровольное присоединеніе къ ней, конечно, совершится съ неравною скоростью	194
XLII. Религія Человѣчества. Благодаря своей моральной возвышенности, интеллектуальному превосходству и социально-политической целесообразности, она можетъ разрѣшить великую современную проблему	196
XLIII. Каждый человѣкъ долженъ теперь выбрать между ретроградно-анархическимъ лагеремъ служителей устарѣлаго Бога и органическо-прогрессивнымъ лагеремъ слугающей Человѣчества	199

С. И. ПИЛТАВИ

Содержание

1. Введение 1

2. Глава первая. Предмет позитивизма 1

3. Глава вторая. Метод позитивизма 1

4. Глава третья. Принципы позитивизма 1

5. Глава четвертая. История позитивизма 1

6. Глава пятая. Современный позитивизм 1

7. Заключение 1

8. Приложение 1

9. Литература 1

10. Указатель 1

Огюсть Контъ.

Общій обзоръ позитивизма.

Части третья, четвертая, пятая и общее заключение.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Народное значение позитивизма.

ГЛАВА I.

Черты сходства между философами и пролетаріями.

В силу философской природы и специального назначения позитивизма, ему приходится искать основную точку опоры вне всех духовных или светских классов, которые до сих пор больше или меньше участвовали в управлении человечеством. За исключением редких единичных личностей, число которых, впрочем, некорь значительно увеличилось, каждый из этих классов, благодаря своим предрассудкам и страстям, естественно представляет серьезные препятствия для умственного и нравственного преобразования, долженствующего характеризовать вторую часть великой западной революции. Неправильное образование и эмпирические привычки мешают им создать широкое мировоззрение, которому отныне нужно подчинить все специальные понятия. Деятельный аристократический эгоизм у них обыкновенно мешает действительному преобладанию социального чувства этого высшего принципа нашего возрождения.

Не только нельзя рассчитывать на классы, господство которых было навсегда разрушено в начале революционного кризиса, но мы должны ожидать почти столь же сильного, хотя больше скрытого противодействия со стороны тех классов, которые достигли высшего социального положения, которого они так долго добивались. Их политическая стремления сводятся, главным образом, к обладанию властью, не касаясь ее назначения и ее осуществления. Они не шутя полагают, что парламентарный режим, свойственный закачавшемуся ныне переходному состоянию покоя, является завершением революции. Они долго будут сожалеть об этой эпохе застоя, так как она была особенно благоприятна для их честолюбивой деятельности.

Полное социальное преобразование почти так же пугает эти средние классы, как и старая дворянская сословия. Как один, так и другой охотно согласился бы, по возможности, продать в новых формах, даже республиканских, теологическую систему лицемерия, составляющую теперь единственный реальный остаток ретроградного режима. Эта безразличная система является для них вдвойне привлекательной, ибо она обеспечивает почтительное подчинение масс, не предельная

пожидая никаких строгих обязанностей. Если их критико-метафизические предрассудки стремятся убавить духовное междуцарствие, препятствующее окончательному преобразованию, то их страсти не менее страшатся воцарения нового морального авторитета, который, конечно, главным образом, даст себя чувствовать людям богатым.

В восемнадцатом веке большая часть вельмож и даже королей могла принять чисто отрицательную философию, которая, избавляя их от многих затруднений, доставляла им легкую известность и не требовала от них никакой серьезной жертвы. Но это обстоятельство не позволяет еще надеяться, что наши богатые и образованные классы столь же сочувственно отнесутся к позитивной философии, которая начинает теперь дисциплинировать умы, дабы преобразовать нравы.

В силу этой двойной причины, позитивизм может встретить искреннее коллективное одобрение только среди классов, которые, будучи избавлены от бесполезного обучения словам и сущностям и естественно одушевлены деятельной общественностью, составляют отныне наилучшую опору для здравого смысла и нравственности. Одним словом, наши пролетарии единственно способны стать руководителями помощниками новых философов. Инуэль из преобразования является, главным образом, от тесного союза между этими двумя крайними элементами окончательного строя. Вопреки их естественному различию, — впрочем, более кажущемуся, чем действительному, — они в основе имеют много сходных интеллектуальных и моральных черт. Умы тех и других будут все более и более обнаруживать один и тот же инстинкт реальности, равное предпочтение полезного и одинаковое стремление подчинять мысли, касающиеся мелочных вопросов, чуждым взглядам. Сь той и сь другой стороны разовьются также великодушные привычки мудрой беззаботности к материальным благам и равное презрение к суетным почестям; но крайней мере, тогда, когда истинные философы, благодаря союзу сь достойными простотами, окончательно выработают свой собственный характер.

Когда эти основные симпатии смогут достаточно обнаружиться, дело станет, что каждый пролетарий является во многих отношениях саморядным философом, подобно тому как всякий философ представляет собой сь различных сторон систематического пролетария. Сверх того, эти два крайних класса проявят одинаковое отношение к промежуточному классу, который сосредоточивает в своих руках суетное преобладание, и от которого поэтому обыкновенно зависят их общее материальное существование.

Всё эти сходства естественным образом вытекают из их положения и назначения. Если эти положения еще недостаточно отчетливо выражены, то это обусловливается, главным образом, отсутствием настоящего философского класса, насчитывающего сейчас лишь некоторых изолированных представителей. Хотя истинные пролетарии, к счастью, не столь редки, однако, только во Франции или скорее только в Париже, они могли проявить себя достойным образом свободными от всяких неслыхных влияний и от всякого пустого социального престижа. Исключительно в Париже можно понять глубокую реальность вышеприведенной оценки.

ГЛАВА II.

Положение пролетария благоприятствует развитию великодушных чувств и общих взглядов.

Мы видим, что повседневная занятая пролетария гораздо более благоприятны философским размышлениям, чем занятая средних классов, ибо они не поощряют их настолько, чтобы мешать последовательному мышлению даже во время практической работы. Этот умственный досуг облегчается морально естественным отсутствием ответственности: положение труда само собой предохраняет их от честолюбивых расчетов, беспрестанно тревожащих предпринимателя. Характер размышлений того и другого определяется даже этим двойным различием, в силу которого один стремится к общим понятиям, а другой к специальным взглядам. Для достойного пролетария, столь превосходным теперь умная специализация прямо представляется в настоящем свете, т. е. как притупляющая умственные способности, ибо она обрекает ум на такую жалкую деятельность, что она у нас никогда не возобладает, несмотря на эмпирически настоящие успехи экономистов-англичанов. Напротив, эта исключительная и непрерывная специализация должна казаться значительно менее унижающей и даже как будто необходимой для предпринимателя и даже для ученого, прибывающих ее к вопросам, занимающим более посредственные умы, но крайней мере, когда здоровое образование не развило у них вкус и привычку к отвлеченным обобщениям.

Но моральная противоположность между двумя формами практического существования еще более выступает, чем их интеллектуальная противоположность. Гордость, внушаемая обыкновенно суетными успехами, в сущности плохо оправдывается родом достоинств, необходимыми для приобретения, хотя бы внешне законного, высокого положения или богатства. Те, кто более ценят внутренни качества, чем видимые результаты, без труда признают, что практические победы, как промышленные, так и военные, зависят преимущественно от характера, а не от ума или сердца. Они требуют, главным образом, сочетания известной степени энергии сь благодаримым и достаточной настойчивости. Когда эти условия имеются в наличности, умственная посредственность и моральное несовершенство несомненно необходимы для подобных успехов. Можно даже утверждать, без всякого преувеличения, что бланш мысли и чувств зачастую способствует провалению и поддержанию соответственных успехов. Когда нужен большой подъем трех активных качеств, то они скорее определяются личными побуждениями жадности, честолюбия или славы, чем высшими истинами.

Таким образом, какого бы уважения ни заслуживало всякое законное возмещение, философия, более ясновидная, чем религия, не может на основании его заключать о моральном превосходстве вельмож и богатей, так как это не вытекает из истинной теории человеческой природы.

Обычное существование пролетария гораздо более способно само собой развивать наши лучшие инстинкты. Даже касательно трех активных качеств, от которых зависят, главным образом, счастье людей, оно только благодаря обыкновенно оказывается у него недостаточным, что уменьшает значение двух других в личной жизни, не имея, однако, их социальному применению. Во всяком случае, моральное превосходство пролетарского типа определяется преимущественно принятым подвигом различных высших инстинктов. Когда окончательная систематизация идей и правая закрыть истинный характер, присущий этому громадному основному классу современного общества, станет понятным, что различия домашней привязанности естественно должны здесь развиваться более, чем среди промежуточных классов, которые слишком заняты личными расчетами, чтобы достойно оценить подобный связь.

Но главное моральное значение пролетарской жизни касается собственно социальных чувств, которыми здесь сами собой действительно развиваются, даже с младенческого возраста. Именно тут мы обыкновенно находим лучшие образцы настоящей привязанности, даже среди тех, кои, в силу своей постоянной зависимости, слишком часто благодаря нашим аристократическим правам переходящей в безразличие, кажутся обреченными на нравственное убеждение. Искреннее благоволение, чистое от всякой угодливости, наиболее развивается тут по отношению к выдающимся лицам всякого рода, причем оно не нейтрализуется педантизмом высокомерия и не смущается светскими соперничествами. Великодушная побуждения поддерживаются здесь всегда немалыми вытекающими из личного опыта действительными симпатиями к страданиям, присущими человечеству. Ни в какой другой среде социальное чувство не испытывает столько спонтанного возбуждения, по крайней мере, что касается активной солидарности, в которой каждый, сохраняя свою ярко выраженную индивидуальность, является главным средством к достижению благополучия. Если истинность человеческой непрерывности недостаточно еще развиты среди пролетариев, то это зависит, главным образом, от отсутствия у них систематической культуры, единственно целесообразной в этом отношении.

В настоящее время было бы излишне доказывать, что ни один другой класс не дает столь частых и столь решительных примеров искреннего и скромного самоотвержения в каждом случае действительной общественной потребности. Наконец, важно отметить по этому поводу, что, в виду отсутствия правильного образования, все эти высокие моральные качества сабдуется рассматривать как порождения пролетариату, с тех пор как коренное освобождение народных умов не позволяет относить эти результаты к религиозному влиянию. Хотя этот столь непривычный тип пролетария в действительности существует еще пока только в Париже, его первое появление в центр Запады должно дать всем истинным наблюдателям достаточное понятие о полном окончательном распространении характера, столь соответствующего здоровой теории человека, в особенности, когда позитивному удастся надлежащим образом систематизировать эти самородные стремления.

ГЛАВА III.

Конвент и пролетарий.

Благодаря этой краткой отсылке становится понятным поразительный социальный инстинкт, побуждавший конвент искать среди наших пролетариев главной поддержки не только против угрожавших ему исключительных опасностей, но также для окончательного преобразования, к которому он горячо стремился, хотя и не был в состоянии определить его природу. Однако, в виду отсутствия действительно общей доктрины и вследствие анархического мнения господствующей метафизики, этот основной совет был тогда казуман в духе, противоречившем его главной цели, так как он по обычаю призывает народ захватить в свои руки политическую власть. Подобное направление, без сомнения, определялось временными необходимостями тогдашнего состояния, когда защита республики зависела, главным образом, от пролетариев, единственно преданных и непоколебимых. Но, будучи считаемо, согласно абсолютному духу официальной теории, за окончательное, оно вскоре стало несовместимым с существенными условиями современного общества. Это не значит, что народ вообще не должен, даже в случае надобности, оказывать помощь, даже материальную, для поддержании светской власти. Такое подчиненное вмешательство, как в внутренни, так и во внешни дела, не только не является анархическим, но составляет, очевидно, необходимую гарантию всякого нормального строя. Нужно даже признать, что в этом отношении французские нравы еще весьма несовершенны, так как они располагают наше население равнодушно относиться к повседневным действиям охранительной полиции. Но всякое прямое участие народа в политическом управлении, для решения важных социальных мероприятий в современных государствах, уместно только в период революции. В окончательном же состоянии оно необходимо будет анархическим, если не станет властью приравненным.

ГЛАВА IV.

Верховная власть народа. Позитивизм ее не допускает; но он признает, в крайних случаях, право на возмущение.

Не допуская метафизического догмата о верховной власти народа, позитивизм систематически извлекает из него все то, что в нем заключается действительно благотворного, как для исключительных случаев, так, в особенности, для нормального существования, устраняя огромные опасности, связанными с его полным применением. В революционной практике его главное значение состоит в прямом оправдании права на бунт. Политическая же полнота представляется это право, как крайнее средство, необходимое для всякого общества, которое, при бес-

условном подчинении, слишком проповедуемъ современнымъ католичествомъ, рисковало бы поддаться подъ его тиранию. Съ научной точки зрѣнія, должно въ немъ видѣть спасительный крикисъ, еще болѣе необходимый для коллективной, чѣмъ для индивидуальной жизни, соответственно очевидному биологическому закону, гласящему, что болѣзненное состояние является тѣмъ болѣе частымъ и тѣмъ болѣе тяжкимъ, чѣмъ организмъ сложнѣе и выше. Такъ что никто не можетъ серьезно опасаться, что грядущее возобладаніе позитивизма, которое вызоветъ исчезновеніе собственно революціоннаго духа, распознать когда-либо въ пассивному подчиненію. Это значило бы принять болѣзнь за окончательный видъ здоровья. Глубоко относительный характеръ новой социальнй доктрины, напротивъ, дѣлаетъ ее существенно способной кореннымъ образомъ примирить обычное почитаніе съ исключительнымъ возмущеніемъ, какъ этого требуютъ одновременно нравный смыслъ и человеческое достоинство. Сохраняя это опасное лекарство для дѣйствительно крайнихъ случаевъ, она не колеблется, его одобрить и даже будетъ рекомендовать, когда оно станетъ безусловно необходимымъ. Но она выполняетъ эту временную функцию и не вводитъ въ обычай отдавать политическіе вопросы и выборы на судъ очевидно некомпетентныхъ людей, которыхъ она, сверхъ того, сумѣетъ склонить къ добровольному отреченію отъ ихъ анархическихъ правъ.

Что касается нормальнаго предписанія, которое дѣйствительно содержитъ въ себѣ, хотя въ весьма неясной формѣ, метафизическая теорія народоуластія, то позитивизмъ особенно способенъ освободить его отъ опасной примеси и тѣмъ увеличить его социальное значеніе, насколько не ослабилъ его. Онъ различаетъ въ немъ два весьма отличныхъ другъ отъ друга понятія, которыя до сихъ поръ смѣшивались—одно политическое, привѣщающееся въ некоторыхъ определенныхъ случаяхъ, другое моральное, имѣющее всеобщее примѣненіе.

ГЛАВА V.

Преобразование метафизическаго догмата о верховной власти народа.

Первое сводится къ провозглашенію, отъ имени социальнй массы, частныхъ постановленій, главные мотивы которыхъ всѣ граждане могутъ обыкновенно достаточно оцѣнить и которыя прямо касаются практическаго существованія всей общины, какъ то: судебныя приговоры, объявленіе войны и т. д. Въ позитивномъ стрѣбѣ эти благотворныя предписанія, подсказанныя привычнымъ инстинктомъ всеобщей солидарности, станутъ еще болѣе внушительными, такъ какъ будутъ обращены ко всему человечеству, а не къ отдѣльному народу. Но было бы нецѣлесообразно распространять этотъ обычай на тѣ многочисленныя случаи, когда населеніе неспособно само принять рѣшеніе, должно приниматьъ рѣшенія лицъ, облеченныхъ его довѣріемъ. Эта социальная необходимость заставить либо отъ трудности рѣшаемаго вопроса, либо отъ слишкомъ косвеннаго или слишкомъ ограниченнаго вліянія предпринимасяго мѣры. Та-

кими рѣшеніями могутъ служить рѣшенія,—часто весьма важныя—касающіяся научныхъ понятій, а также болѣе или менѣе практическихъ промышленныхъ, медицинскихъ и т. д. правилъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, позитивизмъ можетъ легко предохранить народную справедливость отъ разрушительныхъ заблужденій, которыя приобрѣтаютъ серьезное значеніе только подъ вліяніемъ метафизическаго высокоумія, почти неизбѣжнаго нашимъ необразованнымъ пролетаріямъ.

Съ другой стороны, нормальное толкованіе мнимаго народоуластія сводится къ основному обязательству направлять всю социальную дѣятельность къ общему благу, впрочемъ, весьма относительному, что касается пролетарской массы: какъ въ силу ея подавляющаго численнаго перевѣса, такъ въ особенности, въ виду трудностей, связанныхъ съ ея естественнымъ положеніемъ, требующимъ искусственнаго попеченія, въ которомъ другіе слои общества мало нуждаются. Но понимаемое въ такомъ смыслѣ, это по существу республиканское понятіе совпадаетъ съ всеобщимъ основаніемъ истинной морали, выражающимся въ примѣтнѣе и безпримѣннѣе преобладаніи общественности надъ личностью. Позитивизмъ не столько не противорѣчитъ этому понятію, но какъ это уже было доказано въ настоящемъ обзорѣ—онъ является единственнымъ принципомъ его полной систематизаціи, даже умеренной. Правосовнѣе себѣ навеситъ это великое социальное правило, временнымъ выразителемъ котораго была, послѣ паденія католицизма, метафизическая философія, онъ его окончательно оцѣняетъ отъ всякаго анархическаго духа. Но онъ переноситъ на моральную почву то, что революціонная доктрина съ такой опасностью ставитъ на политическую почву, благодаря свойственному ей предрасудку, касающемуся постояннаго смѣшенія двухъ основныхъ силъ. Я скоро буду имѣть случай спеціально указать, насколько это спасительное преобразование не только не ослабитъ республиканскій принципъ, а напротивъ, увеличитъ его непрерывную цѣлесообразность, не прибѣгая къ обманамъ или возмущеніямъ, которыя его метафизическая форма стремится всегда вызывать.

ГЛАВА VI.

Способность пролетаріата стать опорой для духовной власти.

Мы переходимъ теперь къ прямой характеристикѣ главнаго коллективнаго участія, которое должны принимать пролетаріи въ окончательномъ стрѣбѣ человечества. Оно приваджитъ имъ въ силу ихъ естественной способности стать необходимыми союзниками духовной власти въ ея тройной социальной функціи—въ оцѣнкѣ, руководствѣ и даже въ подготовкѣ. Всѣ интеллектуальныя и моральныя свойства, которыя имъ только-что отнѣтили у пролетаріата, содѣйствуютъ тому, чтобы указанная его роль неизмѣнно сохранялась за ними. За исключеніемъ класса философовъ,—главнаго органа духа общины,—никакая другая часть современнаго общества не можетъ такъ, какъ пролетаріи, быть расположена вести себя надлежащимъ образомъ съ общей точки зрѣнія.

Превосходство пролетаріевъ надъ другими слоями общества еще болѣе очевидно въ обладаніи социальнымъ чувствомъ; въ этомъ отношеніи они обыкновенно стоятъ даже выше истинныхъ философовъ, слишкомъ отдаленныхъ стремленій которыхъ значительно выигрываютъ отъ повседневнаго соприкосновенія съ врожденными благородными порывами народа.

Итакъ, пролетаріатъ болѣе всякаго другого класса общества естественнымъ образомъ приспособленъ понимать и въ особенности чувствовать дѣйствительныя нравственныя начала, хотя онъ и не въ состояніи ихъ привести въ стройную систему. Эта врожденная способность обнаруживается преимущественно по отношенію къ собственно социальной морали, являющейся наиболее важной и наиболее законченной изъ трехъ главныхъ частей всеобщей морали.

Наконецъ, помимо этихъ естественныхъ склонностей и сердца, коллективныя потребности пролетаріата по необходимости заставляютъ его поддерживать главныя нравственныя начала, которыми обыкновенно выгоды для него. Для поднятія этихъ началъ на надежную высоту въ активной жизни, духовная власть не можетъ очень рассчитывать на помощь посредствующихъ классовъ, являющихся естественными посетителями свѣтскаго господства, злоупотребленія котораго ея предисловія должны умирять и исправлять. Обычныя эгоистическія стремленія вѣлможъ и богатыхъ, вредно отражаются, главнымъ образомъ, на пролетаріатѣ, а потому именно пролетаріевъ и нужно призвать на поддержку нравственныхъ началъ. Они тѣмъ болѣе способны энергично поддерживать ихъ, что они по необходимости не должны принимать участія въ собственно политическомъ управленіи. Всякое участіе ихъ въ свѣтской власти не только носило бы анархическій характеръ, но и отягало бы ихъ отъ главнаго дѣла, которымъ социальный порядокъ испѣляетъ всѣ мучающіе ихъ недуги. Народная мудрость вскорѣ обвинитъ несомнѣнное ничтожество предлагаемыхъ имъ немедленныхъ рѣшеній. Она не замедлитъ понять, насколько ея законныя требованія преимущественно связаны съ нравственными средствами, представляемыми пролетаріамъ позитивизмомъ, хотя этотъ послѣдній ихъ призываетъ также не стремиться къ приврачной власти, вносящей смуту.

Это основное стремленіе народа содѣйствовать духовной власти въ ея главной социальной задачѣ настолько естественно, что оно уже обнаружилось въ средніе вѣка по отношенію къ католицизму; подобнымъ же тяготѣніемъ нужно объяснить и тѣ сдвиганія, которыя послѣдній, несмотря на своей общій упадокъ, еще вызывалъ у народовъ, не принявшихъ протестантизма. Поверхностные наблюдатели принимаютъ часто эту привязанность за истинное призваніе этихъ вѣрованій, а въ сущности это наибольшее къ нимъ равнодушіе. Но это историческое заблужденіе расцвѣтаетъ пріемъ, который въ непродолжительномъ времени эти народы, неправильно причисленные къ отсталымъ націямъ, окажутъ позитивизму, когда они поймутъ его способность удовлетворять лучше католицизма основныя потребности, справедливо подсказываемыя имъ социальнымъ инстинктомъ.

ГЛАВА VII.

Нравственная и политическая сила преобразованнаго общественнаго мнѣнія.

Какъ бы то ни было, это врожденное тяготѣніе пролетаріата къ духовной власти не могло значительно развиваться въ средніе вѣка, такъ какъ народный элементъ едва освободился отъ остатковъ рабства, когда католицизмъ пользовался наибольшимъ вліяніемъ. Зараня историческая теорія считаетъ даже отсутствіе этой поддержки одной изъ причинъ неизбежнаго крушенія благодной попытки католицизма. Это преждевременное духовное ученіе, благодаря неизбежному оскуднѣнію соотвѣствующихъ вѣрованій, а также вслѣдствіе ретрограднаго характера духовныхъ авторитетовъ, въ сущности уже распалось къ тому времени, когда пролетаріатъ сталъ настолько значительной социальной силой, что былъ въ состояніи оказывать ему рѣшительную поддержку, если бы оно того заслуживало.

Такимъ образомъ, вся новѣйшая эволюція способствовала тому, чтобы позитивизмъ организовалъ основной союзъ между философами и пролетаріями, одинаково подготовленными къ этому окончательному союзу, благодаря положительнымъ и отрицательнымъ переѣмамъ, совершившимся на западѣ въ теченіе послѣднихъ пяти вѣковъ.

Этотъ преобразовательный союзъ, главнымъ образомъ, призванъ создать господство общественнаго мнѣнія, которое, начиная съ конца среднихъ вѣковъ, согласно всѣмъ инстинктивнымъ и систематическимъ предисловіямъ, должно стать главной характерной чертой окончательнаго строя человѣчества.

Благотворное вліяніе общественнаго мнѣнія неизбежно станетъ важнѣйшей опорой нравственности,—не только социальной, но также частной и даже личной—среди тѣхъ народовъ, у которыхъ каждый человѣкъ долженъ будетъ жить все болѣе и болѣе на виду у всѣхъ, что позволитъ обществу дѣйствительно контролировать дѣятельность каждого. Невѣжное паденіе теологическихъ иллюзій дѣлаетъ эту силу особенно необходимой, такъ какъ большинству людей, даже развитыхъ умственно, не въ достаточной степени обладаетъ естественной нравственностью. Послѣ несравнимаго удовлетворенія, непосредственно сопровождающаго постоянное упражненіе социального чувства, общее одобреніе будетъ составлять наилучшую награду за хорошее поведение. Оставляя доступную о себѣ память было всегда главнымъ желаніемъ каждого, даже при теологическомъ режимѣ. Въ позитивномъ строѣ это благородное честолюбіе пріобрѣтетъ еще болѣе значенія, какъ единственное средство удовлетворить нашу внутреннюю потребность въ убѣжденіи нашего существованія; и сила общественнаго мнѣнія, являясь болѣе необходимой для новаго нравственнаго строя, развивается къ нему съ болѣе напряженностью. Реальность, свойственная всегда доктринамъ, соответствующимъ совокупности фактовъ, лучше обеспечиваетъ авторитетъ началъ нравственности и ихъ прѣсообразное приращеніе, чѣмъ смутныя и автори-

тетныя метафизическія или теологическія предписанія. Съ другой стороны, прямое и постоянное воззваніе къ общественному интересу, какъ къ единственному принципу позитивной морали, возбуждаетъ постоянное вышательство общественнаго мнѣнія, являющагося единственнымъ естественнымъ судьей всякаго поведения, направляемого, такимъ образомъ, къ общему благу. Теологическо-метафизическое ученіе о личномъ значеніи существованія каждаго человѣка, не допускало, конечно, подобнаго воззванія.

Не приходится даже доказывать, что по отношенію къ политикѣ въ собственномъ смыслѣ, сила общественнаго мнѣнія должна стать ея регулирующимъ началомъ. Вліяніе этой силы сказывается уже теперь, несмотря на нашу утратившую анархію, всякій разъ, когда благодаря какому-нибудь рѣшительному толчку, устраняются коренныя общественныя разногласія, обыкновенно сводящія на нѣтъ ея значеніе. Вліяніе ея обнаруживается даже тогда, когда общественное мнѣніе увлекается по ложному пути, чему наши правительства почти никогда не въ состояніи достаточно противодѣйствовать.

Приведенныя здѣсь двоякаго рода доказательства позволяютъ судить о томъ, какое важное значеніе должно пріобрѣсти законодѣльное пользованіе этой силой, когда она явится результатомъ не случайнаго и временнаго совпаденія мнѣній, но систематическаго исповѣданія всеобщихъ принциповъ. Отсюда можно ясно видѣть, насколько окончательное возрожденіе социальныхъ учрежденій зависитъ, главнымъ образомъ, отъ предварительнаго преобразованія мнѣній и нравовъ.

Такое духовное основаніе не только необходимо для того, чтобы опредѣлить, въ чемъ должно состоять гражданское переустройство, но оно также доставитъ главный средства для осуществленія этого предпріятія. По мѣрѣ возстановленія умственнаго и нравственнаго единства, оно необходимо будетъ руководить постепеннымъ развитіемъ новой политической системы.

Такимъ образомъ, главные социальные улучшенія могутъ быть осуществлены задолго до того, какъ духовное преобразование будетъ закончено. Въ средніе вѣка католическій строй игралъ значительную роль въ возрожденіи общества, несмотря на то, что его собственная внутренняя организація еще мало подвинулась впередъ. Въ нашемъ возрожденіи подобное соотношеніе между духовнымъ и систематическимъ прогрессомъ должно имѣть мѣсто въ большой степени.

ГЛАВА VIII.

Организація общественнаго мнѣнія.

Двоякое назначеніе общественнаго мнѣнія само опредѣляетъ главныя условія его нормальной организаціи. Его нравственное и политическое значеніе требуетъ, прежде всего, истинныхъ социальныхъ принциповъ, затѣмъ публики, которая, одобряя ихъ, санкціонировала бы ихъ спеціальное примѣненіе и, наконецъ, систематическаго органа, который, по установленіи всеобщей доктрины, руководилъ бы ея повседневно-

нымъ приложениемъ. Несмотря на его естественную очевидность, этотъ анализъ общественнаго мнѣнія еще настолько мало признанъ, что нѣкоторыя прямыя указанія необходимы здѣсь для характеристики каждаго изъ трехъ общихъ условій.

Первое, въ сущности, состоитъ въ распространеніи на социальное искусство основнаго дѣленія между теоріей и практикой, необходимость котораго въ незначительныхъ случаяхъ нѣкто уже не оспариваетъ. Именно благодаря этому обстоятельству новая духовность вскорѣ будетъ признана выше старой. Въ средніе вѣка общіе принципы нравственнаго и политическаго поведения могли имѣть лишь эмпирической характеръ, освѣщенный только религіей. Все превосходство этого строя надъ древнимъ ограничивалось, въ этомъ отношеніи, въ отдаленіи этихъ нравовъ отъ ихъ частаго примѣненія, благодаря чему они становились предметомъ непосредственнаго предварительнаго изученія и предохранялись отъ вліянія переживаемыхъ страстей. Однако, не взирая на важность подобнаго раздѣленія, ему не хватало осмысленности, и потому здравый смыслъ долженъ былъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ выслѣдывать примѣненіе принциповъ, которые сначала были смутны и абсолютны, соответственно прирочъ самихъ вѣрованій. Въ виду этого, цѣлесообразность этого перваго спиритуализма была обусловлена его косвенной способностью развивать социальное чувство въ той единственной формѣ, которая была тогда возможна.

Позитивный спиритуализмъ обладаетъ теперь значительно болѣе удовлетворяющимъ характеромъ, такъ какъ основанъ на полной систематизаціи, одновременно объективной и субъективной. Не теряя ничего въ практической цѣнности, социальные принципы пріобрѣтаютъ внушительный теоретическій авторитетъ и въ особенности непоколебимое постоянство, благодаря ихъ необходимой связи съ совокупностью реальныхъ законовъ нашей личной или коллективной природы. Эти законы подтверждать, по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ принципы, которые не будутъ прямо изъ нихъ выведены:

Связаннымъ, такимъ образомъ, постоянно съ основой общественности, практическія правила смогутъ быть въ каждомъ случаѣ подвергнуты ясному и однородному толкованію, способному устранить всякіе софизмы. Эти рациональные принципы, дѣлающіе наше поведение независимымъ отъ мигнущихъ побужденій, одни только и могутъ обезпечить цѣлесообразное примѣненіе социального чувства и предохранить насъ отъ заблужденій, вызываемыхъ часто его произвольными внушеніями. Его прямое и постоянное развитіе, безъ сомнѣнія, составляетъ въ дѣйствительной жизни какъ общественной, такъ и частной, первый источникъ нравственности. Но это необходимое условіе обыкновенно недостаточно для обуданія естественнаго господства агонизма, если практическое поведение не будетъ намѣчено напередъ, въ каждомъ важномъ случаѣ, согласно доказуемымъ правиламъ, принятымъ сначала на вѣру, а затѣмъ—по убѣжденію. Ни въ какомъ дѣлѣ искреннее и пылкое желаніе преиспѣть не избавляетъ насъ отъ необходимости познать природу и условія добра. Политическая и нравственная практика не можетъ быть освобождена отъ этой обязанности, хотя непосредственныя внушенія чувства въ данномъ случаѣ болѣе дѣйствительны, чѣмъ во всѣхъ другихъ. Множество примѣровъ изъ общественной и частной жизни уже вполне показали, насколько чувство можетъ увлечь насъ на ложный путь, когда его побужденія не просвѣщены надлежащими принципами. Такимъ-то образомъ, за

отсутствиемъ систематическихъ убѣждений, первоначальнаго великодушнаго стремленія республиканской Франціи по отношенію къ остальному Западу вскорѣ выродились въ жестокое угнетеніе, когда отсталый вождь разбудилъ себялюбиве французевъ.

Обратные случаи еще болѣе обычны и также способны характеризовать эту естественную солидарность между чувствами и принципами. Ложная социальная доктрина часто способствовала естественному главенству эгоизма, извращая понятіе объ общемъ благе. Современная исторія даетъ тому поразительный примѣръ, именно незадуманное довѣріе, оказываемое въ Англіи софистической теоріи Мальтуса о народонаселеніи. Несмотря на несочувственный пріемъ, который эта теорія встрѣтила у всѣхъ другихъ западныхъ народовъ, и не назрѣла на то, что она уже отвергнута смѣлыми англійскими мыслителями, это безразрешенное заблужденіе дало еще кажущуюся научную санкцію преступной антипатіи, патовой руководимины классами ко некому глубокому возрожденію британскаго населенія.

Послѣ установленія всеобщей доктрины слѣдующимъ главнымъ условіемъ для созданія господства общественнаго мнѣнія является наличность социальной среды, способной проводить основныя принципы. Вотъ чего, главнымъ образомъ, недоставало католическому спиритуализму, крупное которого постою было необходимо, даже если бы религіозныя вѣрованія были болѣе долговѣчны.

Я уже достаточно указалъ, почему современный пролетаріатъ является прочной и естественной точкой опоры для новой духовной власти. Потребность въ ней столь же безспорна, какъ и ея естественное возникновеніе. Хотя позитивная доктрина сама по себѣ несравнимо болѣе целесообразна, чѣмъ всѣ недоказуемыя заповѣди, тѣмъ не менѣе, не нужно рассчитывать на то, что внушаемая ею убѣжденія смогутъ когда-либо сдѣлать совершенно излишней эту сильную поддержку. Разсудокъ отнюдь еще не можетъ быть такимъ прямымъ авторитетомъ въ нашей несовершенной организаціи. Даже социальное чувство, несмотря на его чрезвычайно большое значеніе, было бы недостаточно для обычнаго и надлежащаго руководства активной жизни, если бы общественное мнѣніе не укрѣпляло благи личныя намеренія.

Для того, чтобы чувство общественности одержало верхъ надъ личными интересами, требуется не только постоянное внимательство настоящихъ общинъ, принциповъ, способныхъ разсѣять всякое сомнѣніе касательно поведенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, но требуется также безпрестанное воздѣйствіе всѣхъ на каждого какъ для того, чтобы обуздать эгоистическія побужденія, такъ и для возбужденія симпатическихъ чувствъ. Безъ этого всеобщаго сотрудничества чувство и разсудокъ оказались бы всегда почти недостаточными, потому что наша несовершенная природа стремится всегда удовлетворять личныя инстинкты.

Выше мы видѣли, что пролетаріи естественно составляютъ въ этомъ отношеніи главный источникъ общественнаго мнѣнія, не только въ силу ихъ численнаго превосходства, но, въ особенности, благодаря ихъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ въ соединеніи съ ихъ социальнымъ положеніемъ. Такимъ образомъ, позитивизмъ, поставивъ, наконецъ, основную проблему человѣческой жизни, одинъ только и указываетъ въ самой природѣ великаго органа различнаго существа основанія реальнаго рѣшенія ея.

ГЛАВА IX.

Рабочіе клубы.

Отнынѣ ничто не можетъ помѣшать нашимъ пролетаріямъ, какъ изопрованымъ, такъ и, въ особенности, соединеннымъ въ общества, свободно судить о повседневномъ примѣненіи и даже объ общихъ принципахъ социальнаго режима, по необходимости затрагивающаго ихъ болѣе, чѣмъ всякій другой классъ. Памятное стремленіе нашего народа образовывать всюду клубы, безъ особаго къ тому поужденія и вопреки отсутствію великаго хдйствительнаго энтузіазма, лишій разъ доказало, насколько противорѣчны нашимъ правамъ матеріальнаго стѣненія, которыя эти естественныя наклонности раньше испытывали. Эти стремленія не только не могутъ пойти на убыль, но должны все болѣе и болѣе укорениться и развиться, такъ какъ они вполне соответствуютъ примѣчкамъ, чувствамъ и потребностямъ пролетаріевъ, составляющихъ главное основаніе этихъ союзовъ.

Истинная социальная доктрина должна ихъ укрѣплять, сообщая имъ болѣе правильную организацію и болѣе ясную цѣль. Оттуда не являясь въ какомъ-либо отношеніи анархическими, они въ сущности являются незыблительной и естественной подготовкой къ обычаямъ окончательнаго возрожденнаго человѣчества. Эти союзы поддерживаютъ социальное чувство посредствомъ постояннаго благотворнаго его возбужденія. Общественное мнѣніе вырабатывается одновременно и болѣе быстро, и болѣе полно, по крайней мѣрѣ, послѣ достаточной индивидуальной подготовки къ нему.

Никто теперь не недоумѣваетъ, какое важное и благотворное значеніе приобретутъ эти естественныя стремленія, когда истинно всеобщая доктрина надлежащимъ образомъ ихъ упорядочитъ. Она явится тогда главной точкой опоры для духовнаго преобразованія, которому будетъ, такимъ образомъ, обеспечена активная поддержка народа, тѣмъ болѣе рѣшительная, что она всегда будетъ свободной и мирной.

Опасеніе, что эти союзы могутъ вызвать политическія возненія, обусловлены только эмпирической оцѣнкой нашего революціоннаго прошлаго. Вѣсто того, чтобы поддерживать и развивать въ пролетаріяхъ желаніе пользоваться такъ называемыми политическими правами, рабочіе клубы, напротивъ, будутъ отвѣщать имъ отъ всякаго напраснаго внимательства въ политику, призывая нашихъ пролетаріевъ къ ихъ основной социальной службѣ, какъ главнаго вспомогательнаго элемента духовной власти. Эту благородную и нормальную будущность позитивизмъ презентовать имъ болѣе привлекательной, чѣмъ могутъ быть для нихъ теперь метафизическія иллюзіи.

Клубы, въ сущности, должны, главнымъ образомъ, замѣнить церковь или скореѣ, подготовить новый храмъ, подѣ степеннымъ давленіемъ преобразовательной доктрины, которая мало-по-малу доставитъ первенство окончательному культу Человѣчества, какъ и это особю укажу въ концѣ этого обзора.

Не пренебрегая свободному развитію всѣхъ прогрессивныхъ стремленій, нашъ республиканскій строй вскорѣ обнаружитъ самопроизвольное стремленіе нашего народа направить отнынѣ по этому новому руслу различныя социальныя чувства, единственными регуляторомъ которыхъ былъ долгое время католицизмъ.

ГЛАВА X.

Философские органы общественного мнѣнія.

Чтобы закончить изложение истинной теории общественного мнѣнія, мнѣ остается только указать зѣсь на то, что долженъ необходимо существовать философскій органъ, связывающій доктрину съ публикой, безъ чего ихъ взаимоотношеніе было бы почти безрезультатнымъ. Это послѣднее условіе еще болѣе необходимо, чѣмъ первое; и оно на дѣлѣ всегда имѣло мѣсто, ибо всякое ученіе предполагаетъ наличие первоначальныхъ основателей его и даже обыкновенныхъ учителей. Было бы очевиднымъ противорѣчіемъ считать, что нравственные и политическіе принципы имѣютъ высокое социальное значеніе, и въ то же время допускать, что лица, которыя ихъ устанавливають или преподають, лишены всякаго духовнаго авторитета.

Отрицательная метафизика, сперва протестантская, затѣмъ деистическая, могла, конечно, временно допустить подобную несообразность, когда разумная часть общества была преимущественно занята тѣмъ, чтобы обезопасить себя отъ католическаго регресса. Во время этой продолжительной борьбы каждый превращался въ своего рода священника, толкующаго по своему усмотрѣнію ученіе, которое могло обойтись безъ собственнаго органа, такъ какъ оно заключалось, главнымъ образомъ, въ критикѣ. Наши различныя метафизическія организаціи прямо освѣтили подобное положеніе вещей своими предварительными декларациями, которыя какъ бы дали каждому гражданину общее средство для социальной оптики, избавляющее его отъ необходимости обращаться къ специальнымъ толкователямъ. И, къ сожалѣнію, не могу здѣсь подробно рассмотреть это неправильное распространеніе на прочное органическое состояніе того порядка, который могъ соответствовать только революционному переходному состоянію.

По отношенію къ простѣйшимъ искусствамъ никто не посягнулъ бы требовать, чтобы общія правила существовали безъ теоретической разработки, или чтобы ихъ специальное толкованіе было предоставлено простому инстинкту практика. Какъ можетъ быть иначе относительно наиболее труднаго и наиболее важнаго искусства, болѣе сложнаго и менѣе точнаго правила котораго требуютъ въ каждомъ случаѣ специальнаго объясненія? Доказательства социальныхъ принциповъ никогда не станутъ настолько удовлетворительными, чтобы позитивная доктрина могла когда-либо, даже при наилучшей постановкѣ образованія, избавить отъ необходимости прибѣгать къ частной или общественной реальной жизни къ помощи философскихъ соображеній. Моральные мотивы, указывающіе на необходимость такого постоянного посредствующаго органа между правдою и приложеніемъ, еще болѣе рѣшительны, чѣмъ интеллектуальныя соображенія. Если, съ одной стороны, философскій органъ одинъ только можетъ достаточно знать истинный духъ руководящей доктрины, то, съ другой стороны, онъ же единственно способенъ представлять гарантію чистоты, возвышенности

и безпристрастія, безъ которыхъ его совѣты не имѣли бы почти никакого значенія для преобразованія индивидуальнаго или коллективнаго поведенія. Именно черезъ его посредство должно, главнымъ образомъ, совершаться это воздѣйствіе всѣхъ на каждого, признаваемое выше необходимымъ для истинной нравственности. Правда, онъ не является главнымъ источникомъ общественного мнѣнія, какъ высоконѣрные теоретики это часто полагають. Но хотя сила послѣдняго по существу вытекаетъ изъ свободнаго народнаго признанія, это естественное содѣйствіе становится вполнѣ успешнымъ только при систематическомъ провозглашеніи единодушныхъ суженій, кромѣ исключительныхъ случаевъ, когда достаточно прямого выраженія народной воли.

Такимъ образомъ, пролетаріатъ и философы являются двумя солидарными элементами въ специальной выработкѣ и даже въ обычномъ проявленіи настоящаго общественного мнѣнія. При отсутствіи перваго изъ этихъ элементовъ наилучше установленная доктрина была бы обыкновенно безсилна; безъ другаго она почти никогда не имѣла бы достаточной прочноты, чтобы преодолѣть постоянныя преніястія, которыя наша личная и социальная природа противопоставляетъ практическому господству основныхъ правдъ.

Эта потребность въ систематическихъ органахъ для руководства и провозглашенія общественного мнѣнія даетъ себя, въ сущности, чувствовать даже среди нашей духовной анархіи каждый разъ, когда наступаетъ настоящее проявленіе общественнаго мнѣнія, которое не могло бы имѣть мѣста, если бы никто не взялъ на себя почина или ответственности. Въ частной жизни это виѣшательство зачастую отсутствуетъ; въ наличности потребности въ немъ насъ убѣждаетъ неудовлетворительность на практикѣ даже наименѣе спорныхъ правилъ, если ихъ специальное примѣненіе не регулируется никакимъ постояннымъ авторитетомъ. Болѣе легкая оѣбка и болѣе дѣятельныя чувства стремятся тогда возмѣстить несовершеннымъ образомъ этотъ крупный пробѣлъ.

Всѣхлѣе болѣе трудныхъ условій и болѣе высокихъ требованій общественной жизни, она никогда не оставалась вполнѣ лишеной систематическаго виѣшательства. Въ каждомъ изъ ея проявленій обнаруживается, даже теперь, необходимое участіе некотораго духовнаго авторитета, представителями котораго чаще всего являются философы и литераторы.

Итакъ, наше умственное и нравственное безначаліе не избавляетъ общественное мнѣніе отъ руководящихъ и толковательскихъ. Только ему приходится удовлетворяться лицами, которыя могутъ представить лишь личныя свѣдѣтельства, не гарантирующія прочноты ихъ убѣжденій и чистоты ихъ чувствъ.

Поставленный такимъ образомъ позитивизмомъ вопросъ объ организаціи общественного мнѣнія не можетъ долгое время оставаться нерѣшеннымъ. Въ сущности, этотъ вопросъ сводится къ нормальному раздѣленію на дѣя социальные власти, подобно тому, какъ главное условіе позитивной доктрины было выше приведено къ соответственному раздѣленію на теорію и практикѣ. Съ одной стороны, ясно, что здравое толкованіе нравственныхъ и политическихъ правилъ можетъ,—какъ и для всякаго другаго искусства,—исходить только отъ философовъ, посвятившихъ себя изученію естественныхъ законовъ, на которыхъ эти правила покоятся. А для того,

чтобы философы могли сохранить цѣльное міросозерцаніе, что единственно составляетъ ихъ интеллектуальную заслугу—они должны тщательно поддерживать отъ всякаго участія въ активной жизни и особенно общественной, подъ вліяніемъ которой ихъ умозрительная способность скорѣе ослабѣваетъ. Съ другой стороны, это условіе не менѣе необходимо для сохраненія чистоты ихъ чувствъ и духовнаго безпристрастія, что является двойной нравственной гарантіей ихъ общественнаго или частнаго авторитета.

ГЛАВА XI.

Необходимое сочетаніе трехъ элементовъ общественнаго мнѣнія: доктрина, сила и органъ.

Такова вертѣль позитивная теорія общественнаго мнѣнія. Посредствомъ своихъ трехъ необходимыхъ элементовъ: доктрины, силы и органа, общественное мнѣніе глубоко связано съ совокупностью духовнаго преобразованія; или скорѣе, оно составляетъ только самую обыкновенную оценку этого основнаго предмета. Всѣ его части находятся между собой въ тѣсномъ естественномъ согласіи. Если позитивные принципы могутъ рассчитывать только на поддержку пролетаріевъ, то послѣдніе, въ свою очередь, не могутъ отнѣсти сочувствовать какому-либо другому ученію. То же самое можно сказать относительно философскихъ органовъ, независимость которыхъ можетъ быть установлена и поддерживаема только народомъ.

Наши ученые истинно отвергаютъ необходимость двухъ властей, такъ какъ это привело бы къ систематическому ограниченію ихъ честолюбія. Это раздѣленіе власти страшитъ также богачей, которые опасаются, что оно породитъ моральный авторитетъ, способный наложить на ихъ эгоизмъ непреодолимую узду. Одни пролетаріи могутъ теперь понимать эту реформу и сочувствовать ей, такъ какъ имъ болѣе доступны цѣльные взгляды и социальное чувство. Лучше предохраненные, въ особенности во Франціи, отъ метафизическихъ софизмовъ и отъ аристократическихъ презрѣній, ихъ умъ и сердце готовы легко усвоить правила позитивизма, казавшіяся этого основнаго условія нашего истиннаго возрожденія.

Эта теорія общественнаго мнѣнія ясно указываетъ, въ какомъ положеніи находится уже организація этого важнаго современнаго регулятора и чего ему, главнымъ образомъ, еще недостаетъ. Существуютъ уже доктрина, сила и даже органъ, но эти элементы не вступили еще между собою во взаимное сочетаніе. Поэтому всѣ успѣхъ возрожденія зависитъ, въ концѣ концовъ, отъ тѣснаго союза между философами и пролетаріями.

Чтобы закончить характеристику этого окончательнаго союза, мнѣ остается указать на общія выгоды, которыя онъ можетъ доставить народу въ вопросѣ о нормальномъ удовлетвореніи ихъ законныхъ требованій.

Главное ученіе, подлежащее скорѣе развитію и укрѣпленію всѣмъ другія, состоитъ въ томъ, что пролетаріи, благодаря своему благородному социальному назначенію, станутъ отнынѣ необходимыми помощниками духовной власти. Этотъ огромный классъ

людей, который, съ самаго своего зарожденія въ среднѣ вѣка, оставался чуждымъ новому строю, займетъ тогда положеніе, вполне соответствующее его собственной природѣ и общему благу. Помимо своихъ спеціальныхъ занятій, всѣ члены этого класса примутъ важное участіе въ общественной жизни, которое вознаградитъ ихъ за неизбежныя неудобства ихъ частной жизни. Такое народное сотрудничество, далеко не нарушая основнаго порядка, явится наиболее прочной гарантіей порядка, въ силу того только, что оно будетъ не политическимъ, но моральнымъ.

Таково окончательное измѣненіе, которое позитивизмъ вноситъ въ указанный революціоннымъ духомъ способъ социальнаго вмѣшательства пролетаріевъ. Бурный споръ о правахъ имъ замѣняемъ мирнымъ опредѣленіемъ обязанностей. Напрасные споры объ обладаніи властью замѣнены изслѣдованіемъ правды, относившихся къ мудрому ея осуществленію.

При поверхностной оцѣнкѣ современнаго состоянія можетъ показаться, что наши пролетаріи еще весьма далеки отъ подобнаго настроенія. Но болѣе глубокое изученіе можетъ вполне убѣдить, что даже провозвѣданнымъ ими теперь опытъ расширенія политическаго права скорѣе покажетъ имъ непригодность этого средства, мало соответствующаго ихъ естественнымъ потребностямъ. Не отрекаясь формально отъ этихъ правъ,—что было бы несогласно съ ихъ социальнымъ достоинствомъ, они, руководимые мудрыми инстинктами, не замедлятъ еще болѣе рѣшительно ихъ упразднить. Позитивизмъ безъ труда убѣдитъ ихъ, что, если духовная власть для полнаго достиженія своей социальной цѣли, должна всюду развиваться, то для сохраненія порядка требуется, напротивъ, обычное сосредоточеніе свѣтской власти. Это убѣжденіе является преимущественно результатомъ здраваго оцѣнка чисто-нравственной природы основнаго затрудненія, справедливо озабочивающихъ нашихъ пролетаріевъ.

ГЛАВА XII.

Коммунизмъ.

Пролетаріи уже сдѣлали въ указанномъ выше направленіи самопроизвольный шагъ, значеніе котораго еще очень плохо понято. Знаменитое утопическое ученіе, быстро распространившееся среди нихъ, служитъ имъ пока, въ виду отсутствія лучшей доктрины, для формулированія ихъ собственной точки зрѣнія на главный социальный вопросъ. Хотя опытъ первой части революціи не разочаровалъ ихъ окончательно въ политическихъ иллюзіяхъ, онъ, тѣмъ не менѣе, выяснилъ, что собственность для нихъ болѣе важна, чѣмъ власть въ собственномъ смыслѣ слова. Распространяя на этотъ пунктъ великую социальную проблему, коммунизмъ оказывается болѣе утѣшительнымъ, которую не могутъ унять временныя опасенія, вызываемыя его метафизическими формами. Поэтому эта утопія должна быть тщательно отдѣлена отъ многочисленныхъ заблужденій, порождаемыхъ нашей духовной анархіей, признающей неспособные или плохо подготовленные умы къ наиболее труднымъ умозрѣніямъ. Эти ненужныя теоріи столь мало характерны, что приходится ихъ различать по именамъ ихъ авторовъ.

Коммунизм не является именем какого-либо лица и не является случайным плодом исключительного положения. В нем трудно видеть самопроизвольный прогресс, скорее аффективный, чем рациональный, истинного революционного духа, стремящегося лишь заниматься преимущественно нравственными проблемами, отодвигая на второй план собственно политические вопросы.

Конечно, эти вопросы решаются коммунистами, как и их предшественниками, исключительно политическим путем, так как они также хотят руководить поведением посредством власти. Но вопрос, который они, наконец, поставили, требует непременно морального решения, его политическое решение окажется столь недостаточным и губительным, что вскоре непременно должно одержать верх решение, указываемое позитивизмом, который станет руководителем окончательного преобразования мифов и правот.

В коммунизме складуют особенно ценить свойственные ему благородные чувства, а не напыщенные теории, служащие временным выражением этих чувств в среде, где они не могут еще иначе формулироваться. Наши пролетарии, весьма мало проникнутые метафизическими воззрениями, принимая эту утопию, отнюдь не придадут этим доктринам такого же значения, как люди ученые. Коль скоро они найдут лучшее выражение для своих законных желаний, они, не колеблясь, предпочтут ясная и реальная повятия, могущая служить основанием для прочного мирного строя, смутным и призрачным идеям, анархическое направление которых они вскоре инстинктивно поймут. До этого момента они должны привыкать к коммунизму, как к единственному движению, которое может в настоящее время поднимать и энергично поддерживать самый основной вопрос. Даже опасения, вызываемые решением, которое они лишь предлагают, способствуют привлечению и сосредоточению общего внимания на этом важном предмете, который, без этого постоянного напоминания, устранился бы или игнорировался бы метафизическими империализмом и аристократическим эгоизмом правящих классов.

Впрочем, и тогда, когда наши коммунисты переработают свои идеи, им не захочет отказываться от своего имени, которое указывает только на основное преобладание социального чувства. Но наше благоприятное республиканское преобразование избавит их даже от этого названия и предложит им равнодушное обозначение, не вызывающее тех опасений, которые связаны со словом коммунизм.

Итак, новая философия не только не страшится коммунизма, но, напротив, рассчитывает на скорый успех среди большинства примкнувших к нему пролетариев, в особенности во Франции, где отвлеченные учения имеют мало влияния на людей свободомыслящих людей. Этот результат необходимо будет достигаться по мере того, как народ будет знакомиться с основной способностью позитивизма разбирать лучше коммунизма главную социальную проблему.

ГЛАВА XIII.

Социализм.

Новая формула, сама собой охватывая верх среди наших пролетариев после первого надания настоящего рассуждения, уже ясно обнаружила, что их настроение изменилось. Одобряя удачное выражение «социализм», они тем самым одновременно признали проблему коммунизма и отвергли их решение ее, лишь как-будто безвозвратно отброшенное. Но современные социалисты могут обходить коммунизм только до тех пор, пока они занимают пассивную или критическую позицию. Если они приобретут политическое главенство раньше, чем их идеи окажутся в унисон с их чувствами, они по необходимости дойдут до анархических заблуждений, которых они теперь инстинктивно отвергают. Вот почему быстрое распространение социализма внушает основательную тревогу классам, сопротивление которых, опирающиеся на опыт, составляет теперь единственную законодательную гарантию материального порядка.

В самом деле, проблема, поставленная коммунистами, допускает решение только в коммунистическом духе, пока продолжается революционное смещение духовной и светской властей. Таким образом, единодушное отрицание, ветряческое этакими утопиями, должно всюду подготовить благоприятную почву для позитивизма, который отныне один только и может предохранить Запад от всякой серьезной коммунистической попытки. Основывая, наконец, современную политику на надеждах систематическом разделении властей, впервые возникшем в среде вика, осмысливающая партия стремится теперь удовлетворить бдущих и в то же время успокоить богатых! Предлагаемое ею нормальное решение вскоре сбавает безопасными эти недоговоренные обозначения. Окончательно оцененное древнее наименование «республиканцы» будет всегда достаточно для обозначения истинных преобразовательных чувств, между тем как название «позитивисты» исключительно будет характеризовать воззрения, нравы и даже соответственные учреждения.

ГЛАВА XIV.

Позитивная теория собственности.

Побуждаемый свойственной ему реальностью, равно как и постоянным стремлением посылать разум на службу чувству, позитивизм двойной стремится основать систематизацию самопроизвольного коммунистического принципа на социальной природе собственности и на необходимости ее упорядочить.

Истинные философы, не колеблясь, поддерживают своим авторитетом инстинктивные протесты пролетариев против неправильного определения собственности.

принятого большинством современных юристов, приписывающих этому институту абсолютную индивидуальность, право пользоваться и злоупотреблять. Эта анти-общественная теория, исторически вызванная чрезмерной реакцией против исключительных привилегий, несправедлива и несостоятельна.

Так как никакой вид собственности не может быть создан или даже передан в чужие руки исключительно его обладателем, без необходимого специального и общего сотрудничества общества, то поэтому пользование им никогда не должно быть чисто-индивидуальным. Всегда и всюду общество больше или менее вмешивалось и подчиняло пользование им социальным потребностям. Налог действительно деляет все общество участником каждого частного владения; и общий ход цивилизации не только не уменьшает этого участия, но, напротив, постоянно его увеличивает, в особенности среди современных народов, все больше и больше расширяя связь каждого со всеми.

Другой всеобщий обычай показывает, что в некоторых крайних случаях общество даже считает себя в праве завладеть всецело собственностью. Хотя право конфискации было временно отменено во Франции, тем не менее, этот единственный случай отмены его, обусловленный незаконным злоупотреблением этим бесспорным правом, не может оказаться устойчивой традицией, поддерживающей это право, и власти, установившей его. Наши коммунисты, таким образом, прекрасно опровергли юристов относительно общей природы собственности.

Вплоть приема также их основная критика экономистов, метафизическая правила которых препятствуют всякому социальному упорядочению личного владения. Это догматическое заблуждение, вызванное, как и прежде, неправильным вмешательством, прямо противоречит здравой философии, хотя оно и признает, что общественные явления подчиняются естественным законам, и тем как будто к ней приближается. Похоже на то, что экономисты одобрили этот основной принцип только для того, чтобы точнее обнаружить, насколько они неспособны его понимать; ибо прежде, чем распространять его на наиболее важные явления, им следовало рассмотреть его относительно самых незначительных; пренебрегнув этим, они показали свое полное непонимание тенденции естественного порядка — становиться, по мере своего осложнения, все больше и больше неизменяемым. Так как вся наша деятельность покоится на этом понятии, то нельзя извинить педантизма экономической метафизики, с которой она осуждает непрестанное вмешательство человеческой мудрости в различные отрасли социального движения. Естественные законы, управляющие этим движением, не должны, напротив, способствовать лучшему проложению нашей деятельности, которая здесь оказывается более целесообразной и более необходимой, чем относительно всех других явлений.

Итак, с этих различных сторон основной коммунистический принцип поглощается позитивизмом. Значительно укрывая его, новая философия также расширяет его, так как она принимает его во всех формах человеческого существования, которая, согласно истинному республиканскому духу, все, без исключения, должно быть отдано на службе обществу.

Эгоистические чувства и мелочные взгляды необходимо преобладал в течение

долгаго революционного переходного состояния, отделяющего часть от средних вбков. Но как ть, так и другие не соответствуют окончательному строю современного общества.

Во всяком нормальном состоянии человечества, каждый гражданин является государственным чиновником, больше или менее определенными преимуществами которого обуславливают одновременно его права и обязанности. Этот всеобщий принцип должен, без сомнения, распространяться также на собственность, которую позитивизм рассматривает, главным образом, как необходимую социальную функцию, состоящую в накоплении и управлении капиталами, с помощью которых каждое поколение подготавливает поле деятельности для следующего за ним. Эта нормальная оценка обогащает владение собственностью, не ограничивая его справедливой свободой и даже внушая к нему больше уважения.

ГЛАВА XV.

Различия между коммунизмом и позитивизмом.

Но именно в этом пункте здравая социологическая теория совершенно расходится с инстинктивными взглядами народной мудрости. Принимая и даже значительно дополняя коммунистическую аргументацию, позитивизм совершенно отбрасывает коммунистическое решение, которое считает недостаточным и разрушительным. Наше решение, главным образом, отличается от последнего введением моральных средств вместо политических.

Таким образом, главное социальное различие между позитивизмом и коммунизмом относится, в конце концов, к нормальному отделению светской власти от духовной; эта мера, отсутствовавшая до сих пор во всех представлении об обновлении, всегда оказывается в основе каждой важной современной проблемы, как единственный окончательный выход для человечества. Характеризуя лучше коммунистическое заблуждение, позитивизм его оправдывает, так как эту ошибку он разделяет со всеми другими признанными ныне доктринами. Когда почти все высоко образованные умы не понимают основного принципа современной политики, разве можно поручить народный инстинкт за то, что он до сих пор находится под этим всемирным влиянием революционного оптимизма?

Мне нет надобности, в особенности здесь, предпринимать специальное исследование греческой утопии, основательно опровергнутой двадцать два века тому назад великим Аристотелем, провозгласившим, таким образом, органический характер позитивной философии даже на первой стадии ее возникновения. Сверх того, крайняя бесплодность современного коммунизма указывает на полное отсутствие в нем разумности и к то же время на благородный sentimentalный источник его. Но он отличается от греческой утопии, представленной преимущественно Платоном, главным образом, тем, что последний, кроме общности

имущества, проповедывал также общность жевъ и дѣтей, что на самомъ дѣлѣ и являлось необходимымъ слѣдствіемъ этой утопіи.

Какъ бы связаны ни были эти два заблужденія, эта утопія понимается въ такомъ смыслѣ только немногими учеными, плохо направленнымъ умъ которыхъ тревожитъ мало дѣятельное сердце. Наши же необразованные пролетаріи, будучи благородно непослѣдовательными, принимаютъ только ту часть этой недѣлимой ложной утопіи, которая относится къ ихъ социальнымъ потребностямъ, энергично отвергая все то, что оскорбляетъ наши лучшія чувства.

Не вдаваясь въ подробное обсужденіе этихъ иллюзій, важно отмѣтить главные недостатки соответствующаго имъ метода, такъ какъ за исключеніемъ позитивизма, они болѣе или менѣе присущи всѣмъ обновляющимъ школамъ. Они состоятъ, съ одной стороны, въ незнаніи или даже отрицаніи естественныхъ законовъ, управляющихъ социальными явленіями и, съ другой, въ обращеніи къ политическимъ средствамъ тамъ, гдѣ на первомъ мѣстѣ должны стоять нравственные средства. Дѣйствительно, эти двѣ связанныя между собою ошибки обуславливаютъ недостаточность и опасность различныхъ утопіи, тѣсно спаривающихъ другъ у друга руководство нашимъ возрожденіемъ. Чтобы сдѣлать эту ошибку болѣе ясной, я буду прибивать ее къ наиболее яркому заблужденію, откуда всякій безъ труда можетъ распространить ее и на всѣ другія.

ГЛАВА XVI.

Необходимое согласованіе между независимостью и солидарностью.

Знаніе реальныхъ законовъ общественной жизни обнаруживается, прежде всего, въ опасномъ стремленіи коммуниста подавлять всякую индивидуальность. Помимо того, что такимъ образомъ игнорируется естественное преобладаніе личнаго инстинкта, опускается также изъ виду одна изъ двухъ основныхъ характеристикъ коллективнаго организма, въ которомъ раздѣленіе функций столь же необходимо, какъ и ихъ участіе. Если бы между всеми людьми устанавливалась такая солидарность, что люди стали бы материально неотделимыми, какъ это наблюдается въ нѣкоторыхъ уродливыхъ случаяхъ вѣшнаго сращенія двухъ людей, общество немедленно перестало бы существовать. Эта крайняя гипотеза позволяетъ понять насколько индивидуальность необходима для нашей социальной природы, такъ какъ она создаетъ почву для разнообразія одновременныхъ усилій, благодаря чему общественная жизнь стоитъ выше всякаго личнаго существованія.

Великая задача человѣчества состоитъ въ согласованіи, по возможности, этого необходимаго раздѣленія съ не менѣе необходимымъ единеніемъ. Исключительная забота объ этомъ послѣднемъ условіи привела бы къ уничтоженію всякой реальной дѣятельности и даже истиннаго человеческого достоинства, такъ какъ великая отбѣтственность перестала бы существовать. Несмотря на радости домашняго очага, часто

отсутствіе независимости дѣлаетъ нестерпимымъ существованіе подъ постоянной опекой семьи. Что же было бы, если бы каждый находился въ подобномъ положеніи по отношенію къ безразличной общинѣ?

Таковъ огромный недостатокъ всѣхъ утопіи, приносящихъ въ жертву истинную свободу авторитарному равенству или даже превеличенному братству. Въ этомъ смыслѣ позитивизмъ по существу присоединяется—хотя и на основаніи иного принципа,—къ рѣшительной критикѣ, которой коммунизмъ подвергся у нашихъ экономистовъ, въ особенности въ почтенномъ трактатѣ наиболее передового изъ нихъ (Дюноа¹⁾).

ГЛАВА XVII.

Въ промышленномъ строѣ руководители необходимы.

Коммунизмъ противорѣчитъ также социологическимъ законамъ въ томъ, что онъ игнорируетъ естественную организацію современной промышленности, откуда онъ хочетъ устранить необходимыхъ руководителей. Армія не можетъ существовать безъ офицеровъ, равно какъ и безъ солдатъ; это простое понятіе однако приложимо къ промышленному строю, какъ и къ военному порядку. Хотя современная промышленность все еще бессистемна, однако, естественно установившися дѣленіе на предпринимателей и рабочихъ составляетъ, безъ сомнѣнія, необходимый зародокъ для окончательной организаціи. Никакое великое предпріятіе не могло бы существовать, если бы каждый исполнитель долженъ былъ быть также управляющимъ или если бы управленіе было неопредѣленно вѣрено кошой и неотвѣтственной толпѣ.

Современная промышленность, очевидно, стремится безрестанно увеличивать свои предпріятія, причемъ всякое увеличеніе вызываетъ точачъ и болѣе расширеніе. А эта естественная тенденція, будучи далеко не неблагоприятной для пролетаріевъ, одна только и даетъ возможность дѣйствительно систематизировать материальную жизнь, когда она будетъ надлежащимъ образомъ упорядочена моральными авторитетами. Ибо философская забота наложить именно на крупнѣйшихъ руководителей предпріятій обязанность, благоприятная для ихъ подчиненныхъ. Если бы материальное могущество не было достаточно сконцентрировано, мы не имѣли бы необходимыхъ силъ для выполненія великихъ нравственныхъ предписаній, или пришлось бы требовать чрезвычайныхъ жертвъ, несомѣстимыхъ ни съ какимъ промышленнымъ движеніемъ.

Таковъ неизбежный недостатокъ всякой реформы, которая ограничивается заботой о захватѣ общественной или частной власти, вмѣсто того, чтобы упорядочить пользование ею, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась. Такимъ путемъ сводится на нѣтъ силы, цѣлесообразное употребленіе которыхъ составляетъ наше главное средство для устраненія чрезвычайныхъ социальныхъ затрудненій.

¹⁾ См. объ этомъ авторъ въ 3-мъ выпускѣ настоящей серии.

ГЛАВА XVIII.

Коммунизм игнорирует историческую непрерывность.

Итак, несмотря на почтительное чувство, внушаемое современным коммунизмом, он, в виду отсутствия в нем истинно-научного обоснования, совершенно не годится, как средство для исцеления общественного недуга. Можно даже сделать нашим коммунистам более тяжкий упрек, именно в прямой ограниченности их социального инстинкта. Ибо чувство солидарности, которым они так гордятся, ограничивается настоящим временем, и в нем отсутствует историческая непрерывность, составляющая, однако, главную характерную черту человечества. Когда они укрывают свой нравственный порок на историческом основании и проследят исторически ту связь, которую они видят только на ограниченном промежутке, они тотчас замечают необходимость всеобщих условий, которыми они теперь игнорируются. Они поймут тогда важность института наследия, как естественного способа передачи одним поколением другому уже выполненных трудов и средств для их усовершенствования.

Расширение этого института на индивидуальную жизнь является только следствием его очевидной необходимости в коллективной жизни. Но упреки, которые заслуживают в этом отношении наши коммунисты, могут быть направлены также по адресу всех других новаторских сект, которые, вследствие своего анти-исторического направления, имеют в виду всегда общество без предков, даже в том случае, когда они интересуются, главным образом, потомками.

Вся эти бесспорные недостатки не могут помешать здравой философии споконвательно судить настоящей современной коммунизму, принимая во внимание или его истинный источник, или его действительное назначение. Было бы весьма несправедливо судить в отдаленности об учении, которое имеет смысл и ценность только относительно среды, в которой оно возникло. Оно здесь своеобразно выполняет необходимую функцию, прямо указывая на главную социальную проблему, которую нарождающийся позитивизм мог лучше формулировать.

Было бы совершенно неосновательно предполагать, что достаточно одной постановки вопроса без сопровождающего ее теперь опасного решения. Это значило бы совершенно игнорировать реальные требования нашего слабого ума, который даже в области простейших предметов не может долгое время останавливаться на вопросах, лишенных всякого ответа. Если бы, например, Галль и Брусс только ставили те проблемы, которые они дерзнули разрешить, их принципы оказались бы самым вытекающим только из отсутствия побуждения к обновлению, но ни казались бы ничем.

Каким образом можно было обойти эту потребность ума в наиболее трудных и наиболее страстных вопросах?

Поскольку, если внимательно сравним коммунистически заблуждения с другими социальными доктринами, занявшими в наши дни, даже официально, господствующее положение, наше заключение будет в пользу первых. Развѣ они, например, более бессмысленны и в основѣ более опасны, чѣм эмпирическая утопія, которая в течение цѣлаго столѣтія пользовалась во Франціи большим успѣхом и еще теперь увлекает многих ученых,—утопія о завершеніи великой революціи путемъ установленія парламентарнаго режима, пригоднаго только для переходнаго состоянія Англіи?

Сверхъ того, наши явные консерваторы избѣгаютъ коммунистическихъ заблужденій, только отбрасывая или обходя соответственные вопросы, становящіеся, однако, все болѣе и болѣе неустранимыми. Когда же они начинаютъ ихъ разсматривать, они, въ свою очередь, впадаютъ въ тѣ же самыя опасныя ошибки, по необходимости общія всемъ школамъ, отвергающимъ отдѣленіе духовной власти отъ свѣтской и стремящимся замѣнить воспитаніе нравовъ созданіемъ законовъ. Такъ, напримеръ, официальныя доктрины предагаютъ нѣтъ чисто-коммунистическія учрежденія: дѣтскіе пріюты, асли и т. д., между тѣмъ какъ народный инстинктъ справедливо осуждаетъ ихъ, какъ противныя всеобщему развитію семейныхъ привязанностей.

ГЛАВА XIX.

Несмотря на благородство мотивовъ, вызвавшихъ коммунизмъ, онъ какъ система не имѣетъ никакой цѣнности.

За исключеніемъ временнаго противодѣйствія другимъ ложнымъ доктринамъ, коммунизмъ имѣетъ цѣнность только въ силу благородства вызвавшихъ его чувствъ, но его призрачно и разрушительно решение социальной проблемы никогда не можетъ быть допущено. Однако, одиѣ этотъ благородный нравственный источникъ сохранить на немъ все возрастающее вліяніе до того времени, когда наши пролетаріи признаютъ, что удовлетворенія тѣхъ же потребностей можно достигнуть болѣе мягкими и болѣе действительными средствами.

Нашъ республиканскій строй, который съ перваго взгляда кажется столь благоприятнымъ для этой утопіи, долженъ, однако, скорѣе уменьшить ея значеніе, такъ какъ онъ стремится непосредственно санкціонировать социальный принципъ, являющійся заслугой коммунизма, но освобождаетъ его отъ опаснаго вліянія, искажающаго его. Во Франціи, гдѣ легкость пріобрѣтенія вселу развиваетъ естественную склонность къ собственности, особенно нечего бояться практическихъ послѣдствій этихъ заблужденій; напротивъ, ихъ благотворное вліяніе выразится въ томъ, что отнынѣ будетъ обращено серьезное вниманіе на справедливыя народныя требованія. Но въ тѣхъ западныхъ государствахъ, гдѣ вследствие того, что аристократія менѣе пришла въ упадокъ, а пролетаріи болѣе угнетены и менѣе развиты, преимущественно же въ Англіи, опасность станетъ болѣе серьезной. Даже среди католическихъ народовъ, гдѣ истинное братство представляло лучшее сопротивленіе для анархическаго агонизма, коммунистическія волненія могутъ быть окончательно избѣгнуты только при быстромъ

распространеніи позитивизма, призваннаго разсѣять всѣ социальныя заблужденія и дать истинное рѣшеніе всѣмъ вытекающимъ изъ нихъ вопросамъ.

Природа социального инстинкта показываетъ, что средство для его исцѣленія должно быть преимущественно моральное, и народный инстинктъ не замедлитъ понять эту необходимость, покопшуся на дѣйствительномъ знаніи человечества. Въ этомъ смыслѣ коммунизмъ, самъ того не вѣдая, подготавливаетъ практическое главенство позитивизма, ставя съ непреодолимой энергіей проблему, которую одна только новая философія можетъ на самомъ дѣлѣ мирно разрѣшить.

ГЛАВА XX.

Контролировать употребленіе богатства болѣе цѣлесообразно, чѣмъ опаривать право богатаго.

Не издаваясь въ безплодный и бурный споръ о происхожденіи и объемѣ частной собственности, новая философія прямо устанавливаетъ нравственныя правила, относящіяся къ ея социальному назначенію. Распределеніе реальныхъ силъ и въ особенности матеріальныхъ, настолько недоступно нашему вѣдѣтельству, что мы потрагиваемъ въ нашу недалгую жизнь на безплодные и нескончаемые споры, если бы мы, главнымъ образомъ, завлеченные неправденіемъ, именно въ этомъ отношеніи, несовершенство естественнаго порядка. Для публики важно знать не то, въ чьихъ рукахъ находится та или иная социальная власть, а то, какъ обладатели такой ея пользуются; и съ этой стороны наши усилія могутъ быть приложены съ большимъ успѣхомъ. Сверхъ того, регулируя назначеніе собственности, мы производимъ косвенное воздѣйствіе на владѣніе ею.

Эти необходимыя правила должны быть, по своему происхожденію, моральными, а не политическими, въ своемъ же примѣненіи—общими, а не специальными. Всѣ тѣ лица, кои имъ подчиняются, примутъ ихъ добровольно, въ силу воспитанія, и будутъ ихъ соблюдать, сохраняя достоинство свободы такъ, какъ это понималъ уже Аристотель. Благодаря моральному приравненію частной собственности къ общественной обязанности, они не будутъ вынуждены исполнять тираническія предписанія, которыя глубоко унижаютъ человѣческую природу, такъ какъ уничтожаютъ добровольность и отвѣтственность. Эта нормальная оцѣнка будетъ часто примѣняться даже въ обратномъ смыслѣ, дабы упрочить положеніе общественныхъ служащихъ, вѣсто того, чтобы потрѣсить собственниковъ.

Истинный республиканскій принципъ состоитъ въ направленіи всѣхъ силъ общества къ общему благу. Для этого нужно, съ одной стороны, точно опредѣлить то, чего въ каждомъ случаѣ требуетъ общія польза, и съ другой, всюду создать соотвѣтственныя настроенія. Эта двойная и постоянная функція можетъ быть выполнена при вѣличности, прежде всего, основнои доктрины, надлежащаго образованія и правильно руководимаго общественного духа. Такъ что она должна, главнымъ образомъ,

защитить отъ философскаго авторитета, который позитивизмъ поставилъ во главѣ современнаго общества.

Безъ сомнѣнія, вслѣдствіе человѣческой слабости и впродѣ будутъ необходимы, кромѣ чисто-нравственнаго управленія, еще и законы въ собственномъ смыслѣ слова для обузданія наиболее прямыхъ и наиболее опасныхъ правонарушеній. Но это необходимое дополненіе скорѣе станетъ еще менѣе нужнымъ, чѣмъ оно было въ средніе вѣка при социальномъ главенствѣ католицизма. Духовныя наказанія и награды берутъ верхъ надъ сѣткою по мѣрѣ того, какъ, благодаря эволюціи, въ человѣкѣ развивается чувство связи каждаго со всѣми; эта эволюція совершается по тремъ естественнымъ путямъ: черезъ чувство, разумъ и дѣятельность.

ГЛАВА XXI.

Институтъ наслѣдствъ не заслуживаетъ тѣхъ нападокъ, которыми онъ подвергается.

Являясь болѣе мирнымъ и цѣлесообразнымъ, чѣмъ коммунизмъ, въ силу своей болѣе истинности, позитивизмъ даетъ также болѣе широкое и болѣе полное рѣшеніе крупныхъ социальныхъ затруднительныхъ проблемъ. Въ отношеніи собственности нужно считать столь же важнымъ, какъ и разрушительнымъ поверхностное и зачастую завистливое осужденіе института наслѣдства за то, что онъ ведетъ къ нетрудовому владѣнію. Разсматривая эти эмпирическія обвиненія съ нравственной точки зрѣнія, точнѣе замѣчаемъ ихъ коренной недостатокъ, выражающійся въ совершенномъ игнорированіи основнаго свойства подобнаго способа передачи, а именно, разнать лучше всякаго другаго склонности, благоприятныя для правильнаго употребленія богатства. Ибо умъ и сердце избгаютъ въ этомъ случаѣ скряжническихъ или неблагоприятныхъ привычекъ, порождаемыхъ обыкновенно медленнымъ накопленіемъ капиталовъ. Наслѣдственное владѣніе богатствомъ заставляетъ насъ быть болѣе отзывчивыми. Такимъ образомъ, тѣ, которымъ клемятъ именемъ паразитовъ, могутъ при мудромъ преобразованіи возрѣній и нравовъ, легко стать наиболее полезными изъ всѣхъ богачей.

Сверхъ того, вѣдѣство, что нетрудовое существованіе становится все болѣе и болѣе рѣдкимъ, по мѣрѣ того, какъ благодаря цивилизаціи становится все труднѣе жить безъ заработка. Итакъ, стремленіе испровергнуть общество изъ-за наблюдающагося въ немъ злоупотребленія, которыя имѣютъ временный характеръ и могутъ принять даже благоприятное нравственное направленіе, является во всѣхъ отношеніяхъ заблужденіемъ, заслуживающимъ глубокаго порицанія.

ГЛАВА XXII.

Интеллектуальный труд, являющийся социальной силой, должен быть упорядоченъ.

Позитивистское рѣшеніе стоитъ выше коммунистическаго также благодаря своей полнотѣ. Коммунизмъ занимается исключительно богатствомъ, точно это въ настоящее время единственный неправильно распределенный и плохо управляемый социальный силы. Однако, существуютъ еще и другія реальныя злоупотребленія большинства другихъ человеческихъ способностей, въ особенности интеллектуальныхъ дарованій, которыя наши утописты даже не пытаются упорядочить.

Позитивизмъ, будучи единственнымъ учениемъ, способнымъ разсматривать всю совокупность нашего существованія, одинъ только можетъ утвердить настоящее превосходство социального чувства, распространяя его на все формы нашей реальной дѣятельности.

Моральное требованіе подчиненія частныхъ занятій общественному служенію еще болѣе примѣнимо къ ученому, художнику и т. д., чѣмъ къ простому пролетарію, какъ относительно источника способностей, такъ и относительно ихъ назначенія. Тѣмъ не менѣе, стремясь сдѣлать общинѣ достойнымъ матеріальныя блага, единственныя, которыя могутъ вновь принадлежать отдельнымъ лицамъ, коммунисты не распространяютъ этой утопіи на духовныя блага, которыя могли бы гораздо скорѣе подвергнуться такому превращенію. Часто даже апостолами коммунизма оказываются ярыми сторонниками мимолетной литературной собственности. Эта ненослѣдственность только подтверждаетъ ничтожество социальной доктрины, обнаруживаемой свое безсиліе въ случаяхъ, наиболее соответствующихъ ея назначенію. Но подобное рѣшеніе тотчасъ показало бы неудобство политическихъ предписаній и необходимость моральныхъ правилъ, которыя одинъ только способенъ одинаково обезпечить правильное употребленіе реальныхъ силъ.

Самопривольность, которая безусловно необходима для успѣшнаго интеллектуальнаго порыва, мѣшаетъ, конечно, коммунистическому инстинкту подчинить его своей уставной утопіи. Напротивъ, позитивизмъ не встрѣчаетъ никакихъ затрудненій и не вызываетъ никакого возмущенія, когда онъ распространяетъ свое моральное вліяніе на силы, болѣе всего нуждающіяся въ мудромъ руководствѣ. Уважая ихъ справедливую свободу, онъ укрѣпляетъ также свободу менѣе важныхъ способностей, заглушеніе которыхъ можетъ имѣть опасныя послѣдствія.

Когда истинная мораль гарантируетъ социальное направленіе всякой частной дѣятельности, свободное развитіе этой послѣдней, безъ сомнѣнія, увеличиваетъ ея общественное значеніе. Отнюдь не стѣсня частную предприимчивость, современная привилегія возлагаетъ на нравственность все болѣе и болѣе функций, въ особенности матеріальныхъ, которыя раньше выполнялись правительствомъ въ собственномъ смыслѣ слова. Эта непреодолимая тенденція ошибочно привела экономистовъ къ отрицанію потребности во всякой истинной систематизаціи. Она указываетъ только возрастающее преобладаніе моральныхъ предписаній надъ политическими постановленіями.

ГЛАВА XXIII.

Воздѣйствіе общественнаго мнѣнія на капиталистовъ.

Характерная способность позитивизма переносить на моральную почву разрѣшеніе главныхъ социальныхъ затрудненій должна послужить къ удовлетворенію справедливыхъ народныхъ требованій, вызываемыхъ различными промышленными конфликтами. Очищенная, такимъ образомъ, отъ всякаго анархическаго стремленія, законныя желанія пролетаріата пріобрѣтутъ непреодолимую силу, въ особенности, когда они будутъ провозглашены во имя свободно господствующей доктрины и отъ имени философскаго авторитета, настолько же безпристрастнаго, какъ и просвѣщеннаго. Внѣшая народу обычное уваженіе къ его сѣбѣннымъ руководителямъ, эта духовная власть сумѣетъ предписать послѣднимъ обязанности, отъ которыхъ они не смогутъ увернуться. Такъ какъ все классы, благодаря всеобщему образованію, усвоить основныя начала налагаемыхъ на нихъ особыхъ обязательствъ, то чувство и разумокъ, являясь единственнымъ оружіемъ и поддерживаемые только общественнымъ мнѣніемъ, пріобрѣтутъ такое практическое значеніе, о которомъ ничто не можетъ дать теперь представленія. Даже воспоминаніе средняго вѣка, трудно составить себѣ о немъ правильное понятіе, потому что мы приписываемъ чувству страха или несбыточнымъ надеждамъ то, что вытекало, главнымъ образомъ, изъ энергичнаго распределенія похвалъ и порицаній. Но необходимости нуждающійся въ помощи общественнаго мнѣнія позитивный духъ сообщить ему широту и постоянство, какія не могъ ему доставить католическій духъ, какъ я это указалъ во второй части настоящаго разсужденія.

ГЛАВА XXIV.

Отказъ участвовать въ дѣлѣ или забастовка.

Итакъ, единственное нормальное разрѣшеніе обычныхъ споровъ, возникающихъ между рабочими и предпринимателями, возможно лишь путемъ высшаго посредничества свободно уважаемаго всѣми философскаго авторитета. Чтобы дать понятіе всю цѣлесообразность подобнаго рѣшенія, нужно его распространить на упорядоченіе матеріальнаго антагонизма между двумя активными классами. Этотъ конфликтъ между богатыми и массой не могъ еще значительно развиться, такъ какъ объединеніе, которое одно только и дѣлаетъ его значительнымъ, было до сихъ поръ возможно лишь для одной стороны. Хотя въ Англіи законодательство не воспрещаетъ пролетаріямъ вступать въ союзы, тѣмъ не менѣе, недостаточное умственное и нравственное развитіе англійскаго рабочаго класса мѣшаетъ ему надлежащимъ образомъ использовать это право.

Когда французская трудящаяся масса получит возможность объединяться столь же свободно, как и работодатели, материальный антагонизм примет такие размеры, что вскоре обе стороны почувствуют потребность в духовном примирительном органе.

Философское примирение не может, однако, претендовать на полное упразднение крайних средств; но оно значительно ограничит их применение, а также их смягчит. Эти средства сведутся съ одной и съ другой стороны къ отказу участвовать въ дѣлѣ, что должно быть вѣсду предоставлено каждому свободному дѣятелю на его личную отвѣтственность за послѣдствія, давая ему только въ исключительныхъ случаяхъ познать важность его обычной функціи. Рабочаго нельзя принуждать къ работѣ силой, чѣмъ предпринимателя къ управленію предпріятіемъ. Моральная власть осудитъ только всякое злоупотребленіе той или другой стороной этой крайней формы протеста, составляющей всегда право различныхъ элементовъ коллективнаго организма, въ силу ихъ естественной независимости.

Въ наиболее спокойныя времена всякій общественный дѣятель могъ въ исключительныхъ случаяхъ отказаться отъ исполненія своихъ обязанностей, какъ это часто дѣлала въ средніе вѣка священники, профессора, судьи и т. д. Нужно поэтому ограничить упорядоченіемъ этого права. Его упорядоченіе въ области промышленности составитъ одну изъ второстепенныхъ задачъ философской власти, съ которой почти всегда естественно будутъ совѣтоваться о подобныхъ мѣрахъ, какъ и во всякомъ другомъ серьезномъ общественномъ или частномъ событіи. Когда она одобритъ прекращеніе работъ или отрѣшеніе отъ должности, то эта высокая санкція придастъ подобному способу дѣйствія такую силу, какой онъ не располагаетъ теперь. Только такимъ путемъ частичная мѣра сможетъ распространиться сперва на всѣхъ членовъ одной и той же профессіи, затѣмъ изъ одной области промышленности на всѣ другія, и даже перейти, наконецъ, на всѣ западные народы, которые свободно признаютъ однихъ и тѣхъ же духовныхъ руководителей.

Правда, философское неodobреніе не сможетъ помышлять лицамъ, которыя почувствуютъ себя оскорбленными, принимать на свой рискъ эту крайнюю форму протеста; ибо истинная теоретическая власть всегда только совѣтуетъ и никогда не приказываетъ. Но въ этомъ случаѣ,—если только философы не ошиблись въ своемъ осужденіи,—эта мѣра не сможетъ стать широкой и значительной, что является обыкновенно необходимымъ для ея полной удачи.

Эта теорія стачекъ, въ сущности, сводится къ упорядоченію въ промышленныхъ отношеніяхъ вышеуказаннаго права отказаться отъ исполненія самыхъ высшихъ социальныхъ функцій, какъ крайняго средства всякаго коллективнаго организма. Она однаково применима какъ къ простѣйшимъ и частнымъ случаямъ, такъ и къ случаямъ наиболее рѣдкимъ и наиболее важнымъ. Философское вмѣшательство, призванное или добровольное, будетъ всегда сильно вліять на результатъ: либо путемъ систематизаціи законовъ, но эмпирическихъ стремленій, либо путемъ осужденія ихъ особаго проявленія.

ГЛАВА XIV.

Позитивизмъ и социализмъ. Точки согласія и разногласія.

Совокупность предъидущихъ соображеній приводитъ къ точному опредѣленію главнаго пракческаго различія между политивизмомъ и таковою коммунизмомъ или социализмомъ. Всѣ обновляющія школы сходятся въ томъ, что необходимо, главнымъ образомъ, заняться народомъ, дабы доставить ему надлежащее мѣсто въ современномъ обществѣ, которое, начиная съ конца среднихъ вѣковъ, подготавливаетъ свое окончательное устройство. Ихъ воззрѣнія совпадаютъ также относительно природы важныхъ социальныхъ потребностей пролетаріата,—съ одной стороны, въ нормальномъ образованіи и съ другой въ упорядоченномъ трудѣ,—однаково требующихъ систематизаціи.

Вотъ все то, что позитивизмъ действительно имѣетъ общаго съ нашими различными прогрессивными доктринами. Но онъ глубоко отличается отъ нихъ всѣмъ планомъ и способомъ осуществленія организаціи этой двойной потребности. Онъ считаетъ, что систематизація второй должна быть основана на первой, между тѣмъ, какъ до сихъ поръ онъ предполагались одновременными; и даже старалась упорядочить трудъ, прежде чѣмъ организовать образованіе.

Хотя это различіе въ порядкѣ кажется съ перваго взгляда незначительнымъ, оно, однако, достаточно, чтобы кореннымъ образомъ измѣнить ходъ нашего воззрѣнія. Ибо преобладающій въ настоящее время методъ стремится, въ сущности, начать матеріальное преобразование независимо отъ духовнаго; т.-е. построить социальное зданіе безъ интеллектуальныхъ и моральныхъ основаній. Отсюда вытекаетъ общее желаніе удовлетворить справедливымъ народнымъ требованіямъ путемъ безплатнаго и губительнаго предпочтенія собственно политическихъ мѣръ, целесообразности которыхъ кажется непосредственной. Напротивъ, позитивизмъ выдвигаетъ на первое мѣсто мирное и вѣрное, но косвенное и постепенное вліяніе чувства и разсудка, подкрѣпляемое мудрыми общественнымъ мнѣніемъ, поодъ систематическимъ руководствомъ истинныхъ философовъ, поддерживаемыхъ свободнымъ народнымъ согласіемъ.

Однимъ словомъ, двойное рѣшеніе общей социальной проблемы будетъ всегда эмпирическимъ и революціоннымъ, остающаеся при этомъ часто національнымъ, или оно станетъ рациональнымъ и марьямъ, имѣя истинный западный характеръ въ зависимости отъ того, будетъ ли организація труда предшествовать или слѣдовать за организаціей образованія.

ГЛАВА XXVI.

Необходимость въ новой системѣ образованія для разрѣшенія социальныхъ проблемъ.

Моя характеристика значенія позитивизма для народа была бы недостаточна, если бы я вкратцѣ не указалъ здѣсь такую систему всеобщаго образованія, которое

должно составлять одновременно и главную функцию новой духовной власти и наиболее умственный способ удовлетворения законных желаний пролетариев.

Социальная заслуга католицизма состояла, главным образом, в установлении впервые, поскольку это возможно было в средние века, систематического образования общего безразлично для всех классов, не исключая даже тех, которые пребывали еще в рабстве. Эта важная реформа по необходимости была связана с началом создания духовной власти, независимой от светской. Помимо ее временных благодеяний, мы ей обязаны и некоторым вечным принципам, а именно, что мораль должна преобладать над наукой.

Но этот первый опыт должен был быть чрезвычайно неполным, как вследствие несовершенства среды, в которой он провозглашался, так и благодаря недостаткам руководившей им доктрины. Предназначенное преимущественно для угнетенных народов, это образование должно было, главным образом, внушить почти пассивную покорность, и только правящим классам предписывались обязанности, но без всякой истинной интеллектуальной культуры. Эта двойственность вледила отсюда учению, которое полагало основную цель каждого индивидуального существования вне социальной жизни, и представляла все явления подчиненными тайной воли.

Съ этих различных сторон католическая система образования могла быть действительно пригодной только в средние века, во время постепенного освобождения избранной части человечества от древнего рабства, путем превращения этого института сперва в крепостное состояние, чтобы достигнуть затѣм полного освобождения личности. При древнем строе католическая система была бы разрушительной; при новом она была бы рабской и недостаточной. Она должна была служить лишь длительным и трудным переходомъ от одной формы общественной къ другой. После своего освобождения от личной зависимости, пролетарии стали развивать прогрессивную деятельность, стремясь достигнуть истинного коллективного положения, но искрѣ они почувствовали, что эта система никоимъ образомъ не можетъ удовлетворить ихъ интеллектуальныя и социальныя потребности.

Тѣмъ не менѣе, именно она до сихъ поръ являлась единственной истинной системой всеобщаго образования, ибо нельзя присвоить это название никому университетскому образованию, которое, благодаря метафизикамъ, постепенно, начиная съ конца среднихъ вѣковъ, одержало верхъ на всемъ Западѣ. То было только расширение специального образования, которое раньше получали священники и которое сводилось преимущественно къ изученію латинскаго языка и диалектики, необходимой для защиты богословскихъ догмъ. Этика же оставалась связанной только съ теологическимъ образованіемъ. Въ сущности, это метафизическое и научное образованіе способствовало переходу къ новому порядку только своей критикой, хотя оно поуту и участвовало въ органической эволюціи и въ особенности эстетической. Его недостаточность и нерациональность все болѣе и болѣе обнаруживались по мѣрѣ того, какъ оно распространялось среди новыхъ классовъ, истинное назначеніе которыхъ, какъ активное, такъ и умерительное, требовало совсѣмъ иной подготовки. Поэтому эта мнимая всеобщая система никогда не вышла успѣха среди пролетаріевъ, даже у протестантскихъ народовъ, хотя каждый върующій становился у нихъ какъ бы священникомъ.

Итакъ, вслѣдствіе драхости теологическаго и безсилія метафизическаго методомъ мышленія, основаніе истинной системы народнаго образованія выпадаетъ на долю позитивизма, такъ какъ только онъ способенъ имѣть надсажающимъ образомъ примирить два рода одинаково необходимыхъ условій, а именно: умственныя и нравственныя, которыя съ конца среднихъ вѣковъ постоянно противопоставлялись. Преобладаніе сердца надъ разумомъ будетъ теперь болѣе прочно установлено, чѣмъ при католическомъ режимѣ, при чѣмъ на свободу истиннаго умозрѣнія не будетъ сдѣлано никакого посягательства. Ибо, какъ и въ активной жизни, разумомъ будетъ всегда упорядочивать чувство, естественное развитіе котораго, начинающееся съ рожденія, будетъ неизмѣнно расти, благодаря троякому управленію: личному, семейному и социальному.

ГЛАВА XXVII.

Народное образованіе.—Краткое изложеніе новой системы.

Характеризуя главное назначеніе новой духовной власти, я уже прямо коснулся окончательнаго согласованія всеобщей морали. Вотъ почему я долженъ здѣсь ограничиться указаніемъ на высокое положеніе, которое она сначала самопроизвольно, затѣмъ систематически займетъ во всемъ курсѣ позитивнаго образованія и какимъ образомъ она сама собой окажется связанной со всей системой реальныхъ знаній.

Подобное образованіе, а также практическая жизнь, къ которой она должна подготовить, будетъ всегда подчинять умы общественной пользѣ, считая послѣднюю целью, а первый—средствомъ. Оно въ особенности предназначено подготовить пролетаріевъ къ ихъ благородной социальной службѣ, въ качествѣ главныхъ помощниковъ философской власти, а также побудитъ ихъ лучше выполнять свои спеціальныя функціи.

Обширная періодъ отъ рожденія до совершеннѣтлїа, все образованіе дѣлится на двѣ общія части: одна по существу самопроизвольная, заканчивающаяся съ наступленіемъ половой зрѣлости или съ началомъ обученія ремеслу, должна по возможности имѣть мѣсто въ семьѣ и состоять, главнымъ образомъ, въ развитіи эстетическаго вкуса; другая—систематическая—будетъ преимущественно состоять изъ ряда публичныхъ научныхъ курсовъ объ основнхъ законахъ различныхъ родовъ знаній и будетъ служить фундаментомъ для моральной координаціи, которая должна направить все приобретенныя раньше познанія къ ихъ общему социальному назначенію. Къ сроку, указанному долгимъ опытомъ, какъ на время законнаго совершеннѣтлїа, когда у насъ принято считать практическое обученіе законченнымъ, каждый пролетарій окажется, такимъ образомъ, подготовленнымъ умомъ и сердцемъ къ общественному и частному служенію.

Первая половина домашняго образованія должна быть посвящена, подъ руководствомъ родителей и въ особенности матерей, физическому воспитанію, до конца

второго прорывания зубовъ. Это предварительное воспитаніе, состоявшее до сих поръ въ тѣхъ упражненіяхъ музыковъ, тогда будетъ состоять, главнымъ образомъ, въ развитіи чувствъ и ловкости и тѣмъ готовить насъ къ наблюденію и дѣйствию. Никакое ученіе въ собственномъ смыслѣ не можетъ въ этотъ періодъ имѣть мѣста, ни даже обученіе чтенію и письму; образованіе сводится къ усвоенію всякаго рода фактовъ, естественно привлекающихъ къ себѣ нарождающееся вниманіе. Философія индивида, какъ и философія рода соответственнаго возраста, ограничивается чистымъ фетишизмомъ, естественное теченіе котораго никакое ненужное вышествованіе не должно нарушать. Вся забота родителей состоитъ въ томъ, чтобы внушить дѣтямъ взгляды и привить имъ привычки, которые систематическое образованіе потомъ оправдаетъ. Безпрестанное дѣятельное развитіе добрыхъ чувствъ является въ этомъ возрастѣ наилучшимъ основаніемъ для истинной нравственности.

Въ продолженіе приблизительно семи лѣтъ, протекающихъ между смѣной зубовъ и половой зрѣлостью, это домашнее воспитаніе начинаетъ принимать систематическій характеръ, но только относительно изящныхъ искусствъ; но очень важно, въ особенности съ нравственной точки зрѣнія, чтобы оно еще происходило въ вѣдрахъ семьи.

Истинное эстетическое обученіе сводится всегда къ болѣе или менѣе правильнымъ упражненіямъ, не требующимъ никакихъ специальныхъ лекцій, по крайней мѣрѣ, для общаго образованія, за исключеніемъ рѣзкихъ случаевъ подготовленія къ изящнымъ профессіямъ. Ничто, поэтому, не помѣшаетъ производить ихъ въ домашней обстановкѣ, начиная со второго позитивистскаго поколѣнія, когда лучше развитый вкусъ позволитъ родителямъ руководить этими занятіями. Они обнимутъ, главнымъ образомъ, съ одной стороны поэзію, какъ основное искусство, а, съ другой—музыку и рисованіе, какъ два наиболее важныхъ специальныхъ искусства. Такимъ образомъ, этотъ возрастъ при изученіи поэзіи будетъ посвященъ усвоенію западныхъ языковъ, безъ которыхъ при изученіи поэзіи будетъ посвященъ усвоенію общаго искусства. Помимо своего эстетическаго назначенія, эти занятія могутъ имѣть высокую нравственную цѣль, именно—расширять національныя предрѣзженія и европеизировать позитивистскіе нравы. Зрѣлая философія налагаетъ на каждый народъ социальное обязательство знать всѣ языки пограничныхъ націй. Сообразно этому бесспорному принципу, Франція, въ виду ея центральнаго положенія, доставляющаго ей столько выгодъ, вынуждена изучать четыре европейскихъ языка. Когда всѣ естественныя связи пяти передовыхъ народовъ будутъ укрѣплены путемъ всеобщаго примѣненія подобнаго правила, общій западно-европейскій языкъ не замедлитъ самъ собой возникнуть, безъ всякаго содѣянія метафизическихъ утопій относительно абсолютнаго единства человѣческой рѣчи.

Въ теченіе этой послѣдней половины первоначальнаго образованія, когда будетъ развиваться преимущественно воображеніе, индивидуумъ совершитъ свою собственную философскую эволюцію, поднимаясь отъ простаго фетишизма къ истинному позитивизму, какъ это сдѣлалъ въ свое время родъ, находясь на той же стадіи. Это неизбежное сходство между личнымъ развитіемъ и социальнымъ прогрессомъ всегда болѣе или менѣе обнаруживалось, вопрека предостереженіямъ христіанскаго эмпиризма, который никогда не могъ отвлечь ребенка отъ вымышленныхъ фантазій,

своиственныхъ этому фауну. Позитивное образованіе берекливо относится къ этому необходимому стремленію, не требуя отъ родителей, однако, никакаго лицемерія и не давая мѣста противорѣчію въ будущемъ. Чтобы не приприты, достаточно будетъ быть искреннимъ и говорить ребенку, что его первоначальныя вѣрованія соответствуютъ только дѣтскому возрасту и должны привести его къ другимъ, согласно основному закону всякой человѣческой эволюціи. Подобное мудрое отношеніе, кромѣ своего научнаго преимущества приучитъ ребенка къ этому главному догмату позитивизма, естественнымъ образомъ воздѣйствуетъ на нарождающееся чувство общности, наперѣхъ располагая соучастливо относиться къ многочисленнымъ народамъ, находящимся еще на этой ступени интеллектуальной жизни.

Вторая часть позитивнаго образованія не можетъ оставаться чисто домашней, такъ какъ она требуетъ школьнаго преподаванія, въ которомъ большая часть родителей сможетъ принимать только второстепенное участіе. Но эта необходимость не должна, однако, привести къ лишенію ребенка семейной жизни, не переставшей быть весьма важною для его нравственной эволюціи, требованія которой должны всегда имѣть перевѣсъ. Онъ можетъ слушать лучшихъ учителей, и подвѣрять свои личные и внушенныя семейныя нравственныя привычки измѣненіямъ, неизбежно налагаемымъ нашими схоластическими монастырями. Соприкосновеніе со сверстниками, которое, повидному, вознаграждаетъ за ущербъ, наносимый въ этомъ случаѣ личности, можетъ быть достигнуто еще лучше свободнымъ знакомствомъ съ другими семьями, при чемъ могутъ быть приняты во вниманіе чувственныя симпатіи. Это требованіе, дѣлаемое одновременно болѣе легкимъ и болѣе совершеннымъ народное образованіе, можетъ оказаться неподходящимъ только для нѣкоторыхъ профессій, специальное подготовленіе къ которымъ, можетъ быть, и впродъ потребуетъ обученія въ закрытыхъ заведеніяхъ. Но я сомнѣваюсь, чтобы даже въ этихъ исключительныхъ случаяхъ эта необходимость оставалась окончательно неизбежною.

Что касается общаго хода систематическаго образованія, то онъ уже ясно и точно начертанъ энциклопедическимъ закономъ, составляющимъ второй необходимый элементъ моей теоріи эволюціи. Ибо научныя познанія пролетарія, подобно познаніямъ философа, должны относиться сперва къ неограниченному міру, затѣмъ къ нашей собственной личной и социальной природѣ, дабы создать двойное рациональное основаніе для нашего повседневнаго поведенія.

Извѣстно, что знанія о неорганическихъ тѣлахъ содержатся въ двухъ парахъ предварительныхъ наукъ: математико-астрономической и физико-химической. Каждой изъ нихъ позитивное образованіе посвятитъ два года. Однако, на первую, вслѣдствіе ея чрезвычайной обширности и ирреабилитируемаго въ ней логическаго характера, потребуется по двѣ ежемѣсячныхъ лекціи, между тѣмъ какъ для всего остальнаго образованія пролетарія будетъ достаточно по одной лекціи въ недѣлю. Благодаря тому, что въ этотъ періодъ требованія ремесленнаго обученія будутъ весьма незначительны, этотъ первоначальный перевѣсъ теоретическихъ занятій не вызоветъ затрудненій. Вслѣдъ за этой подготовкой будетъ приступлено къ изученію биологіи, которая можетъ быть легко пройдена въ теченіе пятиго года, и ея курсъ будетъ состоять изъ сорока лекцій, вѣдущихъ философскихъ и популярическихъ. Далѣе, шестой учебный годъ будетъ посвященъ окончательной систематизаціи всѣхъ реальныхъ

умолярный путем изучения статической и динамической социологии, которая должна быть общедоступными истинными понятиями о строении и движении человеческих обществ, особенно современных. Подобный фундамент позволит использовать седьмой и последний год позитивного учения для направления совокупности этого образования к его главному социальному назначению с помощью методического изложения морали, каждое основное доказательство которой может теперь быть вполне оценено на основании здравого воззрения на мир, жизнь и человечество.

При прохождении всех этих наук, трехмесячные каникулы каждого года будут посвящены публичным экзаменам, имеющим целью констатировать степень усвоения учащимися учебного материала. Ученики будут охотно продолжать заниматься изящными искусствами среди научных работ, если только руководители будут мудро поощрять природные вкусы. В связи с этим, в продолжение последних двух лет философского образования ученики добровольно захотят изучать два главных древних языка, в качестве поэтического добавления, сказанного сверх того с историческими и моральными теориями, которыми пролетарий в то время будет заниматься. Если греческий язык даст, главным образом, понятие о зарождении искусства, то латинский еще более полезен для полного понимания нашей социальной непрерывности.

Философская эволюция индивида, подобно эволюции рода, завершить свое постепенное подготовление в течение этих семи лет умственного развития переходом от первобытного политеизма к врожденному монотеизму, благодаря возрастанию влияния разума на преобладавшее в начале воображение. Нужно будет также относиться с уважением к этому свободному метафизическому переходу, когда каждый навью отдаст последнюю дань главным условиям развития человека. Слдует признать, что этот предварительный метод мышления будет всегда соответствовать отвлеченной и независимой природе математических теорий, которые подготовят первые два года учения. Покуда дедукция имеет перевес над индукцией, ум по необходимости остается расположенным к метафизическим понятиям. Их само собой совершающееся развитие вскоре приведет каждого к сведению своих первоначальных теологических идей к более или менее смутному деизму; последний благодаря физико-химическим теориям, без сомнения, выродится затем в некоторого рода атеизм, который под благотворным влиянием биологических и в особенности социологических понятий окончательно будет заменен истинным позитивизмом.

Таким-то образом окончательная систематизация морали совпадет с полным личным сознанием общей человеческой связи, что позволит новому члену человечества как слдующее относиться ко всем своим предкам и современникам, не переставая работать для грядущих поколений.

ГЛАВА XXVIII.

Полезность путешествий для пополнения образования.

Этот план народного образования кажется с первого взгляда несомкнваемым с драгоценной привычкой пролетариев—привычкой, выработанной свойственной им мудростью,—посвящать последние годы обучения ремеслу, возным путешествиям, столь полезным для ума и сердца. Но этот прекрасный обычай несколько не противоречит общему образу занятий, так как он дает возможность остаться на продолжительное время в главных промышленных центрах, где рабочий естественно найдет возможность прослушать годичный курс, соответственный тому, который он прослушал бы на родине. Однородность философской корпорации и ее однородное территориальное распространение устраняет неудобства, связанные с подобными передвижениями. Так как каждый систематический курс требует всего только семи преподавателей, из которых каждый последовательно прохитит все энциклопедически ступени, то общее число учителей будет настолько незначительным, что они всему будут одинаково достойными и будут всему также одинаково вознаграждаться. Отнюдь не пренебрегая путешествиям пролетариев, позитивный порядок вещей придаст им новый интеллектуальный и социальный характер, расширяя их на весь Запад, где пролетарий сможет всюду легко продолжать свое образование, не встречая даже затруднений из-за незнания языка.

Эти мудрые странствования, благодаря которым разовьется братство западных народов, дополнят сверх того эстетическое образование, вследствие того, что они будут способствовать как лучшему усвоению языков, изученных в юношеском возрасте, так, в особенности, лучшему пониманию музыкальных, художественных или архитектурных произведений, которая можно правильно опьять только на месте.

ГЛАВА XXIX.

Сконцентрирование знаний.

В настоящее время могут возникать опасения, что триста шестьдесят лекций этого семилетнего обучения не позволят надлежащим образом обнять всю совокупность основных знаний. Но об этом нужно судить не по обширности соответствующих нынешних курсов, зависящей от их слишком большой специализации и в особенности от эмпирической разбросанности большинства преподавателей, пользующихся неправильным научным методом. Когда здравая философия

переработает различны позитивныя теоріи и даст переѣсъ пълному и просозерцанию, основаному на социальном чувствіи, явится привычка къ концентраціи понятій и къ болѣе содержательнымъ лекціямъ, которыя всегда будутъ направлять, а не замѣнять добровольныя усилія, обуславливающія всякій летинный педагогическій успѣхъ. Забытый нынѣ исключительный примѣръ позволяетъ составить себѣ нѣкоторое представленіе о подобномъ обновленіи. Я нынѣ въ виду знаменитые курсы, удачно названныя революционными, которые въ первое время существованія Политехнической Школы проходили въ три ибседа курсъ трехъ лѣтъ. То, что было тогда поразительнымъ исключеніемъ, вызваннымъ, главнымъ образомъ, республиканской акадѣміей, можетъ стать нормальнымъ явленіемъ, когда моральная сила будетъ опираться на полную умственную систематизацію, неизвестную нашимъ выдающимся предшественникамъ.

Дидактическое значеніе чувства до сихъ поръ игнорировалось, такъ какъ, начиная съ конца среднихъ вѣковъ, культура ума совпадаетъ съ инертностью сердца. Но непрерывное добровольное и систематическое подчиненіе ума социальному чувству, составляющее главную характерную черту позитивизма, будетъ плодотворно и въ теоретическомъ, и въ нравственномъ отношеніи. Родители и учителя воспользуются въ каждомъ курсѣ народнаго образованія всеми благопріятными случаями для развитія у своихъ питомцевъ социальнаго чувства, обычное обращеніе къ которому скраситъ самыя сухія лекціи. Умъ будетъ главнымъ образомъ посвященъ укрѣпленію и развитію сердца, которое, въ свою очередь, оживитъ и направитъ его. Итъ тѣсная солидарность между общими мыслями и великодушными чувствами облегчитъ научныя занятія пролетарія тѣмъ болѣе, что послѣднія будутъ происходить послѣ занятій эстетическихъ, которыя породятъ хорошія привычки и скрасятъ всю нашу жизнь.

ГЛАВА XXX.

Роль государства.

Назначая этотъ образовательный курсъ преимущественно для народа, а не только хотѣя лучше охарактеризовать его всеобщее распространеніе и его философскую природу. На мой взглядъ не должно существовать никакого другого организованнаго образованія, по крайней мѣрѣ, общаго. Священный долгъ, уплываемый такимъ образомъ республикой по отношенію къ пролетаріямъ, нисколько не расширяется на классы, нѣмлюще возможность воспитывать своихъ дѣтей по своему усмотрѣнію. Впрочемъ, это специальное образованіе можетъ быть только частнымъ развитіемъ или, самое большое, определеннымъ привѣсненіемъ здраваго общаго образованія, которое позволить каждому приобрѣтать, даже безъ посторонней помощи, эти второстепенныя познанія.

Что касается профессиональнаго обученія, то оно даже относительно важнѣйшихъ искусствъ должно быть чисто практическимъ, отдѣльнымъ отъ настоящаго

образованія. Господствующее нынѣ на этотъ счетъ ложное мнѣніе обусловлено тѣмъ, что со времени упраздненія католическаго режима, къ сожалѣнію, отсутствуетъ всякое общее образованіе. Ибо дороги учрежденія, созданныя въ теченіе послѣднихъ трехъ вѣковъ на всемъ Западѣ и належащимъ образомъ преобразованныя во Франціи Конвентомъ, составляли въ сущности только научныя зародки, необходимыя для окончательнаго обновленія общаго образованія. Насколько ихъ теоретическое значеніе безспорно, настолько можно усомниться въ ихъ практическомъ значеніи, ради котораго они, повидимому, созданы: соответственныя искусства легко могли бы безъ нихъ обойтись, даже безъ Политехнической Школы, Музея естественной исторіи и т. д. Они имѣютъ крупную цѣнность только какъ временныя средства, подобно всемъ другимъ учрежденіямъ нашей анархической эпохи. Въ этомъ смыслѣ они могутъ теперь быть съ пользою преобразованы подъ вліяніемъ такой философіи, которая, не создавая иллюзіи относительно ихъ долговѣчности, лучше приспособитъ ихъ къ важному современному ихъ назначенію. По различнымъ соображеніямъ она предложитъ даже нѣкоторыя новыя учрежденія, въ особенности высшую школу философіи, которая будетъ обнимать совокупность человѣческихъ языковъ, согласно ихъ истиннымъ аналогіямъ, чѣмъ возмѣститъ необходимое уничтоженіе греко-латинскихъ каедру.

Безъ сомнѣнія, однако, все это предварительное сооруженіе не достигнетъ до конца девятнадцатаго вѣка, когда одержитъ верхъ окончательная система исплннаго общаго образованія. Терпѣнія необходима въ немъ не должна вводить въ заблужденіе относительно его истиннаго характера и его назначенія.

Государство, въ сущности, обязано дать образованіе только пролетаріямъ; и, мудро организовавъ его, оно не будетъ нуждаться ни въ какомъ специальномъ учрежденіи. Эти окончательныя принципы значительно облегчатъ народное образованіе и въ то же время его обогатятъ. Они побудятъ націю, провинціи и города наперерывъ просить у западной власти наиболѣе выдающихся преподавателей для этихъ курсовъ, и всякій истинный философъ будетъ почитать за честь читать на нихъ, когда всѣ поймутъ, что дѣйствительная популярность образованія необходимо совпадаетъ съ его систематической возвышенностью. Эта дѣятельность естественнымъ образомъ станетъ главной функціей большинства носителей новой духовности, по крайней мѣрѣ, на протяженіи болѣе части ихъ практической карьеры.

Какъ видно изъ предыдущихъ указаній, это общее образованіе ни въ комъ случаѣ не можетъ быть теперь непосредственно организовано. Какими бы ни были въ этомъ отношеніи искреннія настроенія различныхъ современныхъ правительствъ, ихъ эмпирически усилія значительно повредили бы построенію этого великаго зданія, если бы они пожелали его ускорить и, въ особенности, если бы они попытались имъ руководить.

Въ самомъ дѣлѣ, всякая настоящая система образованія предполагаетъ предварительное вліаніе истинной философской и социальной доктрины, определяющей ея природу и назначеніе. Литы не могутъ воспитываться на принципахъ, расходящихся съ убѣжденіями родителей, а также безъ помощи послѣднихъ. Хотя систематическое образованіе должно затѣять сильно укрѣпить мнѣнія и нравы, уже привившіяся въ социальную среду, оно, однако, невозможно, пока эти связующіе принципы сами собою

не приобрести достаточного преобладания. До тех пор умственной и нравственной систематизации могут достигнуть только лица, достаточно подготовленные и старавшиеся, по возможности, исправить недостатки и пробелы собственного образования, руководствуясь новой всеобщей доктриной. Эти медленно созревающие личности убеждения будут указывать общий путь ближайшему поколению, если доктрина действительно суждено возобладать.

Таким, в этом отношении, естественный ход, которого не может изменить никакое искусственное влияние. Поэтому, отнюдь не приглашая современных правительств уже теперь организовать всеобщее образование, мы должны их побуждать искренно отказаться от прерогатив или возмутительных прав, которыми они—особенно во Франции—еще присваивают себе относительно этого предмета. Выше я указал двойное исключение, допускаемое этим общим правилом касательно начального и высшего специального образования, которые должны все более и более прилекать к себе внимание общества, как необходимые зачатки истинного обновления. Кроме того, весьма важно, чтобы светская власть, центральная или местная, отказавшись от своего странного руководства учебным делом, установил путем единовременного упрощения бюджета на поддержание богословских и метафизических учебных заведений, полную свободу обучения, два главных условия которого я выше указал. Пока всеобщая доктрина не одержит верху, усилия современных правительств, направленные к прямому возрождению народного образования, могут быть только регрессивными, так как им придется опираться на какую-нибудь из отсталых доктрин, которая слугает всецело замбиян другими.

Итак, в настоящее время слугает, главным образом, стараться внушить народам систематические убеждения, которые затем создадут почву для истинного обновления образования в собственном смысле слова. Среди главных средств, как печатных, так и устных, которые можно приять на этой подготовительной стадии, я должен особенно указать на более или менее методический ряд народных курсов о различных позитивных науках, включая сюда историю, отныне заслуживающую занимать среди них место. Но эти курсы могут оказаться вполне целесообразными лишь тогда, когда они будут носить истинно-философский и, следовательно, социальный характер даже при изложении простейших математических теорий. Они должны также оставаться независимыми от какого бы то ни было правительства, дабы избежать влияния всякой официальной доктрины.

Всем этим условиям можно удовлетворить, если считать эти курсы западно-европейскими, а не чисто-национальными. Таким образом достигается активное участие свободной философской ассоциации, к которой на всем Западе добровольно будут принадлежать все, кто может достойно и бескорыстно сотрудничать в этом великом деле переходного периода. Позитивизм один только может выдать теперь подобную организацию. И именно таким-то путем вскоре разовьется основной союз между философами и пролетариями.

В соответствии с этим независимым движением, усилия, направленные на распространение позитивистских убеждений, естественным образом совпадут с свободным подъемом духовной власти, которая в них найдет опору для нашего возрождения. Переходной же режим будет все больше приближаться к

нормальному состоянию, но мйръ того, как будет выраховываться солидарность между этими двумя крайними классами окончательного строя.

Чтобы лучше понять эту постепенную тенденцию, можно сравнить позитивистские курсы с соответственными клубами. Между тем, как одни прямо подготавливают будущее, другие преследуют ту же цель, обсуждая прошлое и направляя настоящее, так что одновременно вырабатываются три главных формы нового спиритуализма.

Г Л А В А XXXI.

Союз между философами и пролетариями.

Совокупность вышеприведенных соображений уже достаточно ясно характеризует окончательную систему народного образования и подлежащую ее подготовить непосредственную переходную ступень. В эти переходные время союз между философами и пролетариями даст важные для обеих сторон результаты задолго до того, как нормальное состояние станет возможным на Западе. Эта энергичная поддержка позволит зарождающемуся спиритуализму приобрести уважение и даже любовь светских вождей, особенно расположенных в настоящее время пренебрежительно относиться ко всякой нематериальной силе. Их тщеславная гордость не раз заставит их прибегать к помощи философов для усмирения сиравадного недовольства пролетариев. Какой бы огромной ни казалась всегда сила толпы, она, в сущности, значительно уступает силе богатства. Ибо первая, главным образом, зависит от солидарности, которая, чтобы стать продолжительной, требует интеллектуального и морального соглашения, более доступного философскому влиянию, как в положительном, так и в отрицательном смысле. Хотя философам никогда не удастся вновь управлять пролетариями, как об этом мечтали некоторые безрассудные люди, она, тем не менее, смогут во многом изменить их страсти и поведение, когда они будут надлежащим образом приять свою моральную власть в делах порядка или прогресса. Это свободное влияние может вытекать только из чувства доверия и признательности, обусловленного преимущественно оказанными услугами. Так как никто не может придать достаточно веса своим собственным домогательствам, то именно философам надлежит представлять правящим классам справедливые требования пролетариев, между тем как последние заставят светскую власть уважать новую духовную власть. Благодаря этому обоюдному общению услугами, пожелания одних будут свободны от тщеславного честолюбия. Отнюдь не унизка своего собственного достоинства свескорыстными стремлениями, каждый из двух классов получит, таким образом, удовлетворение своих главных потребностей, и будет ограничиваться благородными выполнениями своей социальной функции.

Чтобы закончить характеристику позитивистской политики, единственно подобающей пролетариату, мнѣ остается указать на умственные и сердечныя качества, которыя она у нихъ предполагаетъ и изъ которыхъ вытекаютъ тѣ требованія, которыя пролетаріи должны предъявлять къ своимъ союзникамъ-философамъ.

Эти различныя условія, въ копль-концовъ, сводятся къ лучшему развитію свойственныхъ народу склонностей, уже преобладающихъ въ центрѣ великаго западнаго движенія.

Въ интелектуальномъ отношеніи существуютъ два главныхъ условія: одно—отрицательное или освобожденіе, другое—положительное или подготовка.

ГЛАВА XXXII.

Пролетаріи не питаютъ болѣе никакого довѣрія къ теологіи.

Отрицательное условіе уже достаточно выполнено, по крайней мѣрѣ, въ Парижѣ, относительно теологическаго строя, болѣе глубоко нашего въ глазахъ нашихъ пролетаріевъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Безспоренный фактъ, на которомъ останавливаются еще многіе ученые, не встрѣчающіе никакого довѣрія въ народѣ, къ счастью, чуждомъ наукъ и словамъ и существахъ,—науки, которыя одѣ только могутъ продлить эту чрезвычайную задержку въ современномъ освободительномъ движеніи. Нужно только, чтобы истинныя склонности народнаго духа проявились болѣе рѣзко, во избѣжаніе всякихъ иллюзій относительно интелектуальнаго характера нашего возрожденія. А это рѣшительное возрожденіе не замедлитъ совершиться въ той вполнѣ свободной средѣ, въ которой новая философія будетъ служить органомъ систематизаціи. Мы должны на это рассчитывать тѣмъ болѣе, что это возрожденіе тѣсно связано съ социальными потребностями народа, такъ какъ система теологическаго догматизма—система, которую нужно теперь окончательно разрушить,—была, главнымъ образомъ, установлена или, по крайней мѣрѣ, принѣнена въ цѣляхъ противобѣдствія справедливымъ требованіямъ народа. Этотъ беззастѣнливый обманъ ведетъ лишь къ умственному закрѣпощенію пролетаріевъ и стремится только обойти ихъ законныя желанія реальнаго улучшенія, отлакая ихъ несбыточною надеждой на будущее.

Такимъ образомъ, только пролетаріи могутъ и должны раскрыть этотъ обманъ, болѣе смѣлѣе, чѣмъ гусеницы, для чего имъ достаточно открыто и энергично заявить о своихъ убѣжденіяхъ такъ, чтобы у правящихъ классовъ не осталось на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній. Имъ придется отвернуться отъ всѣхъ ученыхъ, которые окажутся недостаточно свободомыслящими или сколько-нибудь приспособленными къ этому систематическому притворству, на которое, начиная съ Робеспьера, направлены всѣ ретроградныя: какъ деспоты, такъ и монархисты. Тѣмъ, кто искренно считаетъ нашу социальную жизнь временнымъ изгнаніемъ, въ которомъ каждый долженъ по возможности меньше принимать участія, вѣривая народная мудрость не замедлитъ

отбѣтять предложеніемъ отказаться, согласно ихъ собственному принципу, отъ всякаго участія въ управленіяхъ общественнымъ строемъ, чуждымъ ихъ единственной цѣли.

ГЛАВА XXXIII.

Пролетаріи должны также отказаться отъ метафизическихъ идей.

Освобожденіе нашихъ пролетаріевъ отъ метафизическихъ идей меньше подвинулось впередъ, но оно, однако, столь же необходимо, какъ и избавленіе ихъ отъ теологическихъ воззрѣній. У народовъ, не принявшихъ протестантства, метафизическія блужданія, опутывающія нынѣ умъ германцевъ, безъ сомнѣнія, не пользуются большимъ довѣріемъ. Но народъ всюду, даже въ Парижѣ, въ силу ложнаго предрассудка, съ уваженіемъ относится къ соответствующему образованію, хотя онъ самъ, къ счастью, этой премудрости не вкушаетъ. Весьма важно потому разъяснить эту послѣднюю иллюзію нашихъ пролетаріевъ, которая отнимъ одна только препятствуетъ подъему социальнаго чувства. Она погоняетъ прежде всего на савшномъ частомъ смѣшеніи образованные люди способны управлять. А это ошибочное, хотя весьма извинительное заблужденіе часто приводитъ къ избранію неспособныхъ руководителей.

Лучшая оцѣнка нашего общества покажетъ народу, что вопрека высокогорію нашихъ образованныхъ людей и даже ученыхъ, большинство дѣйствительно сильныхъ умовъ находится теперь внѣ этихъ группъ, именно среди столь пренебрегаемыхъ практиковъ и иногда среди самыхъ необразованныхъ пролетаріевъ. Въ средіе вѣка, когда воспитаніе преобладало надъ образованіемъ, лучше рассуждали и умѣли восхищаться и пользоваться глубокой реальной мудростью весьма невѣжественныхъ рыцарей. Прямота, провинциальность и даже связанность мыслей суть вообще качества совершенно независимыя отъ всякаго образованія, и ихъ развитіе гораздо болѣе обусловливается практической жизнью, чѣмъ теоретическимъ обученіемъ. Что касается цѣльнаго міросозерцанія, являющагося главнымъ основаніемъ всякой политической способности, то можно съ убѣренностью сказать, что оно отсутствуетъ преимущественно у образованныхъ классовъ.

ГЛАВА XXXIV.

Слѣное благоговѣніе пролетаріевъ передъ литераторами и адвокатами.

Предшдущее замѣчаніе приводитъ, далѣе, къ оцѣнкѣ главнаго источника глубокаго заблужденія, въ которомъ я уверяю наиболее нередовыхъ изъ нашихъ пролетаріевъ. Это заблужденіе преимущественно вытекаетъ изъ ихъ ошибочнаго смѣшенія

всех видят образования. Политическое доктрине, которое они, к несчастью, пытаются еще къ литераторамъ и адвокатамъ, показывать, что обилие лекторовъ пережило у нихъ престижъ ботаниковъ и монархистовъ. Но естественное теченіе нашей республиканской жизни, при систематическомъ вліаніи здоровой философіи, въ концѣ концовъ разсеблет и этотъ предрасудокъ. Народъ вскорѣ инстинктивно пойметъ, что постоянное упражненіе въ письменномъ или устномъ выраженіи мыслей не только не создаетъ прочной гарантіи въ способности пониманія, но, напротивъ, можетъ сдѣлать насъ неспособными ко всякой точной и рѣшительной оцѣнкѣ. Покоясь на образованіи, лишенномъ всякихъ истинныхъ принциповъ, оно почти всегда предполагаетъ или обуславливаетъ полное отсутствіе твердыхъ убѣжденій. Большинство этихъ людей, научающихъ искусно формулировать чужія мысли, становится въ концѣ концовъ неспособными отличить истину отъ лжи въ простѣйшихъ вопросахъ, даже когда этого требуютъ ихъ собственный интересъ. Поэтому народъ долженъ, наконецъ, отказаться отъ слѣпого восхищенія ими и перестать доверять имъ свою судьбу. Уваженіе къ людямъ, стоящимъ выше на социальной лѣстницѣ, конечно, необходимо для хорошаго порядка; но это иерархическое чувство должно быть лучше направлено.

Пріяя такимъ образомъ къ изслѣдованію вопроса о томъ, какова должна быть ихъ собственная умственная подготовка, и, следовательно, умственная подготовка ихъ истинныхъ представителей, пролетаріи поймутъ, что она преимущественно состоитъ въ систематизаціи посредствомъ здоровыхъ научныхъ теорій врожденнаго имъ позитивнаго духа. Ихъ повседневный трудъ уже имѣетъ въ себѣ зачатки настоящаго философскаго метода и направляетъ ихъ вниманіе къ главнымъ естественнымъ законамъ. Поэтому парижскіе пролетаріи—естественный типъ западнаго народа—понимаютъ лучше, чѣмъ большинство нашихъ ученыхъ, это тѣсное соединеніе реальности съ полезностью, характеризующее позитивное мышленіе. Ихъ спеціальныя занятія вызываютъ гораздо меньше потребности въ общеніи. Но они оставляютъ досугъ для мысли, благодаря чему могутъ развиваться естественныя наклонности всѣхъ способныхъ людей.

Однако, именно социальный толчекъ дать народу вскорѣ понять, насколько для него важно дополнить и согласовать свои реальныя представленія. Рѣшившись теперь по возможности исправить существующій плохой порядокъ вещей, онъ убѣдится въ необходимости познать сперва его истинные законы, какъ это дѣлается во всякомъ иномъ хозяйствѣ. Далѣе онъ пойметъ, что нельзя правильно оцѣнить настоящее, не связавъ его, съ одной стороны, съ прошедшимъ и, съ другой, съ будущимъ. Даже необходимость измѣнить естественное теченіе социальныхъ явленій пробудитъ въ немъ желаніе познакомиться съ ихъ исторіей и съ ихъ характеромъ, дабы лучше избѣжать всякаго ошибочнаго или излишняго вмешательства.

Признавъ, такимъ образомъ, что политическое искусство зависитъ, еще болѣе, чѣмъ всякое другое, отъ знанія соответственной науки, народный умъ вскорѣ пойметъ, что эта наука, будучи отнюдь не изолированной, требуетъ предварительнаго изученія индивидуальнаго человѣка и вѣчнаго міра. Такимъ образомъ, онъ пройдетъ всю основную іерархію позитивныхъ представленій и сознательно возвратится къ источнику, который ему естественно указываютъ его спеціальныя занятія, относящаяся, главнымъ образомъ, къ неорганическому міру.

Этотъ необходимый ходъ пролетарскаго разума вскорѣ представитъ ему позитивную философію какъ единственно подходящую для народа, какъ теоретически, такъ и практически, такъ какъ она обнимаетъ ту же область, имѣетъ то же названіе и такъ же выдвигаетъ на первое мѣсто социальныя соображенія. Народный инстинктъ проникнется, такимъ образомъ, сознаніемъ, что это ученіе ограничивается приведеніемъ въ систему того, что въ немъ является врожденнымъ, и что это упорядоченіе значительно увеличиваетъ общественную и частную силу морали и здраваго смысла, этого обычнаго двойнаго основанія отнынѣ нераздѣльныхъ умозрительной и активной мудростей.

Тогда наши пролетаріи со стыдомъ будутъ вспоминать, что они нѣкогда вѣрили наиболѣе трудныя дознанія лицамъ, не знавшимъ даже точнаго различія между кубическимъ сантиметромъ и кубическимъ дециметромъ. Съ другой стороны, не нужно особенно опасаться того, что ученые въ собственномъ смыслѣ слова, столь уважаемые средними классами, приобретутъ теперь большее вліаніе на народъ. Они невинныя народу вѣдѣніе ихъ равнодушнаго отношенія къ высшимъ социальнымъ вопросамъ, передъ которыми по необходимости ступенькаются ихъ академическія занятія пустяками. Присущій имъ смиреніемъ дѣлаетъ ихъ неспособными удовлетворять справедливыя требованія этихъ наивныхъ умовъ, которые, согласно выраженію великаго Мольера, желаютъ имѣть ясное представленіе обо всемъ. По мѣрѣ того, какъ суеное честолюбіе современныхъ ученыхъ заставитъ ихъ выходить за предѣлы той области, которой они до сихъ поръ занимались, народный умъ съ удивленіемъ станетъ замѣчать, насколько ихъ столь хваленый методъ мышленія сузилъ ихъ пониманіе, свелъ его къ нѣсколькимъ несложнымъ и чаще всего мало-важнымъ вопросамъ. Здравая философія разсеетъ это естественное удивленіе, объяснитъ, какимъ образомъ этотъ видъ академическаго идиотизма явился результатомъ несправильнаго удлинненія переходной стадіи. Этотъ временный методъ мышленія, являясь прогрессивнымъ въ теченіе послѣднихъ трехъ вѣковъ, именно тѣмъ, что онъ позволялъ выполнять долгую подготовительную научную работу философскаго обновленія, предначертаннаго Бэкономъ и Декартомъ, долженъ былъ стать ретрограднымъ съ тѣхъ поръ, когда, вслѣдствіе завершенія этой подготовительной работы, оказалось возможнымъ приступить къ непосредственному построению науки, по необходимости относящейся къ Человѣчеству. Далекъ не способствуя главному современному умственному движенію, онъ является, въ особенности во Франціи, серьезнымъ препятствіемъ къ рѣшительному расширенію и созиданію этого движенія, какъ это поразительнымъ образомъ почувствовала революціонная мудрость Конвента, когда она возымѣла смѣлую мысль закрыть Академію Наукъ. Наши пролетаріи вскорѣ поймутъ, насколько политической инстинктъ великаго собранія былъ иверенъ. Поэтому нужно полагать, что они сумѣютъ отказать въ своемъ доврѣніи метафизикамъ или литераторамъ, не имѣя покровительства у плохихъ ученыхъ. Ихъ социальная цѣль внушитъ имъ, что имъ нуженъ общеніе и позитивность. И въ то время какъ главные представители промышленности, въ силу уюсти своихъ взглядовъ, будутъ продолжать восхищаться нашими учеными, народъ будетъ политически тяготѣть къ истиннымъ философамъ, чрезвычайно небольшое число которыхъ возростетъ благодаря призванію пролетаріевъ и даже благодаря регрессу послѣднихъ въ ихъ ряды.

ГЛАВА XXXV.

Пролетарій долженъ считать себя состоящимъ на общественной службѣ.

Что касается моральныхъ условій народнаго подъема, то они вытекаютъ, главнымъ образомъ, изъ дѣятельнаго чувства важности основнаго назначенія пролетаріата, связаннаго съ сознаниемъ его нынѣшняго положенія.

Съ первой точки зрѣнія наши пролетаріи могутъ морально считать себя истинными общественными служащими, одновременно специальными и общими. Однако, такой характеръ ихъ дѣятельности никоимъ образомъ не долженъ повлечь за собой измѣненія нынѣшней формы частнаго вознагражденія, естественно устанавливаемаго за всякую услугу, настолько непосредственную и ограниченную, что ея особая оценка можетъ быть прямой и обычной. Нужно только доизлить это индивидуальное вознагражденіе каждой дѣятельности справедливою социальною благодарностью по отношенію къ труждающемуся, подобно тому какъ у насъ уже принято поступать относительно такъ называемыхъ либеральныхъ профессій, гдѣ плата за трудъ не извѣщаетъ отъ признательности. Въ этомъ смыслѣ саморизвольное республиканское направленіе Конвента оперативно систематически указывая аграрной философіи въ характеристикѣ народнаго сотрудничества.

Чтобы понять дѣйствительное значеніе своего спеціальнаго труда, пролетаріамъ достаточно предположить его полное или даже временное прекращеніе, что точно такъ вызвало бы расстройство основнаго порядка современной жизни. Гораздо труднѣе для нихъ въ настоящее время оцѣнить свое общее участіе, являющееся главнымъ источникомъ общественнаго мѣтла и, следовательно, существенной поддержкой моральнаго авторитета. Но, согласно мнѣнью предыдущихъ разъясненій, эта нормальная функція столь неминуемо вытекаетъ изъ ихъ природы и состоянія, она такъ соответствуетъ ихъ коллективнымъ потребностямъ, что пониманіе ея станетъ для нихъ все доступнѣе, по мѣрѣ того, какъ теченіе событій позволитъ или даже потребуетъ ея примѣненія.

Это постепенно возрастающее сознаніе своего значенія можетъ проявить существенно вредное направленіе только въ томъ случаѣ, если пролетаріи сосредоточатъ свое вниманіе на томъ, что метафизики называютъ политическими правами. Занятіе этими вопросами отвлечло бы народъ отъ моральныхъ вопросовъ, относящихся къ пользованію властью, и втянуло бы ихъ въ бесполезные споры, касающіеся обычнаго обладанія послѣдней.

Но эта опасность не внушаетъ серьезной тревоги въ особенности во Франціи, гдѣ истинныя пролетаріевъ не испорченъ метафизическимъ фанатизмомъ. Наставническія увѣщанія нашихъ идеологовъ, даже официальныхъ, не помѣшаютъ народной мудрости понять, что не въ этомъ его истинное социальное назначеніе. Нынешнее преслѣженіе избирательными голосованіями приведетъ скорѣ къ добровольному

упражденію этого призванчаго права, не имѣяшаго даже привлекательности приваженія. Тщетныя усилія сосредоточить вниманіе народа на собственно политическіхъ вопросахъ не будутъ въ состояніи отвѣсти его отъ настоящихъ социальныхъ проблемъ, дѣйствительное рѣшеніе которыхъ по преимуществу моральное. Онъ никогда не позволитъ свести результаты великой революціи къ простымъ перемѣщеніямъ лицъ или измѣненіямъ партійныхъ группировокъ, ни даже къ какимъ бы то ни было измѣненіямъ центральной власти.

Это настроеніе народа требуетъ равносильныхъ стремленій у тѣхъ, кто желаетъ стать его духовными руководителями. Подобно ему, они должны ставить социальныя проблемы выше простыхъ политическихъ вопросовъ и лучше его цѣнить существенно нравственную природу соответственныхъ рѣшеній. Для этого они прежде всего должны принять, какъ нормальное основаніе современной организаціи, систематическое отдѣленіе духовной власти отъ свѣтской. Этотъ принципъ настолько отвѣчаетъ народнымъ потребностямъ, что скорѣ народъ потребуетъ отъ всѣхъ своихъ интеллектуальныхъ вождей, чтобы они его приняли. Чтобы его лучше обезпечить, онъ, безъ сомнѣнія, заставитъ ихъ формально отречься отъ всякаго притязанія на центральную или даже истинную свѣтскую власть.

Посвящая себя, такимъ образомъ, исключительно служенію Человѣчеству, истинные философы ищутъ больше добра своимъ современникамъ-пролетаріамъ, а также правящимъ классамъ. Избавленная отъ непосредственнаго примѣненія, социальная теорія сможетъ получить свободное развитіе, которое, отнюдь не вызывая безпорядка, надлежащимъ образомъ подготовитъ нормальное будущее, не пренебрегая и нынѣшнимъ переходнымъ состояніемъ. Въ то же время социальная практика, освобожденная отъ напастныхъ наставническихъ притязаній, не сохранитъ болѣе никакой ретроградной связи съ отжившими доктринами и постепенно приспособится къ прогрессивнымъ указаніямъ общественнаго духа, энергично выплывая въ то же время свою необходимую материальную службу.

ГЛАВА XXXVI.

Пролетарій не долженъ стремиться ни къ богатству, ни къ политической карьерѣ.

Чтобы лучше соответствовать своему нынѣшнему и оковачательному назначенію, народные нравы должны только болѣе развивать свой самобытный характеръ. Для этого пролетарскій инстинктъ долженъ, главнымъ образомъ, очиститься отъ всякаго суежнаго стремленія къ почестямъ или личному богатству. Метафизическій эмпиризмъ охотно сдѣлалъ бы результаты великой революціи къ расширенію для народа доступа къ политической или гражданской власти. Но эта возможность, хотя необходима для окончательнаго строя, далеко не отвѣчаетъ истиннымъ народнымъ потребностямъ, такъ какъ она можетъ способствовать только индивидуальнымъ

улучшениям, не изменяющим судьбы социальной массы, но скорее стремящимся часто ее ухудшить, вследствие ухода из нее наиболее энергичных членов. Однако только Конвент сумел надлежащим образом оценить этот факт. Только он умел уважать пролетариат, как таковой, в их частной деятельности и в их общем участии в государственной жизни, являющемся главным возмещением неприятных материальных условий их существования. Все вожаки, как ретроградного, так и стационарного, состояний, послыдавшие за Конвентом, пытались, напротив, отвлечь их от социальной цели, облегчая им личный доступ к высшим положениям. Привыкшие к слабой рутине средние классы невольно присоединялись к этой развращающей политике и стали проповедывать, что все должно подражать им и стремиться делать сбережения. Эта привычка к сбережению необходима для накопления и управления капиталами; она должна поэтому преобладать в промежуточной части управления капитализма; но она была бы неуместна и даже губительна во всех остальных частях, там, где материальное существование, главным образом, зависит от какой-либо заработной платы. Философы и пролетарии должны одинаково остерегаться правых, стремившихся унизить их моральный характер, не удачная обыкновенно их физического положения. У тех и других отсутствие всякой серьезной практической ответственности и свободный подъем, — как общественный, так и частный, — умеренной и аффективной жизни составляют главные условия истинного счастья. Вопреки мнению наших экономистов, утверждающих, что сберегательные классы имеют важное социальное значение, зарывая философия вполне одобрит решительное отращение, проявляемое к этим организациям народным инстинктом, выдающим в них, главным образом, постоянный источник морального развращения, так как они обыкновенно заглушают великодушные чувства. Эмпирически разлагающиеся общества против казачков не помешают им оставаться и впрямь единственными мстителями народных собраний, где вырабатывается чувство общности, заслуживающее большего поощрения, чем агоническое посвящение сберегательных масс. Что касается истинных личных опасностей, сопряженных с этой мудрой непредусмотрительностью, то они вытекают из роста цивилизации постоянно уменьшаются, причем сохраняется характер пролетария, составляющий одновременно его главное достоинство и наиболее драгоценное утешение. Эта поправка вытекает преимущественно из возрастающего подъема чувств и мыслей. Признавая народ к общественной жизни, позитивная философия сумеет сделать клубы наилучшим коррективом казачка.

В этом отношении философам надеждать прислушиваться к великодушным внушениям народного инстинкта. Всякая жадность к деньгам, как и всякое слепое честолюбие, лиц, стремящихся к духовному управлению человечеством, будут вызывать законное позорительное отношение к ним со стороны народа, так как они таким образом выкажут свою моральную несостоятельность, обыкновенно связанную с тайными бездельем мысли.

Моральная власть философов, которыми помогают пролетарии, преимущественно заключается в позитивном строе в том, чтобы беспрерывно напоминать, путем справедливого распределения уважения, социальную группировку, в которой

должно всегда превешивать материальное значение. Хотя субординация должностей не перестанет существовать, каждое должностное лицо будет, однако, оцениваться сообразно качествам его ума и сердца, что предохранит и от анархии, и от рабства. Ничто не сможет помешать народу понять, что истинные качества, необходимые для отправления различных общественных должностей, весьма несообразны с достигаемыми ими системным господством. Он будет все больше и больше сознавать, что настоящее человеческое счастье отнюдь не связано с тем или иным высоким положением и что оно может скорее стать уделом скромного положения, кроме разве тех исключительных личностей, которые должны стремиться к власти — по суждению, может-быть, более глубокому, чем полезному нашей коллективной мудрости в применении к общественному благу. Истинные пролетарии, равно как истинные философы, вскоре перестанут завидовать высокому положению, неизбежно связанному с серьезной ответственностью.

Когда это взаимоотношение не будет более призрачным, народ убьется, что все социальное искусство имеет целью удовлетворить его справедливыми потребностями путем совместной деятельности его духовных вождей с его системными руководителями. Поэтому он не пожелает ни славы, купленной публичными работами. Давая возможность свободно проявляться необходимым теоретическим и практическим дарованиям, социальная масса сможет наслаждаться состоянием, соответствующим нашей обычной организации, сообразно которой действительное благополучие преимущественно связано с умренными упражнениями чувства и разсудка и умренными же деятельностью. Так как материальная нужда будет устранена, то каждый будет искать справедливого вознаграждения за свое хорошее поведение в неизменном, даже посмертном, уважении той части человечества, которая могла его оценить.

Одним словом, определение, сохранившееся в силу ложной скромности, но вытекавшее из инстинктивно понятой социальной действительности, будет все больше и больше соответствовать характеру высших должностных лиц, которые будут невольными слугами своих добровольных подчиненных. Позитивное общество будет так организовано, что его теоретические и практические вожди, несмотря на личную выгоду, связанную с их положением, будут часто сожалеть, что они не родились или не остались пролетариями. Для великих душ светское или духовное первенство доставляет всегда прочное удовлетворение лишь потому, что оно открывало им более широкое социальное попрание и позволяло принимать большее участие в создании общественного блага. Главное же достоинство окончательного порядка будет состоять в том, что для всех станет доступна эта благотворная связь частной жизни с общественной, и самому ничтожному гражданину будет обеспечено социальное влияние, не спорядительное, но совещательное, всегда соразмерное с его усердием и заслугами.

Все соображения, изложенные в этой третьей части, подтверждают положение, высказанное в начале ее, о необходимости способности пролетариата составлять главную опору не только окончательной системы, но также нашего временного строя, который рассматриваемый таким образом, будет возможно меньше отличаться от

подготавливаемого имъ нормальнаго состоянія. Главныя условія этой политики переходнаго времени, которыя я указалъ, заканчивая вторую часть, входить научную гарантію въ естественныхъ настроеніяхъ западно-европейскаго народа и въ особенности во Франціи. Намнѣя съѣтскимъ руководителямъ слѣдуетъ благоразумно сообразоваться съ народными стремленіями вмѣсто того, чтобы пытаться ими управлять: ибо они сами собою соответствуютъ нашимъ истиннымъ современнымъ потребностямъ въ свободѣ и въ общественномъ порядкѣ.

ГЛАВА XXXIII.

Свобода союзовъ и свобода обученія.

Свобода критики и свобода слова существуютъ во Франціи съ болѣею познотой, чѣмъ гдѣ-либо, и покоятся, главнымъ образомъ, на умственной эмансипаціи нашихъ пролетаріевъ, въ особенности парижскихъ. Они освобождены отъ всѣхъ богословскихъ воззрѣній, не примкнувъ ни къ какому метафизическому учению. Но полное отсутствіе систематическихъ убѣжденій поразительно образомъ согласуется у нихъ съ покорностью ума, побуждающей ихъ принимать тѣ убѣжденія, въ которыхъ соединены реальность и полезность. Всѣ другіе классы современнаго общества готовы принудительно навязать доктрины, не выдерживающія критики. Только народъ можетъ укрѣпить и расширить свободу, необходимую истиннымъ философамъ для выполненія ихъ функций. И никакая сила закона не можетъ внушить такого чувства безразличности, какъ эта моральная гарантія. Каковы бы ни были покусенія нѣкоторыхъ главарей или партій оставаться на одномъ мѣстѣ или идти впередъ, имъ не удастся притѣснить такой народъ. Это является наиболѣе убѣдительнымъ обстоятельствомъ, утверждающимъ за Франціей естественную роль руководительницы великаго западно-европейскаго возрожденія.

Народъ вскорѣ преодолѣтъ отрицательное отношеніе къ свободѣ союзовъ и свободѣ обученія. Населеніе съ столь сильными общественными инстинктами не позволитъ окончательно лишиться себя права устраивать свободные союзы, которые ему позволятъ удовлетворять его главныя наклонности и преслѣдовать его главныя интересы. Глубоко сознаваемая имъ потребность въ настоящемъ образованіи, дать которое одинаково неспособны какъ метафизики, такъ и теологи, все болѣе и болѣе будетъ его побуждать содѣйствовать съ непреодолимой энергіей установленію истинной свободы обученія, главныя условія котораго при отсутствіи такой поддержки, еще долгое время не были бы возможны. Что касается политики, какъ вышней, такъ и внутренней, то народная гарантія здѣсь не менѣе необходима. Миръ, какъ и свобода, зависитъ отъ основнаго настроенія нашихъ пролетаріевъ.

ГЛАВА XXXVIII.

Пролетарій и война.

Поразительное спокойствіе, царящее нынѣ на Западѣ, обусловлено преимущественно непреодолимымъ отвращеніемъ, питаемымъ нашими пролетаріями къ войнѣ. На это не столько указываютъ напрасныя сожалѣнія различныхъ ретроградныхъ партій объ уникѣ военнаго духа, сколько необходимое учрежденіе сперва во Франціи, затѣмъ и во всемъ Западѣ принудительнаго набора, иепо характеризующаго наши современные нравы. Такимъ образомъ, вопреки ложнымъ разлагольствованіямъ, надо признать, что въ наши арміи добровольно идутъ только офицеры. Пролетарій, сверхъ того, менѣе, чѣмъ какой-либо другой классъ проникнутъ національными предразсудками, которые хотя и значительно ослаблены, но все еще сѣютъ рознь въ великой европейской семьѣ. Они болѣе дѣлательно проявляются у среднихъ классовъ, преимущественно изъ-за промышленнаго соперничества. Въ глазахъ пролетаріевъ они вѣдуу ступенчаваются передъ основнымъ сходствомъ склонностей и состояній трудящихся всего Запада.

Эта благотворная солидарность вскорѣ приобрететъ надлежащую прочность, вслѣдствіе всеобщаго участія народа въ разрѣшеніи поднятаго имъ теперь великаго социальнаго вопроса объ отведеніи полагающаго ему мѣста въ новомъ строѣ. И въ виду всеобщаго преобладанія этого интереса, никакое военное или промышленное заблужденіе не въ состояніи будетъ его преодолѣть и вызвать войну на Западѣ.

ГЛАВА XXXIX.

Въ теченіе переходнаго періода политическая власть должна быть централизована.

Могущественныя социальныя волненія, правда, менѣе благоприятны для внутренняго порядка, чѣмъ для вибнаго мира. Но тревога, не безъ основанія внушаемая намъ вышней духовной апархіей, не можетъ намъ помѣшать по достоинству оцѣнить гарантіи, которыя даютъ намъ, даже въ этомъ отношеніи, истинныя стремленія пролетаріевъ. Преобладаніе центральной власти надъ мѣстной, которое, какъ мы выше видѣли, необходимо для общественнаго порядка, можетъ быть достигнуто лишь при содѣйствіи народа. Правительство, въ собственномъ смыслѣ слова, если оно только не будетъ вызывать опасеній въ ретроградности, безъ труда встрѣтитъ въ немъ поддержку противъ собранія депутатовъ, гдѣ почти всегда будутъ господствовать анти-пролетарскія тенденціи. Между этими двумя видами свѣтской власти народный инстинктъ естественно предпочтетъ тотъ изъ нихъ, болѣе практи-

ческой характеръ и менѣе двусмысленная роль котораго лучше отвѣчаютъ его главнымъ желаніямъ.

Пустые конституціонные споры выгодны для честолюбцевъ изъ среднихъ классовъ, такъ какъ они обезпечаютъ изъ политическую карьеру. Но эта безплодная агитация вызываетъ мало интереса и часто справедливые презрѣніе у народа, которому она не можетъ принести никакой пользы и законныя требованія котораго она стремится обойти, увеличивая непроходимость единственной власти, способной ихъ удовлетворить.

Итакъ, народное предпочтеніе обезпечено всякой администраціи, которая сумѣетъ его заслужить, въ особенности во Франціи, гдѣ политическія страсти уже увелись благодаря непреодолимому вліянію подлѣтыхъ социальнымъ вопросамъ.

Поддержка пролетаріевъ должна не только укрѣпить центральную власть, но и значительно улучшить ея обычный характеръ; ибо она приведетъ ее къ ея истинному практическому назначенію тѣмъ, что освободитъ ее отъ пустыхъ теоретическихъ притязаній. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, стремленія философовъ къ систематизаціи отнынѣ встрѣять болѣе благоприятныя условія для своего осуществленія, благодаря добровольному вліянію ихъ союзниковъ-пролетаріевъ.

Чтобы лучше охарактеризовать это спасительное вмѣшательство народа въ современную политику, мнѣ остается еще указать, какая группа населенія могла бы выставить изъ своей среды центральное правительство, способное руководить переходнымъ состояніемъ свѣтской власти до момента прекращенія духовнаго междоусобицы.

Удачная двусмысленность, выражаемая, въ особенности на французскомъ языкѣ, словомъ народъ (peuple), постоянно напоминаетъ, что пролетаріи не образуютъ настоящаго класса, но составляютъ социальную массу, откуда вытекаютъ, какъ необходимыя органы, различныя спеціальныя классы. Со времени уничтоженія касты, послѣднимъ остаткомъ которыхъ была королевская власть, наши свѣтскіе вожди вербовались, главнымъ образомъ, въ пролетарской средѣ. Въ нормальномъ государствѣ требуется только, чтобы эти новые владетели, прежде чѣмъ занять какой-либо государственной посты, предварительно приобрѣли въ частной практикѣ умѣнье властвовать, необходимое для ихъ политической дѣятельности.

Во всякомъ правильномъ стрѣе правительство, въ собственномъ смыслѣ слова, можетъ быть только расширеніемъ гражданской власти. Вотъ почему окончательный порядокъ современныхъ обществъ обезпечиваетъ главнымъ представителямъ промышленности обладаніе свѣтской властью. Хотя они кажутся еще малоспособными для этой власти, они не замедлятъ ее получить, когда духовное преобразование сдѣлаетъ ихъ болѣе достойными ея и обезпечитъ имъ пользование ею, упростивъ ее и придавъ ей чисто практическій характеръ.

Однако, ни одно изъ этихъ двухъ условій въ настоящее время еще не выполнено, что затрудняетъ доступъ къ свѣтской власти лицамъ, которыя, въ концѣ концовъ, станутъ ея законными представителями. Они могутъ уже взять на себя различныя спеціальныя обязанности, какъ мы это недавно видѣли, даже относительно функций, казавшихся на первый взглядъ совершенно чуждыми промышленнымъ способностямъ. Но за исключеніемъ единичныхъ личностей, на возможность

появленія которыхъ ничто не указываетъ и отъ которыхъ не долженъ зависеть нашъ временный режимъ, — эти классы еще не способны замѣнить королевскую власть въ ея роли центрального органа. До сихъ поръ они слишкомъ далекіи отъ той возвышенности взглядовъ и чувствъ, которая могла бы имъ позволить такой политической подъемъ. Впрочемъ, это долгое условіе пракческаго перенесенія и вынѣ промышленности вообще выполняется не лучше. Наличие ея еще менѣе наблюдается среди ученыхъ, особенно во Франціи, гдѣ академическій режимъ такъ сузилъ умъ, иссушилъ сердце и расслабилъ характеръ, что большинство ученыхъ стало неспособно къ дѣйствительной жизни и въ особенности къ малѣйшему руководству, даже научному.

ГЛАВА XI.

Въ продолженіи переходнаго періода власть должна быть, въ видѣ исключенія, вѣрена пролетаріямъ.

Неспособность къ общественной службѣ нашихъ различныхъ спеціальныхъ классовъ заставляетъ искать другаго средства для удовлетворенія этого революціоннаго требованія и обратиться туда, гдѣ цѣльное міросозерцаніе менѣе сдѣлано и чувство долга лучше развито. Здравая историческая теорія даетъ мнѣ основаніе рѣшительно заявить, что одни только наши пролетаріи могутъ выставить изъ своей среды достойныхъ представителей высшей свѣтской власти до окончанія духовнаго междоусобицы, т.-е. на время, по крайней мѣрѣ, одного поколѣнія.

Освободившись отъ всякаго педантократическаго или аристократическаго обаянія, легко видѣть, при рациональномъ изслѣдованіи, согласно соображеніямъ, приведеннымъ въ началѣ этой третьей части, что у народа общность мыслей и благородство чувствъ болѣе возможно и болѣе непосредственно, чѣмъ у всѣхъ другихъ классовъ. Обычный недостатокъ административныхъ понятій и привычекъ дѣлаетъ нашихъ пролетаріевъ малоспособными къ различнымъ спеціальнымъ должностямъ практической государственной дѣятельности. Но это обстоятельство не является для нихъ препятствіемъ къ пользованію высшимъ авторитетомъ, ни къ исполненію высшихъ социальныхъ функций, требующихъ истинной широты взглядовъ и не предполагающихъ никакихъ спеціальныхъ знаній. Когда эти важныя посты будутъ заняты достойными пролетаріями, ихъ мудрый и скромный инстинктъ сумѣетъ найти подходящихъ лицъ изъ нѣдръ тѣхъ классовъ, откуда они до сихъ поръ вербовались. Такъ какъ ихъ умѣный выборъ обезпечитъ практическій характеръ и прогрессивный духъ правительства, они смогутъ безъ опасеній использовать всѣ спеціальныя способности даже тѣхъ лицъ, которымъ, какъ стоящимъ очень высоко, наиболее можетъ быть противна служба республикѣ.

Такимъ образомъ, всѣ свѣтскіе элементы окажутся, — подъ вліяніемъ могучаго

имущая со стороны пролетаріевъ,—надлежащее содѣйствіе нашему окончательному преобразованію, въ особенности среди военныхъ и судей, особенно способныхъ къ превращенію въ искреннихъ республиканцевъ. Въ то время какъ это обладаніе верховной властью обогатитъ и успокоитъ народную массу и сдѣлаетъ изъ нихъ обычные приемы обучанія, оно воздѣйствуетъ на представителей промышленности въ томъ смыслѣ, что они будутъ дѣлаться все болѣе и болѣе достойными предстоящаго имъ свѣтскаго высокаго назначенія, по мѣрѣ того какъ ихъ чувства будутъ очищаться и ихъ взгляды расширяться.

Итакъ, условія свободы и общественного порядка создадутъ почву для передачи революціоннымъ путемъ центральной власти нѣсколькимъ выдающимся пролетаріамъ на время духовнаго междуцарствія. Ихъ водвореніе не породитъ въ пролетарской массѣ опасныхъ честолюбивыхъ стремленій, подобно тѣмъ, какія вызываютъ теперь въ этой средѣ жажда обогащенія; ибо всѣ ясно поймутъ исключительную природу и необходима условия этого рѣзкаго раздѣла.

Назначеніе этой политической аномаліи опредѣляетъ также ея форму осуществленія. Надо на самомъ дѣлѣ освободиться отъ корыстной рутинѣ, которая въ послѣднее время сдѣлала изъ мѣстной власти роль обязательной подготовки къ центральной власти, хотя въ действительности именно центральная власть была всегда предметомъ честолюбія парламентаріевъ. Неопровержимый опытъ достаточно подтвердилъ, въ этомъ отношеніи, здравыя теоретическія соображенія, согласно которымъ такая школа можетъ воспитывать только бесполезныхъ болтуновъ, лишенныхъ всякой настоящей политической способности, каковыми были, напримѣръ, жирондисты. Понимая то, что наши пролетаріи, идя такимъ путемъ, врядъ ли могли бы восторжествовать, слѣдуетъ признать, что если бы они имѣли несчастье достигнуть успѣха, они потеряли бы прямо и самобытность, составляющую теперь ихъ истинныя качества, дѣлающая ихъ достойными этой исключительной отвѣтственной роли.

Такимъ образомъ, временный постъ, который позитивизмъ предназначаетъ для вождей пролетаріевъ, послѣдніе должны будутъ занять сразу, безъ всякихъ парламентарныхъ околичностей. Тогда наше прямое движеніе къ окончательному возрожденію приобрететъ тотъ характеръ, который ему долженъ быть свойственъ: мирный и энергичный, благодаря добровольному и систематическому сотрудничеству философовъ, свободныхъ отъ всякаго свѣтскаго честолюбія, и диктаторовъ, чуждыхъ всякой духовной тирании. Общественный разумъ будетъ отнынѣ считать мятежникомъ и въ то же время ретроградомъ всякаго ученаго, который будетъ домогаться свѣтской власти, и всякаго правителя, который пожелаетъ поучать. Однимъ словомъ, наше революціонное правительство подвергается тому внутреннему преобразованію, въ которомъ нуждалось правительство Конвента, если бы это удивительное политическое созданіе могло, какъ того хотѣли его творцы, просуществовать до наступленія всеобщаго мира.

Таковъ окончательный договоръ между истинными философами и истинными пролетаріями относительно руководительства органическимъ завершеціемъ великой революціи, путемъ мудраго возстановленія режима Конвента, не искаженнаго опытами, произведенными его различными преемниками эпохи реакціи и застою. Цѣльное ирресоверданіе и социальное чувство одинаково присущи обоимъ элементамъ этого

основного сочетанія, что является необходимой гарантіей для настоящаго переходнаго времени и вѣрнымъ залогомъ нормальнаго будущаго.

Если одинъ изъ нихъ является спонтаннымъ представителемъ этого будущаго, то другой долженъ стать его систематическимъ органомъ. Теоретическія проблемы нашихъ пролетаріевъ будутъ легко восприняты философами, которые, починаясь непреодолимо требованію социальнаго чувства, ознакомятъ сползу совмѣнивъ со здравой исторической теоріей, безъ которой человѣческая солидарность представляется лишенной своей главной особенности—непрерывности. Хотя нравственное несовершенство современныхъ философовъ создастъ много затрудненій для пролетаріевъ, тѣмъ не менѣе народное движеніе встрѣтитъ поддержку въ ихъ высокомъ убѣжденіи о всеобщемъ преобладаніи сердца; это убѣжденіе въ состояніи будетъ преодолѣть пустое высокомеріе, которое могло бы разстроить этотъ союзъ, имѣющій цѣлью обновленіе.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Роль женщины в позитивизмѣ.

ГЛАВА I.

Женщина, являясь аффективнымъ элементомъ общества, должна стать высшимъ регуляторомъ человѣческой жизни.

Какъ бы велика ни была сила, которую дѣятельное сотрудничество прелатривъ должно доставить обществу философовъ, преобразовательный импульсъ требуетъ еще третьяго элемента, указываемаго активной теоріей человѣческой природы и подтверждаемаго здравой исторической оцѣнкой великаго современнаго кризиса.

Наша моральная организация складается не только изъ разсудка и дѣятельности, представителями которыхъ являются философскій и прелатарскій элементы; но она также характеризуется чувствомъ, въ которомъ, согласно теоріи, изложенной въ началѣ этого «Обзора», сосредоточено даже ея преобладающее начало. А этотъ высшій факторъ, составляющій единственное реальное основаніе человѣческаго единства, не представленъ ни достаточно прямо, ни достаточно полно въ описанномъ нами выше основномъ союзѣ между философами и прелатарами.

Конечно, социальное чувство будетъ господствовать въ рѣшительномъ подъемѣ каждой изъ этихъ двухъ силъ. Но его источникъ не является здѣсь ни достаточно чистымъ, ни достаточно глубокимъ и потому его сила не соответствовала бы его назначенію, если бы не была вдохновляема изъ болѣе прочнаго и болѣе живого источника.

Общественное чувство новыхъ философовъ будетъ, безъ сомнѣнія, отягчаться постоянствомъ, такъ какъ оно связано у нихъ съ систематическими убѣжденіями; но его собственная рациональность слишкомъ ослабила бы его энергію, если бы мѣнѣе разсудочное побужденіе постоянно не оживляло его. Хотя ихъ благородная общественная служба должна вскорѣ сообщить ихъ чувствамъ дѣятельность, неизбѣжную отвлеченнымъ мыслителямъ, тѣмъ не менѣе это коллективное возбужденіе не можетъ обходиться безъ эмоцій частнаго характера. Даже то, что ихъ нравы вытекаютъ изъ сношенія съ прелатарами, не сможетъ достаточно восполнить обычные пробѣлы умерительной организаціи.

Съ другой стороны, если присущія народу страсти болѣе самородны и болѣе сильны, чѣмъ страсти философовъ, то за то онѣ вообще отягчаются меньшимъ постоянствомъ и меньшей чистотой. Ихъ активное назначеніе не позволяетъ имъ быть ни достаточно бескорыстными, ни достаточно устойчивыми. Всѣ моральныя выгоды, связанныя съ систематизаціей народнаго элемента, безъ естественной помощи болѣе мягкихъ и болѣе постоянныхъ эмоцій, не могли бы возмѣстить ущерба, наносимаго общественности эгоистическими побужденіями. Инаякая прелатаріатъ отъ необходимости формулировать свои жалобы или желанія, философы не могутъ измѣнить ихъ неизбѣжное себѣлюбіе.

Такимъ образомъ союзу, который по необходимости будетъ руководить нашимъ преобразованиемъ, недостаетъ еще достаточнаго представителя высшаго человѣческаго регулятора. Такимъ представителемъ можетъ быть только непосредственно средній ему элементъ, подобно тому, какъ философскій элементъ свойствененъ разсудку, а прелатарскій—дѣятельности. Такова основная побудительная причина необходимости присоединенія женщинъ къ преобразовательному союзу, какъ только его стремленія и потребности станутъ достаточно доступными оцѣнкѣ. Только этотъ третій элементъ позволитъ органическому движенію принять свой истинный и окончательный характеръ, такъ какъ онъ естественно обезпечитъ постоянное подчиненіе разсудка и дѣятельности всеобщей любви, и тѣмъ по возможности предохранитъ первое отъ заблужденій, второго отъ мятельнаго характера.

Такъ какъ включеніе этого элемента доставитъ позитивизму необходимое средство для завершенія всего современнаго движенія, отъ котораго женщины до сихъ поръ были слишкомъ устранными, то оно является для позитивизма неизбѣжной обязанностью.

ГЛАВА II.

Женщина и современныя идеи.

Революція могла до сихъ поръ внушать симпатію только тѣмъ, которымъ женщинамъ; коллективнаго одобренія онѣ ей пока не выражаютъ, вслѣдствіе существенно отрицательнаго характера ея первой части. Онѣ по-прежнему высоко ставятъ преимущественно средневѣковыя социальныя учрежденія. А это предпочтеніе обусловлено не только, какъ это принято думать, ихъ справедливыми сожалѣніями объ упадкѣ рыцарскихъ нравовъ. Правда, средніе вѣка являются для нихъ единственной эпохой, когда культъ женщины былъ надеждящимъ образомъ организованъ. Но болѣе интимный и менѣе корыстный мотивъ опреждаетъ, главнымъ образомъ, ихъ невольное влеченіе къ этимъ прекраснымъ воспоминаніямъ. Наиболее нравственный элементъ человечества долженъ предпочесть всякому другому единственному режиму, который прямо возмѣлъ въ привычки преобладаніе морали надъ политикой. Таковъ, сѣмью утверждать, тайный источникъ главныхъ сдвѣганій, вызываемыхъ у женщинъ безавратнымъ разложеніемъ средневѣковой социальной системы.

Отдавал должное различным частным успѣхамъ, которыми человѣчество обязано современному движению, онъ считалъ ихъ недостаточной компенсаціей общаго упадка, знаменующаго, по ихъ мнѣнію, возвратъ къ старому, когда политика имѣла перевѣсъ надъ моралью. Временная необходимость въ подобномъ положеніи вещей, соответствующемъ свѣтской диктатурѣ, вызванной несовершенствомъ католическаго духа, должна быть, въ дѣствіе, отсутствіемъ истинной исторической теоріи, плохо оцѣнена умами, почти чуждыми активной жизни. Такъ что женщинамъ совершенно неправильно приписывали, на основаніи этихъ благородныхъ стованій, ретроградныя стремленія. Онъ съ большимъ правомъ могли бы сдѣлать подобный упрекъ намъ, за наше слѣпое восхищеніе греческимъ или римскимъ строемъ, который все еще ставится гораздо выше католическо-феодалаго режима. Но долговѣчность этого заблужденія объясняется, главнымъ образомъ, негнѣнымъ образованіемъ, отъ котораго женщины, къ счастью, избавлены.

Какъ бы то ни было, эти женскія настроенія наивно выражаютъ главное условіе нашего истиннаго возрожденія, именно потребность возстановить систематическое подчиненіе политики морали, но не болѣе прямою, болѣе обширною и болѣе прочною основаніемъ, чѣмъ то основаніе, на какое оно опиралось въ средніе вѣка. Характернымъ же результатомъ подобнаго режима является культа женщины. Итакъ, вотъ какой цѣной обновляющее движеніе приобретаетъ искреннее расположеніе женщинъ! Эта программа, я думаю, можетъ казаться ретроградной только тѣмъ философамъ, которые неспособны ее выполнить.

Такимъ образомъ, женщины не отворачиваются отъ революціи, а только отъ анти-историческаго направленія, господствовавшаго въ ея первой части, когда слѣпое осужденіе среднихъ вѣковъ оскорбляло ихъ лучшія чувства. Могли-ли онѣ пріятельствовать метафизическій режимъ, который, казалось, полагалъ человеческое счастье, главнымъ образомъ, въ пользованіи политическими правами, истиннаго вѣщенія къ которымъ никакая утопія никогда ихъ не внушитъ? Но онѣ губко сочувствуютъ справедливымъ народнымъ требованіямъ, характеризующимъ главную цѣль великаго кризиса. Ихъ врожденныя желанія всегда будутъ благоприятствовать прямымъ усиліямъ философовъ и пролетаріевъ, направленнымъ къ превращенію политическихъ споровъ въ социальныя сдѣлки съ надлежащимъ перевѣсомъ обязанностей надъ правами.

Если онѣ сожалѣютъ о своемъ прежнемъ мирномъ вліяніи, то это преимущественно потому, что онѣ теперь устраняются грубымъ эгоизмомъ, который уже болѣе не смѣщается революціоннымъ энтузіазмомъ.

Итакъ, всѣ недостатки современнымъ положеніемъ вещей, въ которыхъ упрекаютъ женщинъ, способствуютъ лучшему вызванію основной необходимости разсѣять, наконецъ, нравственную и умственную анархію, которая порождаетъ всѣ главные пороки ихъ справедливыхъ обвиненій.

ГЛАВА III.

Позитивизмъ даетъ удовлетвореніе законнымъ желаніямъ женщины.

Давы женщины могли впасть прамкнуть къ революціонному движению, достаточно, чтобы оно стало стремиться прямо къ своему органическому назначенію и совершенно отказалось бы отъ первоначальнаго отрицательнаго направленія, но необходимость котораго женщины не могли понять настолько, чтобы оправдать его заблужденія. Надо, чтобы этотъ окончательный кризисъ представлялся отнюдь не какъ явленіе, неимѣющее никакой связи со средними вѣками, но, сообразно своему истинному историческому характеру, какъ призваніемъ осуществлять въ лучшихъ основаніяхъ всеобщее преобладаніе, которымъ мораль пользовалась въ то время. Однимъ словомъ, позитивизмъ долженъ внушить женщинамъ любовь къ второй части революціи, основывая наши республиканскіе нравы на рыцарскомъ чувствѣ.

Только такимъ образомъ доплатится преобразовательное движеніе, которое осталось бы незаконченнымъ безъ близкаго участія того человеческого элемента, который является наилучшимъ представителемъ основнаго принципа окончательнаго режима, а именно, преобладаніе общественнаго чувства надъ личнымъ. Одни только философы могутъ сообщать этому принципу дѣйствительно систематическое постоянство, которое предохранитъ его отъ всякихъ софистическихъ искаженій. Дѣятельное же проведеніе его можетъ быть поддержано только пролетаріями, безъ которыхъ его пріимѣніе почти всегда затруднялось бы. Но одні лишь женщины должны придать ему полную чистоту, свободную одновременно и отъ размышленія и отъ угнетенія. Въ этомъ составѣ преобразовательный союзъ явится предвѣщеніемъ будущаго нормальнаго состоянія человѣчества и живымъ типомъ нашей собственной природы.

Если бы новая философія не могла заручиться поддержкой женщинъ, она должна была бы отказаться отъ идеи всецѣло замѣнить теологію въ ея прежней социальной функціи. Но основная теорія, изложенная въ началѣ этого «Обзора», гарантируетъ пріемлемость позитивизма для женщинъ еще болѣе непосредственно, чѣмъ его цѣлесообразность для народа. Ибо его всеобщій принципъ и его методъ пониманія и разсмотрѣнія великой человѣческой проблемы суть только систематическое проведеніе идей, которыя спонтанно свойственны женщинамъ. Имъ, а также народу онъ открываетъ благородное социальное поприще и въ то же время обезпечиваетъ удовлетвореніе ихъ справедливыхъ личныхъ желаній.

Эти общія свойства въ томъ и другомъ случаѣ отнюдь не случайны, а составляютъ необходимое сдѣствіе реальности, отличающей новую философію, которая основываетъ всегда свой свободный авторитетъ на точной оцѣнкѣ того, что есть. Эмпирическія предубѣжденія не помѣшаютъ женщинамъ вскорѣ понять, что позитивизмъ удовлетворитъ лучше, чѣмъ католицизмъ, всѣ ихъ потребности, не только интеллектуальныя, но, въ особенности, моральныя и социальныя, привносящая ихъ еще къ режиму, отсталость котораго имъ видна, благодаря ихъ мудрой провидцательности.

Эти предрассудки вытекают теперь из весьма извинительного смещения здоровой философии с ее научным началом. Таким образом, сухость, в которой столь справедливо упрекают ученых, выливается в вину новым философам, ум которых должен быть вначале держаться такого же строя мыслей. Но когда установятся нормальные отношения между тремя элементами позитивного союза, несправедливость этого мифа вскоре обнаружится. Женщины признают тогда, что моральная опасность наших научных исследований зависит, главным образом, от их узкой и эмпирической специализации, отвергающей всегда социальную точку зрения. Они поймут, что эта опасность не может распространяться на овладевание с основными философскими понятиями, в значительной степени даже природными, при чем различные научные исследования составляют только необходимый ряд предварительных этапов, способствующих правильному пониманию социальных вопросов и лучше позволяющих посвящать всю нашу жизнь всеобщему совершенствованию. Такти, свойственной женщинам, позволить им не смещивать этой подготовки, всегда относящейся к единственной цели совершенствования с действительностью, всецело посвященной академическим пустякам. Впрочем, все изложенное в этом «Обзоре», вполне избавляет нас от дальнейших разъяснений по этому вопросу.

ГЛАВА IV.

Женщина не должна повелевать. Она должна влиять на мужчину любовью и советом.

В позитивном строе социальное назначение женщин непосредственно является необходимым следствием их истинной природы.

Этот пол, без сомнения, ныне нашего в отношении наиболее основного свойства человеческого рода, именно, стремления давать перевес общественному чувству над личным. В силу этого морального качества, независимого от какого-либо материального назначения, он заслуживает всегда наше ижное благоговение, как наиболее чистый и наиболее прямой тип Человечества, которое не может быть достойным образом изображено в формах мужчины. Но это естественное превосходство не дает еще женщинам того социального перевеса, о котором иногда мечтали сильные люди, хотя и без их согласия. Ибо правильный взгляд на реальную цель всего человеческого существования, составляющей их положительное преимущество, сочетается у них со столь же несомненной отсталостью во взглядах на различные средства ее достижения. Во всех видах силы, не только физической, но также умственной и волевой, женщина очевидно уступает мужчинам, соответственно нормальному закону, относящемуся вообще к миру животных. А практическая жизнь, поскольку она беспрепятственно требует упорной деятельности, по необходимости управляется не чувством, а силой. Если бы нужно

было только любить, как в расеумо христианством будущей жизни, свободной от всяких материальных потребностей, женщина царствовала бы. Но для борьбы с невзгодами нашей настоящей жизни нужно, главным образом, действовать и мыслить; поэтому мужчина должен повелевать, несмотря на то, что он стоит ниже женщины в моральном отношении. Во всяком большом предприятии успех зависит больше от энергии и таланта, чем от усердия, хотя последнее условие сильно влияет на два первых.

Таков естественный недостаток общей гармонии между тремя частями нашей моральной организации, обрекающей женщин умбрать посредством любви царство сил. Вирное чувство своего аффективного превосходства, обыкновенно, внушает им желание господствовать, которое поверхностная критика слишком часто приписывает эгоистическим наклонностям. Но опыт показывает нам, что в мир, где необходимы блага редки и трудно достижимы, власть по необходимости принадлежит больше сильному, а не более любящему, хотя последний больше достоин ею обладать.

Этот вечный спор приводит только к постоянному ограничению перевеса мужчин. Мужчина тем более идет на уступки—независимо от всякой чувственности,—что в глубинах души он сознает естественное превосходство женщины касательно главного атрибута Человечества. Он сознает, что его собственная власть обусловлена, главным образом, требованиями нашего положения, налагающего на нас всегда трудную работу, в которых эгоизм проявляется сильнее чувства общности. Поэтому-то во всех человеческих обществах публичная жизнь принадлежит мужчинам, а жизнь женщин ограничена преимущественно домашним кругом. Цивилизация отнюдь не уничтожает этого естественного различия, но беспрестанно его развивает, совершенствуя его, как я это ниже укажу.

Отсюда вытекает основное сходство в условиях социальной жизни женщин, философов и пролетариев. Здесь мы также находим объяснение тесной солидарности между тремя необходимыми элементами умбратящей власти.

Относительно философов аналогия основана на том, что то же роковое обстоятельство, которое мншает женщинам перевесовать в силу их аффективного превосходства, лишает мыслителей еще в большей степени власти, которая, по их мнбию, должна им принадлежать вследствие их теоретического превосходства. Если бы наши материальные потребности были легче удовлетворимы, практическое преобладание менее прилетственовало бы интеллектуальному могуществу. Но в этом случае перевеса больше подоало бы железному элементу. Ибо наш разумок развивается, главным образом, для того, чтобы осмбщать деятельность,—его собственный порыв в весьма незначительной степени вымывается строением нашего мозга. Одна только любовь сохранила бы тогда свою неизмбнную спонтанность.

Таким образом, власть над реальным миром еще менее принадлежит мыслящим существам, чем любящим, хотя высокообразованные ученые не столь безроково, как тишасные женщины. Вопреки ее приравливания, интеллектуальная сила, в сущности, не больше нравственная, чем сила материальная. Он обб составляют только средство, моральность которого зависит от его употребления. В нашей природе непосредственно нравственным является лишь любовь, которая одна только и

стремится дать перевес общественному чувству над личным. Если же любовь не может господствовать, на каком основании стала бы царствовать разум?

Всякое практическое первенство принадлежит деятельности. Таким образом, роль разума, еще более чьей чувства, сводится к видоизменению реальной жизни. Вот почему философский элемент устраняется от участия во власти управляющей, по крайней мере, настолько же, насколько и женский элемент. В тщетной борьбе за господство уму всегда удается только видоизменить. Невозможность главенствовать становится даже косвенным источником его нравственности, которая развилась бы если бы осуществилось его господство. Он может значительно улучшить естественный порядок, но при условии всегда относиться к нему с уважением. Благодаря своей способности к систематизации, он связывает между собой все социальные элементы, которым свойственно благотворно видоизменять материальное преобладание. Таким образом, женское влияние, как среднее звено это показали, является необходимым союзником для всякой духовной власти.

Естественная же солидарность этого влияния с народным элементом будет охарактеризована в конце этого социологического анализа моральной могущества. Управляющая сила, будучи сначала чисто аффективной, становится затем рациональной, когда к ней присоединяется разум. Чтобы стать активной, ей остается только соединиться с естественно тяготеющей к ней пролетарской массой. А это неизбежное дополнение обусловлено тем, что народ, хотя и образует необходимое основание практической власти, так же, как и два других элемента, не участвует в управлении государством.

Сила, в собственном смысле слова, — та сила, которая управляет действиями, но не регулирует волю, вытекает из двух весьма различных источников: массы и богатства. Хотя первый считается более материальным, чем второй, на самом деле он вносит больше нравственного элемента, так как, вытекающая из участия многих, она предполагает изысканную солидарность чувств и мыслей, менее совместимую с преобладанием агонизма, чем непосредственная власть богатства. Но даже с этой стороны его влияние слишком косвенно и слишком непостоянно, чтобы оно мог всегда первенствовать. Этот элемент устраняется от участия в государственном управлении и сводится к моральному влиянию силой материальной необходимости, создающей такое же социальное положение для женщин и для философов.

Основное преобладание физических потребностей обуславливает непосредственное влияние богатства, поскольку оно доставляет средства для их удовлетворения. Ибо богатые суть естественные хранители материалов, выработанных каждым поколением для облегчения существования и приготовления работы следующего поколения. Таким образом, в руках каждого богача сама собою сосредоточивается практическая власть, которую масса может превозмочь только в исключительных случаях. Эта необходимость обвурживается даже среди воинственных народов, где численное влияние, хотя более прямое, имеет преобладающее значение только относительно способа приобретения. Но промышленное состояние, при котором население перестает быть обычным источником богатства, делает особенно ощутительным этот социальный закон.

Однако не уменьшаясь под давлением успехов просвещения, его естественное влияние по необходимости увеличивается по мере того, как постоянное возрастание капиталов увеличивает средства, позволяющие существовать лицам, не обладающим никаким имуществом. Именно в этом смысле останется всегда истинным безразличное положение древности: *Paucis nascitur humanitas*.

Итак, лишенная политической силы, пролетарская масса становится у современных народов все более и более необходимым элементом моральной силы, как это было разъяснено в третьей части настоящего «Сбора». Этика этой массы, еще более косвенная, чем этика философского элемента, еще более подчинена практическим соображениям. Когда управление государством случайно оказывается в руках народной массы, тогда богатство, благодаря своей способности умирять власть, становится уже пассивной, приобретает, вопреки своей природе, некоторый нравственный характер.

Выше мы признали, что главные качества сердца и ума, свойственные современным пролетариям, вытекают преимущественно из их социального положения. Они значительно изменились бы к худшему, если бы практической авторитет, присущий богатству, перешел навсегда к массе.

ГЛАВА V.

Комбинированное действие женщин, философов и пролетариев составляет моральную силу.

Такова кратко позитивная теория моральной силы, призванной умирять самопроизвольное царство материальной силы путем необходимого совместного действия трех социальных элементов, не принимающих участия в государственном управлении, в собственном смысле слова. Это основное сочетание составляет наше главное средство для решения, насколько это возможно, великой человеческой проблемы, именно, для установления постоянного преобладания общественной жизни над личной.

Каждый из трех естественных элементов управляющей власти сообщает ей необходимые качества. При отсутствии первого ей не доставало бы чистоты и самобытности; при отсутствии второго — постоянства и мудрости, при отсутствии третьего — энергии и деятельности.

Хотя философский элемент не является ни наиболее прямым, ни наиболее действительным, тем не менее, именно он представляет эту силу, потому что только он систематизирует ее организацию и разъясняет способы ее осуществления, особенно истинным законам социального существования. И именно как систематическому носителю управляющей силы, духовная сила дала ему свое собственное имя. Но подобное наименование может породить ложную идею о природе силм гораю

божьей моральной, чѣмъ интеллектуальной. Уважая драгоценную историческую традицію, позитивизмъ, однако, исправилъ этотъ обычай, установившійся во времена, нужная великой социальной теоріи, и въ эпоху, когда разумъ считался центромъ человеческого единства. Поэтому въ позитивномъ стрѣбѣ женщины составляютъ домашній источникъ умѣряющей власти, систематическимъ органомъ, которой становятся философы, а политической гарантіей—продетаріи. Хотя учрежденіе этого основнаго сочетанія принадлежитъ рациональному элементу, не слѣдуетъ никогда забывать, что это собственное участіе менѣе непосредственно, чѣмъ участіе элемента аффективнаго, и менѣе значительно, чѣмъ таковое активнаго элемента. Его социальное вліяніе возможно лишь при условіи, когда оный опирается на женское чувство и на народную энергію. Такимъ образомъ, необходимость приобщить теперь женщинъ къ великому преобразовательному движению не только не создаетъ никакой помѣхи для философовъ, долженствующей имъ руководить, но, напротивъ, доставляетъ ей могущественное средство, обнаруживая истинную организационную моральную силу, призванную регулировать осуществленіе великой другой человеческой власти. Это явится первымъ шагомъ къ нормальному будущему, поскольку это позволяетъ вышнее переходное состояніе, такъ какъ преобразовательный импульсъ вытекаетъ изъ того же основнаго совместнаго дѣйствія, которое, будучи лучше развито и болѣе упорядочено, является затѣмъ главной характерной чертой конечнаго режима. Такъ что это окончательное состояніе человечества оказывается вполне согласнымъ съ нашей собственной природой, въ которой чувство, разумъ и дѣятельность, какъ каждый въ отдѣльности, такъ и всѣ вмѣстѣ, точно соответствуютъ тремъ необходимымъ элементамъ преобразовательнаго союза: женскому, философскому и народному.

Всѣ социальные эпохи позволяютъ, болѣе или менѣе ясно, пробрѣсть эту теорію, три стороны которой опредѣляются всегда одной и той же основной необходимостью, относящейся къ биологическому закону, по которому животныя функціи подчинены въ организмѣ функціямъ питанія. Но въ социологіи особенно примѣнимъ указанный во второй части этого «Обзора» общій принципъ (прогрессъ есть развитіе порядка), позволяющую связывать каждое динамическое умозрѣніе съ соответствующимъ статическимъ понятіемъ. Ибо человеческая эволюція всегда увеличиваетъ умѣряющее вліяніе моральной силы, либо путемъ особаго развитія ея трехъ элементовъ, либо умѣряя ихъ совместное дѣйствіе. Прекрасное историческое наблюденіе Робертсона надъ постепеннымъ улучшеніемъ судьбы женщинъ является только частнымъ случаемъ этого социологическаго закона. Всѣ эти усѣхи имѣютъ общій началомъ биологическій законъ, по которому преобладаніе растительной жизни надъ животной уменьшается по мѣрѣ того, какъ организмъ растетъ и развивается.

Въ различныхъ формахъ древняго политическаго строя умѣряющая сила сводилась всегда къ домашнему вліянію женскаго элемента безъ великой общественной помощи со стороны интеллектуальной силы, которая была еще неизмѣнно связана съ матеріальнымъ могуществомъ, сперва какъ источникъ его, затѣмъ какъ его орудіе. Въ средніе вѣка западный католицизмъ сдѣлалъ первую попытку привести къ систему моральную силу, подчинивъ практической порядку, независимому духовному авторитету, обмысленно опирающемуся на помощь женщинъ.

Я указалъ уже въ третьей части настоящаго произведенія, что одна только современная эволюція позволяла дополнить организационную умѣряющей силы включеніемъ въ ея составъ наиболее энергичнаго ея элемента, такъ какъ только теперь началось организованное выступленіе на социальной аренѣ нашихъ продетаріевъ. Моральная сила, носившая сначала чисто аффективный характеръ и ставшая затѣмъ рациональной, можетъ нынѣ стать активной, не теряя своего основнаго характера, ибо она по-прежнему слагается изъ вліяній, лежащихъ внѣ политическаго порядка въ собственномъ смыслѣ слова. Всѣ эти силы убѣждаютъ, совѣтуютъ, судятъ, но, за исключеніемъ крайне рѣдкихъ случаевъ, ни одна изъ нихъ никогда не посылается. Поэтому социальная миссія позитивизма состоитъ, главнымъ образомъ, въ систематизаціи самопроизвольнаго сочетанія трехъ необходимыхъ элементовъ, разнѣвая специальное назначеніе каждого изъ нихъ.

Вопреки нынѣшнимъ предубѣжденіямъ, новая философія въ состояніи выполнить всѣ условія этого необходимаго общественнаго служенія. Эта способность позитивизма достаточно установлена въ предыдущихъ частяхъ этого «Обзора» относительно элемента философскаго и элемента народнаго, какъ извѣрованныхъ, такъ и соединенныхъ между собою. Мнѣ остается охарактеризовать ее здѣсь прямо касательно женскаго элемента.

Это разъясненіе само собою вытекаетъ изъ аффективнаго принципа, поставленнаго въ началѣ настоящей книги, какъ всеобщее основаніе позитивизма. Основываясь на здравую философію на систематическомъ преобладаніи сердца, тѣмъ самымъ создается почва для участія женщинъ въ новой духовной власти, въ качествѣ существенной ея части. Католическій духъ могъ видѣть въ нихъ только драгоценную вспомогательную силу, ибо ея прямой источникъ не зависѣлъ отъ ихъ содѣйствія. Позитивный же духъ оцѣниваетъ ихъ, какъ необходимый элементъ, такъ какъ въ нихъ наиболее естественнымъ и наиболее чистымъ образомъ выраженъ его основній принципъ. Помимо ихъ домашняго вліянія, позитивизмъ преимущественно ожидаетъ отъ нихъ приведенія двухъ другихъ элементовъ къ тому общему единству, отъ котораго каждый изъ послѣднихъ зачастую располагаетъ уклоняться и которое первоначально создано было женщинами.

Какъ бы сильно ни дѣйствовали на истинныхъ философовъ доказательства, устанавливающія логическое и научное преобладаніе социальной точки зрѣнія, которая приводитъ затѣмъ къ систематическому перенесенію сердца надъ разумомъ, это косвенное убѣжденіе не можетъ сдѣлать для нихъ извѣстнымъ прямое воздѣйствіе всеобщей любви. Они сами прекрасно знаютъ, какъ неважно практическое значеніе чисто интеллектуальныхъ вліяній, и потому, въ интересахъ ихъ собственной миссіи, они никогда не будутъ уклоняться отъ этой пріятной необходимости. Смыслъ думать, что я это надлежачимъ образомъ поясню, когда я писалъ 11 марта 1846 года той, которая, несмотря на ея смерть, навсегда останется моею неизмѣнной подругой¹⁾, слѣдующія слова: «Чтобы стать истиннымъ философомъ, мнѣ въ особенности необходимо страсти, одновременно глубокой и чистой, которая дастъ бы мнѣ возможность достаточно оцѣнить аффективную сторону человечества».

¹⁾ Къ тѣлѣ до Вѣ.

Подобныя эмоціи оказываютъ параллельное философское воздѣіе, поднимая тотчасъ умъ на нетипичную точку зрѣнія, куда научный путь можетъ быть проложенъ лишь посредствомъ долгой и трудной разработки, ослабляющей его первоначальный пылъ и мѣшающей ему поэтому дѣлательно исследовать новыя свѣдѣнія установленнаго такимъ образомъ принципа.

Итакъ, непосредственный сердечный порывъ, вызываемый женскимъ вліаніемъ, не только необходимъ для социальнаго значенія философіи, которая никогда не могла бы стать народной, если бы для ея усвоенія требовалась научная подготовка, подобная той, какая была необходима для ея первоначальнаго образованія. Постоянное женское вліаніе необходимо также для ея систематическихъ выразителей, дабы сдерживать ихъ естественное стремленіе къ отдаленнымъ умозрѣніямъ, выражающимся въ праздныя уживанія, которыми всегда гораздо легче заниматься, чѣмъ здравыми изслѣдованіями.

ГЛАВА VI.

Позитивизмъ и католицизмъ. Новая духовная власть будетъ превосходить старую.

Чтобы понять въ этомъ отношеніи превосходство новаго спиритуализма, было бы достаточно принять во вниманіе, что старый былъ совершенно лишень спонтаннаго женскаго импульса, свѣдѣніе неизбѣжнаго для католической системы безбрачія духовенства. Ибо женское вліаніе могло, такимъ образомъ, сказываться только въ духовной корпораціи, не совершенствуя прямо ея собственныхъ членовъ, какъ ѳидка сатра Аріоста это справедливо отмѣчала. Незаконныя же связи духовенства, за исключеніемъ крайне рѣдкихъ случаевъ, могли имѣть не нравственное значеніе, а скорѣе развращающее, такъ какъ вступавшія въ эти связи духовныя лица вынужденны были постоянно лицедрить.

Но прямое сравненіе основнаго характера двухъ духовныхъ направленій показываетъ еще лучше, насколько новое будетъ болѣе способно, чѣмъ старое, надлежащимъ образомъ развивать во всѣхъ случаяхъ моральное вліаніе женщинъ.

Въ самомъ дѣлѣ, аффективный принципъ позитивизма по необходимости социаленъ, между тѣмъ какъ аналогичный принципъ католицизма могъ быть только существенно личнымъ. Каждый вѣрующій католикъ преслѣдовалъ всегда чисто индивидуальную цѣль, которая такъ завладала имъ, что заглушала всякое не относившееся къ ней чувство. Правда, мудрость духовенства, достойная выразительница народнаго инстинкта, ставила исполненіе главныхъ социальныхъ обязанностей необходимымъ условіемъ личнаго спасенія. Но это косвенное побужденіе хотя и давало возможность нашимъ лучшимъ чувствамъ правильно проявляться, но значительно портило ихъ безкорыстіе и даже ихъ чистоту. Безконечное возданіе, обыкновенное за всѣ жертвы, не могло создать почвы для вновь безкорыстнаго чувства, ибо для

этого потребовалось бы невозможное и даже святотатственное отреченіе отъ надежды на будущее, личный характеръ котораго по необходимости осекверняетъ всякую бескорыстную преданность.

Этотъ строй мысли породилъ нестойкую моральную теорію, ставшую столь опасной въ рукахъ метафизиковъ, которые сохранили ея ложный принципъ, свѣди на нѣтъ ея теологическія коррективы. Отбывая любовь къ Богу даже въ ея наиболее совершенной и чистой формѣ, приходится признать, что это чувство могло быть социальнымъ только косвенно, въ виду тождества цѣли, указанной такимъ образомъ всѣмъ сердцамъ. Но въ основѣ ея собственнаго характера былъ настолько эгоистиченъ, что она требовала, какъ тинъ совершенства, полнаго пожертвованія всякой другой привязанности. Эта тенденція очень легко замѣчается у наиболее выдающихся выразителей христіанскаго духа и чувства. Она въ особенности обнаруживается въ чудномъ поэтическомъ произведеніи ¹⁾ того монаха, столь же изъясненнаго, сколь и возвышеннаго, который наудачнымъ образомъ изобразилъ католическій идеаль. Размышляя ежедневно объ этомъ произведеніи, не имѣющемъ себѣ равнаго и столь достойнаго быть украшеніемъ нашихъ всакихъ Коринтевъ, я часто чувствовалъ, какъ подобный строй мысли изуродовалъ естественное благородство сердца, которое, несмотря на всѣ помѣхи, доступно иногда наиболее чистой порыву. Повидимому, наши вновь безкорыстныя чувства врождены намъ гораздо глубже, чѣмъ это обыкновенно думаютъ, такъ какъ они не переставали развиваться, несмотря на господство въ теченіи двѣнадцати вѣковъ такого угнетающаго воспитанія.

ГЛАВА VII.

Позитивизмъ разсматриваетъ сердце и умъ, какъ два взаимно другъ другу помогающихъ элемента.

Позитивный строй мысли, въ виду своего полнаго соответствованія съ нашей природой, одинъ только можетъ поощрять прямой польземъ—одновременно частный и общественный—этого поразительнаго атрибута челоѳчества, остававагшаго до сихъ поръ въ зачаточномъ состояніи, за недостаткомъ надлежащаго систематическаго воспитанія. Католическое поощреніе дѣятельности сердца было въ основѣ враждебно уму, который, въ свою очередь, по необходимости старался освободиться отъ гнета чувства. Напротивъ, позитивная дисциплина естественнымъ образомъ устанавливаетъ наиболее полную и наиболее дѣятельную гармонію между чувствомъ и разсудкомъ.

Въ позитивамъ размысленіе стремится всегда укрѣплять чувство общественности, дѣлая привычной реальную связь каждого со всеми. Такъ какъ нашъ умъ

¹⁾ Подражаніе Іасусу Христу.

не может сохранять впечатления, не введенный в систему, то отсутствие социальной теории мешает ему точно оценивать эту обычную солидарность, которая обнаруживается ему только в исключительных случаях. Но позитивное образование, в котором всегда господствует социальная точка зрения, естественным образом схватывает такую ошибку чрезвычайно легкой, потому что всякая форма нашего реального существования, как индивидуального, так и коллективного, постоянно связывается с этими явлениями.

Только теологическое или метафизическое неясное мировоззрение может давать и принимать безразличные разъяснения, в которых человеку часто приписывается то, что в действительности относится к человечеству. Когда здравая теория позволяет ясно увидеть то, что в действительности есть, каждому останется только присматриваться к своей собственной физической, интеллектуальной или моральной жизни, для того, чтобы всегда понимать свои обязанности относительно всех своих предшественников и современников. Тот, кто стал бы себя считать независимым от других и в своих чувствах, мыслях или поступках, не мог бы даже выразить подобного богоугодства, не впадая точчас же в прямое противоречие, так как его речь не ему принадлежат. Величайший ум не в состоянии самостоятельно создать простейший язык, ибо последний всегда требует народного сотрудничества многих поколений.

После всего сказанного, я думаю, было бы излишне больше останавливаться на характеристике очевидного стремления истинного позитивного духа систематически развивать чувство общности, постоянно напоминая нам, что одно только истинное реально, так как части могут иметь лишь абстрактное существование.

Понимая этого неизменного благотворного воздействия ума на сердце, окончательное состояние Человечества должно доставить нашим наилучшим чувствам более чистых, более правых и более активных средств для развития, чем какое-либо из предшествующих режимов. Именно таким образом благожелательные чувства могут, наконец, освободиться от великого личного расчета. Они будут стремиться первенствовать, — поскольку это позволяет наша несовершенная природа, — так как они более способны удовлетворить нас и более доступны развитию, чем все другие. Сердца, чуждые теологических страхов и надежд, они только могут вновь воспринять истинное человеческое счастье, чистую и бескорыстную любовь, в чем действительно и заключается высшее благо, которое напрасно искали различные старая философия. Его естественное преимущество достаточно характеризуется неподобным наблюдением, которое может подтвердить всякая чувствительная душа: любить еще лучше, чем быть любимым.

Хотя эта мысль может в настоящее время показаться экзальтированной, она, однако, прямо соответствует истинной природе нашей души, всегда более переносимой в активном состоянии, чем в пассивном. Счастье быть любимым никогда не может быть лишено от эгоистического элемента: как можем мы не гордиться привязанностью человека, которого мы предпочитаем всем другим? Если же любви мы бываем лучше удовлетворены, то это показывает естественное превосходство вполне бескорыстных привязанностей. Наш основной недостаток заключается, главным образом, в том, что эти последние впадают

нам значительно слабее эгоистических наклонностей, необходимых для нашего сохранения. Но коль скоро они возбуждены, хотя бы даже по мотивам, выходящим первоначально личный характер, они стремятся развиваться, в силу присущей им приятности. Сверх того, окружающие нас люди создают для них благоприятную почву, между тем как они по необходимости подают нам эгоистическая возбуждения.

Отсюда понятно каким образом позитивная философия, без всякого напряжения, сможет систематизировать эти естественные стремления, дабы сообщить нашим симпатическим инстинктам такую постоянную деятельность, какой они до сих пор не могли проявлять. Как только наше сердце избавится от гнета теологов и от сухости метафизиков, оно легко поймет, что реальное благополучие, как частное, так и общественное, состоит, главным образом, в возможно большем развитии чувства общности и в удовлетворении личных желаний лишь постольку, поскольку это необходимо в виду наших неизбежных слабостей. Такого-то путем позитивная оказывается пригодным для всех существ и для всех состояний. В незначительнейших, как и в важнейших отношениях, образованное человечество будет вскорь проводить на практике это очевидное правило: давать лучше, чем получать.

Это постоянное возбуждение сердца, в свою очередь, окажет на ум благотворное влияние, которое будет специально исходить от женщины. И уже об этом достаточно говорил и могу здесь не вдаваться в подробные объяснения; скажу только, что лишь из чувства и почерпнуть истинный принцип всякой позитивной систематизации, даже систематизации мысли. Единственное замечание, которое я должен теперь добавить к предыдущим основным соображениям, касается поразительной способности этого направления легко преодолевать величайшие философия затруднения. Вызвав к сердцу, можно немедленно внушить ему научный образ мысли, пригодность которого он долго отрицал бы, если бы он открыл его только путем разсуждения. Попробуйте, например, доказать чистому геометру, хотя бы выдающемуся и добросовестному, логическое и научное превосходство социальных умозрений над всеми другими реальными размышлениями, — и вам удастся его убедить в этом лишь после долгих усилий, когда он, так сказать, исчерпает все свои индуктивные и дедуктивные аргументы. Напротив, чувство прямо подсказывает пролетарию или женщине, не получившим никакого образования, истинность этого великого энциклопедического принципа, который они тотчас и будут принимать в различных практических случаях. И только таким путем высшая социальная позитивная могут действительно стать преобладающими и именно таким образом можно заставить всех приобретать познания, необходимые для их социального значения.

Симпатический инстинкт еще более способен деятельно вызывать социальное чувства, чем подвергаться их справедливому влиянию. Поэтому, когда позитивное образование станет господствующим, наличием моральных условий будет частую считаться гарантией настоящей интеллектуальной способности. Революционная мудрость Конвента как-будто предчувствовала возможность подобной солидарности, сближаясь иногда ставить республиканские чувства выше научных заслуг. Хотя

на практикѣ подобное направлѣніе скорѣе теряетъ реальную почву и, пока всѣобщая мораль не систематизирована, становится даже вреднымъ, тѣмъ не менѣе упрекъ въ ретроградности болѣе заслуживаетъ вышній обычай, который не оставляетъ мѣста сердцу въ профессиональныхъ гарантияхъ, единственно определяемыхъ теперь умомъ. Но эти заблужденія исторически объясняются угнетающимъ характеромъ тѣхъ вѣрованій, которыя одни только могли до сихъ поръ непосредственно руководить воспитаніемъ чувства.

Рокковая вражда, продолжающаяся съ конца среднихъ вѣковъ между умомъ и сердцемъ, можетъ прекратиться только при возобладаніи позитивнаго духа; никакой другой способъ мышления не въ состояніи надлежащимъ образомъ подчинить разсудокъ чувству, не вредя въ то же время собственному развитію каждаго изъ нихъ, какъ я это установилъ въ началѣ настоящаго «Обзора». Вышшее первенство ума приводитъ только къ безпорядку. Онъ можетъ стать дѣйствительно органическимъ лишь тогда, когда отречется отъ своего главенства въ пользу сердца. Но это отреченіе можетъ быть дѣйствительнымъ только при условіи, что оно совершится вполне свободно. А такой результатъ можетъ дать только позитивизмъ, ибо онъ основывается на томъ же принципѣ, на который разсудокъ опирается въ своихъ притязаніяхъ, именно на реальномъ доказательствѣ, отъ котораго духъ не можетъ отказаться, не признавъ себя единичнымъ. Всякое другое теологическое или метафизическое средство по необходимости увеличало бы зло, немедленно вызывая разсудокъ на новый бунтъ противъ чувства.

ГЛАВА VIII.

Тяготѣніе женщины къ позитивизму.

Женщины, будучи лучшими чѣмъ мы судимъ въ дѣлѣ морали, поймутъ, что аффективное превосходство позитивизма надъ всеми другими философіями, еще определеннѣе, чѣмъ его отнынѣ бесспорнаго умозрительнаго преимущества. Онъ быстро придутъ къ этому заключенію, когда онъ переставутъ смѣшивать новую философію съ ея научнымъ введеніемъ.

Хотя ихъ умъ еще менѣе нашего способенъ къ саншмомъ общимъ индукціямъ и къ весьма удивительнымъ дедукціямъ, однимъ словомъ, ко всякимъ усиленнымъ абстрактнаго мышленія, онъ, однако, обыкновенно лучше склоненъ понимать сочетаніе реальности съ полезностью, характеризующее позитивизмъ. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ выше пролетаріата, имѣя къ тому же то общее преимущество, что онъ чуждъ нашему современному бессмысленному образованію. Онъ еще болѣе чѣмъ народъ находится въ нормальномъ состояніи, чрезвычайно благоприятномъ для самопроявленія и правящаго развитія созерцательной жизни, исцѣленіе ихъ обычной отчужденности отъ практической дѣятельности. Такимъ образомъ, ихъ умъ естественнымъ образомъ оказывается расположеннымъ къ здравой философіи, требующей без-

корыстнаго и неравнодушнаго вниманія. Ихъ умственное родство съ истинными философіями, въ сущности, гораздо тѣснѣе, чѣмъ близость послѣднихъ съ учеными въ собственномъ смыслѣ слова, такъ какъ онѣ одобряютъ не только позитивизмъ, но и общность, ученые же дѣляютъ только грубую позитивизмъ. Поразительная рациональная формула Мольера, которую я выше приписывалъ къ пролетаріатамъ, была назначена авторомъ, именно, для женщинъ. Поэтому-то уже первая систематическая разработка новой философіи, начавшаяся благодаря могущественному вліянію Декарта, призывала къ себѣ женскій умъ. Это основное тяготѣніе яро обнурилось, когда позитивный синтезъ не могъ еще позволить себѣ высока развиваться еще болѣе, когда умозрѣніи. Возможно-ли, чтобы оно не продолжало развиваться еще болѣе, когда позитивизмъ, достигшии, наконецъ, полноты, поставилъ себѣ главной задачей то, что можетъ служить наиболее достойнымъ предметомъ размышленія для обоихъ половъ?

Итакъ, новая философія можетъ считаться какъ женскій умъ, такъ и народный разсудокъ своими естественными вспомогательными элементами, безъ которыхъ она никогда не смогла бы преодолѣть глубокія преубѣжденія нашихъ образованныхъ классовъ, въ особенности во Франціи, гдѣ, однако, должно совершиться ея окончательное развитіе.

ГЛАВА IX.

Католицизмъ считилъ любовь въ ущербъ нѣжности.

Нужно замѣтить, что необходимая помощь женщинъ будетъ зависеть болѣе отъ моральныхъ симпатій, чѣмъ отъ интеллектуальнаго тяготѣнія, какъ только женщины непосредственно оцѣнятъ позитивизмъ и убѣдятся въ его аффективномъ превосходствѣ надъ средневековымъ католицизмомъ. Сердце тотчасъ направитъ ихъ къ единственной философіи, которая надлежащимъ образомъ систематизируетъ всеобщее преобладающее чувство. Никакой строй мыслей не покажется имъ болѣе привлекательнымъ, чѣмъ тотъ, который представляетъ ихъ какъ естественное единство и единство истинно-основного принципа человѣческаго единства, поставленнаго, такимъ образомъ, подъ ихъ особое пооченіе. Если онѣ теперь какъ-будто сожалѣютъ о прошломъ, то это исключительно потому, что онѣ нигдѣ не находятъ справедливого удовлетворенія своимъ драгоценнымъ социальнымъ инстинктамъ.

Общій характеръ католическаго режима, въ сущности, еще менѣе соответствуетъ женскому чувству, чѣмъ мужскому разсудку, ибо онъ оскорбляетъ преобладающее свойство женскаго сердца. Въ мнимои моральномъ совершенствѣ христіанства всегда смѣшивалась нѣжность съ непорочностью. Правда, любовь не можетъ быть глубокой, если она не чиста. Но, именно, въ этомъ единственномъ отношеніи католической строй благоприятствовалъ развитію истинной страсти, между тѣмъ какъ позитивизмъ, главнымъ образомъ, поощрялъ чувственные желанія. Христіанство,

кроме того, неопровержимо доказано, что нравственная чистота, даже доведенная до фанатизма, может существовать без всякой иждивности. Таково теперь главное значение католицизма для женщин, с тех пор как рыцарский дух не считает больше христианской суровости.

Политический режим, в сущности, больше благоприятствовал иждивности, хотя она здесь не отождествлялась с чистотой. Католическая систематизация чувств имела центром совершенно эгоистическую приваляность, которая в особенности оскорбляла лучшую наклонность женского сердца. Помимо того, что любовь к Богу толкала каждого к монашескому уединению, ее преобладание прямо препятствовала взаимной иждивности. Вынужденный любить свою даму через посредство своего Бога, рыцарь не мог, без святотатственного противоречия, следовать лучшим внушениям своего сердца, всегда подавляемым подобным посредничеством.

Итак, будучи отнюдь не заинтересованы в убоиженности старого режима, женщины вскоре почувствуют особое побуждение содействовать его безвозвратному упразднению, но имя главных собственных их чувств. Это неизбежное стремление обнаружится, когда моральные условия, естественным образом, отданными на их справедливое попечение, не будут больше осквернены чисто материальным социализмом. Позитивизм-же в полной мере доставляет их сердцу, еще лучше чем их уму, эту необходимую гарантию. Глубоко зная нашу истинную природу, он один только может надлежащим образом сочетать наивную иждивность полноты с драгоценной непорочностью католицизма, не опасаясь различных софистических смутных представлений, которыми отличается современная анархия. Подчиня друг другу эти два основных качества женского сердца, позитивизм, не колеблясь, поставит иждивность выше непорочности, как ближе стоящую к общей цели человеческого совершенствования, т.-е. к преобладанию социального чувства над личным. Женщина, лишенная иждивности — еще более уродливое социальное явление, чем мужчина, лишенный мужества. Сверх того, значительная умственная способность и даже избыток энергии у женщин могли бы принести ей и окружающим ее только вред или, по крайней мере, если эти способности не будут заглушены богословской дисциплиной. Ее характер внушал бы ей лишь возмущение против всякой реальной власти, и ее ум занимался бы только придумыванием разрушительных софизмов, как в нашем анархическом состоянии это зачастую обнаруживается.

ГЛАВА X.

Влияние женщин на пролетариев и философов.

Итак, согласно изложенной выше теории, позитивизм дает женщинам благородное социальное назначение, одновременно общественное и частное; вопли соответствующее их истинной природе. Не оставляя семью, они должны свободно

участвовать в умиротворяющей власти вместе с пролетариями и философами, отказываясь, еще решительнее чем они, от всякой руководящей роли даже в домашних быту. Он, один только, является естественными жрицами Человечества, как об этом подробнее будет указано в конце этого «Обзора». Их функция состоит, главным образом, в непосредственном культивировании аффективного начала человеческого единства, наиболее чистое олицетворение которого он собою представляет.

На этом поприще он должны оказать общественное влияние на все классы, создавая всегда почву для преобладания чувства над разумом и над деятельностью. И уже достаточно указать, каким образом он воздействует на философов, которые, — если только не захотят быть недостойными своей миссии, — почувствуют личную потребность все чаще подкреплять свою душу у этого самопроизвольного источника истинной общечеловечности, дабы лучше бороться с присущими им сухостью и разлагательством. Чувство, когда оно чисто и глубоко, само исправляет свои естественные злоупотребления, ибо оно по необходимости предит неизменно преследуемую им благу. Напротив, заблуждения разума и неправильные поступки могут быть указаны и, в особенности, исправлены только любовью, которая одна только непосредственно от них страдает. Отсюда вытекает естественная и непрерывная обязанность женского элемента много предостерегать два других элемента умиротворяющей власти, дабы привести их к основному принципу, находящемуся под специальной охраной женщин, исправляя у каждого из них свои естественные ему недостатки.

Что касается пролетариев, то это женское влияние, главным образом, назначено для борьбы с их природным стремлением злоупотреблять присущей им энергией, дабы получить путем насилия то, чего они должны были бы добиваться путем свободного соглашения. Не взирая на трудности подобной миссии, женщины здесь испытывают меньше препятствий, чем им предстоит при исправлении у философов злоупотребление разума. До сих пор было мало примеров, чтобы философы под женским влиянием отказались аргументировать, когда нужно чувствовали. Напротив, хотя женское влияние еще несколько не систематизировано, оно часто исправляет у народа злоупотребление энергией. Это различие, без сомнения, обусловлено отсутствием в настоящее время истинных философов, ибо таковыми нельзя назвать жалких софистов, риториков, психологов или идеологов, неспособных ни на какое реальное мышление. Но, кроме того, оно в особенности зависит от преобладающей черты характера каждого класса. Высокий уровень бедноты всегда будет менее успешно направляться женским влиянием, чем народное население; ибо пролетарий сильнее философа проявляет аффективным началом, прямое обращение к которому составляет единственное оружие женщин. Садим представлять им гораздо больше препятствий, чем страсть. Женское влияние, надлежащим образом комбинируемое с народным инстинктом, действительно составляет нашу главную гарантию против громадных социальных волнений, которая, кажется, должно вызвать нынешнее анархическое состояние умов. Хотя разум и не в состоянии исправить пагубные софизмы, сердце умлет

наше предохранять от обуславливаемых или безорядков. Поразительная неслышательность, с которой и выше поздравлял наших коммунистов, служить в этом отношении решающим доказательством. Такие образцы, среди теологических заблуждений, невольно стремящихся разрушить или парализовать общество, многие протестарии постоянно выказывают. Важное благоговие к женщинам, не наблюдаемое в той же степени ни у одного из современных классов. Важно остановиться на этих радостных примерах, не только для того, чтобы отдать справедливость мало пбнимой половой роли человеческого, но, в особенности, дабы, в виду этих спонтанных проявлений анархического состояния, уразуметь важныя моральныя средства, которыя намъ обществу нормальное будущее. Наставления педагоговъ, конечно, не имбли никакого влияния на этот драгоценный результат; напротив, они скорбе мшшают его осуществленію, укрывая своими бессмысленными опровержениями тѣ самыя заблужденія, на которыя они же нападаютъ. Мы этимъ всецѣло обязаны народному чувству, надеждимъ образомъ возбужденному естественнымъ влияніемъ женщинъ. Протестантскіе народы, у которыхъ это влияние менѣе сильно, теперь болѣе страдаютъ практически отъ метафизическаго коммунизма. Женщинамъ же мы въ особенности обязаны тѣмъ, что организациа человѣческой семьи испытываетъ теперь незначительныя удары, несмотря на глубоко ретроградный республиканизмъ, выдвигающій практикованшесся у нѣкоторыхъ древнихъ народностей полное погощеніе семьи отечествомъ, какъ типъ вѣншей общности.

Это благотворное стремленіе къ практическому исправленію всѣхъ моральныхъ заблужденій до того присуще женщинамъ, что оно распространяется даже на систематическія соображенія, которые мужичны, по своей грубости, считаютъ непреодолимыми. Губительныя слѣдствія развода вотъ уже три нѣла ослаблены въ протестантской Германіи, благодаря инстинктивному отращенію, питаемому къ этому институту женщинами. Такимъ же образомъ сдерживаются теперь еще болѣе чувствительныя пораженія, грозяща основному институту брака и подготовляемые метафизическимъ направлениемъ, получившимъ, благодаря нашей анархіи, возможность обновить свои старыя заблужденія. Ни одно изъ послѣднихъ не могло имѣть серьезнаго успѣха среди женщинъ, хотя всѣ они кажутся чрезвычайно способными ихъ сбавлять. Видя ихъ безсиліе опровергнуть подобныя софизмы, которые одна только истинная социальная наука можетъ разрушить, наши проповѣдники анархизма поспѣшно заключаютъ, что женскій расудокъ здѣсь будетъ побѣжденъ. Но, къ счастью, женщины, какъ и протестарии, судятъ въ этомъ случаѣ только по внушенію чувства, которое ведетъ ихъ гораздо лучше, чѣмъ умъ, лишенный теперь всякаго правннца, которое предуритъ или исправитъ его серьезныя заблужденія.

Послѣ сказаннаго было бы намъше долѣе останавливаться на характеристикѣ естественной способности женщинъ исправлять всуду моральныя недостатки, присущіе каждому изъ социальныхъ элементовъ. Если это драгоценное влияние уже чрезвычайно дѣйствительно, будучи только слѣдствіемъ самопронзвольнаго побужденія сердца, то оно должно пріобрѣсти гораздо болѣе постоянства и даже расширенія при систематической помощи реальной философіи, которая отброситъ всѣ софизмы и разсѣетъ всѣ несообразности, отъ которыхъ чистый инстинктъ не можетъ достаточно предохранить.

Такимъ образомъ, влияние женщинъ на общественную жизнь не должно быть исключительно пассивнымъ и выражаться только въ необходимомъ одобреніи истиннаго общественного мнѣнія, формулируемаго философами и провозглашаемаго протестаріями. Помимо этого постоянного индивидуальнаго или коллективнаго участія, онѣ должны также оказывать активное моральное влияние, дабы напоминать всуду основную принципъ, первоначальнымъ источникомъ котораго онѣ явились и наилучшими органами котораго онѣ естественно всегда будутъ. Но, чтобы закончить характеристику этой двойной общественной функціи, важно отмѣтить ея естественную согласованность съ необходимыми условіями, предшествовавшимъ женщинамъ дѣйствовать, главнымъ образомъ, въ кругу домашней жизни.

ГЛАВА XI.

Салонъ позволяетъ женщинамъ оказывать социальное влияние.

Западно-европейская цивилизациа уже давно вышла естественный исходъ изъ этого кажущагося противорѣчія, которое древнеіе должны были считать неразрѣшимымъ и которое на дѣлѣ все еще существуетъ. Когда средневѣковыя нравы обезпечили женщинамъ справедливую внутреннюю свободу, на Западѣ скорѣе появились благотворныя добровольныя союзы, гдѣ общественная жизнь тѣсно сдѣлывалась съ частной подъ руководствомъ женщины. Развившіяся, главнымъ образомъ, во Франціи въ теченіе долгаго переходнаго состоянія, эти періодическія лабораторіи, въ которыхъ само-собой вырабатывалось мнѣніе, кактусъ теперь отжившими или выродившимися, благодаря нашей умственной и нравственной анархіи, не позволяющей никакого свободнаго обмѣна чувствъ и мыслей. Но такой социальный обычай, который въ свое время столь сильно благопріятствовалъ философскому движенію, породившему великій современный кризисъ, не можетъ исчезнуть въ средѣ, гдѣ истинная общественность стремится одержать верхъ. По мнѣнью того, какъ новая философія будетъ объединять умы и сердца, этотъ обычай будетъ все шире и все ушительнѣе распространяться.

Такова естественная форма, въ которую единственно можетъ достойно влиться общественная дѣятельность женщины, являясь здѣсь преобладающей съ общаго согласія всѣхъ социальныхъ элементовъ. Когда салоны будутъ такимъ образомъ преобразованы, они потеряютъ свой прежній аристократическій характеръ, ставшій отнынѣ глубоко ретрограднымъ. Позитивистскій салонъ, руководимый всегда женщиной, дополнитъ систему союзовъ трехъ общихъ элементовъ умбрюющей власти. Прежде всего, эти элементы будутъ торжественно собраться въ храмахъ Человѣчества, гдѣ, конечно, председательствовать будутъ философы; между тѣмъ какъ участіе женщинъ и протестаріевъ должно тамъ оставаться преимущественно пассивнымъ. Въ клубахъ, гдѣ народный элементъ естественно господствуетъ, женщины и философы будутъ играть роль соучастующихъ членовъ, но безъ права рѣшающаго голоса. Наконецъ, жен-

ские салоны развоятъ болѣе дѣятельную и болѣе тѣсную интимность между тремя умбрыющими силами, которыя разумно подчинятся руководящему вліянію, соответствующему этимъ собраніямъ. Именно здѣсь женщины заставятъ подчиниться своей мягкой моральной дисциплинѣ, чтобы подавить въ зачаточномъ состояніи всѣ пороки или замѣ побужденія. Косвенный, но благотворительный и сердечный совѣтъ можетъ часто заставитьъ философа сойти съ ложнаго пути, указанного ему честолюбіемъ или отказаться отъ горделиваго заблужденія. Сердца пролетаріевъ здѣсь очистятся отъ зародившейся ненависти и зависти, подъ вліяніемъ неустанной настойчивости, святости которой они сумѣютъ оцѣнить. Благодаря искусному и правильному распределенію здѣсь похвалятъ и порицаютъ, вельможи и богачи ясно поймутъ, что всѣ люди, обладающіе какими бы то ни было превосходствомъ, морально призваны постоянно служить людямъ не надѣвшимся никакими преимуществами.

ГЛАВА XII.

Главная область дѣятельности женщинъ всегда будетъ семья.

Каково бы ни было реальное значеніе общественной роли женщинъ, отодвинутой въ окончательномъ стрѣе Человѣчества, ихъ благородное социальное назначеніе преимущественно характеризуется ихъ священнымъ домашнимъ призваніемъ, этимъ естественнымъ источникомъ всякаго ихъ вліянія, въ качествѣ необходимого перваго элемента умбрыющей власти. Никакая современная философія не можетъ надеяться образовать, поддержать эту естественную основу нашей истинной общественности. Метафизика распространила на нее свой разбѣдающій анализъ, и ея софизмы не встрѣчаютъ рациональнаго опроверженія. Но правила домашняго быта не менѣе страдаютъ и отъ теологическаго эмпиризма, который упрямо старается подчинить ихъ губительной оцѣнѣ одряхлѣвшихъ вѣрованій, которыя давно уже вредятъ всему тому, что они нѣкогда обезпечивали. Безумныя дѣвы трубодуровъ свидѣтельствуютъ намъ, что, начиная съ конца среднихъ вѣковъ, тщетныя протесты духовенства были бессильны противъ тяжелыхъ ударовъ, которые пошривистная критика наносила уже святости брачнаго союза. Эти протесты еще менѣе могли затѣмъ помѣшать семейной безразличности, публично провозглашаемай даже въ присутствіи королей. Такимъ образомъ, ничто не является болѣе страннымъ, чѣмъ это слѣжное призваніе теологовъ сохранить за собой опеку надъ догматами семейной жизни, которые она не сумѣла предохранить отъ анархической критики и которыя въ дѣятельности поддерживаются у современныхъ народовъ только благодаря благотворному общественному и, въ особенности, женскому инстинкту. Развѣ они могли бы устоять противъ правдоподобныхъ софизмовъ, опираясь, какъ на единственную поддержку на наивный вымыселъ о физическомъ прохожденіи женщинъ, когда утверждавшій его авторитетъ былъ самъ развѣдывающъ и лишенъ довѣрія?

Отнынѣ одна только позитивная философія можетъ обезопасить ихъ одновременно отъ метафизической расуищенности и отъ теологическаго безмірія, путемъ цѣлостнаго присоединенія ихъ къ совокупности реальныхъ законовъ нашей природы, какъ личной, такъ и социальной. Эта связь будетъ догматически установлена во второмъ томѣ новаго трактата, систематическимъ введеніемъ къ которому является настоящее произведеніе. Вынужденный здѣсь ограничиться краткимъ замѣчаніемъ объ этомъ основномъ предметѣ, я надѣюсь, что оно, по крайней мѣрѣ, покажетъ рѣшительную способность позитивизма обосновать истинную нравственность.

Грубая оцѣнка, грубо формулированная ретрограднымъ героизмъ, повидимому, признаетъ теперь за женщиной только ея животное призваніе, откуда многие утолисты готовы вывести заключение, что воспитаніе маленькихъ дѣтей должно быть всецѣло предоставлено отвлеченнымъ заботамъ государства. Позитивная теорія брака и семьи стремится, главнымъ образомъ, установить, что основная обязанность женщины совершенно не зависитъ отъ функции размноженія и строить ее на наиболее важныхъ свойствахъ нашей природы.

Вопреки моральной важности материнства, дусмысленность слова «жена» рѣшительно свидѣтельствуетъ, что общественный инстинктъ считаетъ существеннымъ призваніемъ женщины роль жещи. Помимо того, что человѣчскій бракъ бываетъ часто бесплоденъ, недостойная супруга почти никогда не можетъ быть хорошей матерью. Поэтому-то позитивизмъ долженъ во всѣхъ отношеніяхъ преимущественно разсматривать женщину просто, какъ подругу мужчины, виновная сначала изъ своей оцѣнки ея материнскую функцію.

ГЛАВА XIII.

Жена.

Съ точки зрѣнія, указанной въ предыдущей главѣ, бракъ составляетъ наиболее элементарную и наиболее совершенную ступень истиннаго общежитія, которое ни въ какомъ другомъ случаѣ не можетъ достигнуть полнаго проявленія. Въ этомъ союзѣ, о превосходствѣ котораго свидѣтельствуютъ всѣ просвѣщенные языки, наиболее благородная дѣя человѣческой жизни достигается со всею возможной полнотой. Позитивизмъ представляетъ наше существованіе, какъ непрерывное преслѣдованіе несобитаго совершенствованія и выдвигаетъ на первое мѣсто моральное совершенствованіе, характеризующееся преимущественно подчиненіемъ эгоизму чувству общности. А этотъ безпорный принципъ, специально установленный во второй части настоящаго «Обзора», непосредственно приводитъ къ истинной теоріи брака, устраняя всякую неясность и всякое сомнѣніе.

Въ самомъ дѣлѣ, естественнаго различія между двумя полами, счастливо дополняемаго неравенствомъ ихъ социальнаго положенія, дѣлаютъ каждый изъ нихъ необходимымъ для моральнаго совершенствованія другого. У мужчины, очевидно, проблема

давать качества, приспосабливая к активной жизни, с неотделимой от нее умозрительной способностью. Напротив, женщина преимущественно призвана к аффективной жизни. Она выше стоит в отношении близости во времени, как она превосходит ее во всех иных силах. Никакая близость не может сравниться с той, которая устанавливается между двумя существами, столь слонными взаимно служить друг другу и становиться лучше под влиянием друг друга, не имея при том почвы для обычного соперничества. Вплоть добровольный характер их союза служит к усилению его привлекательности, когда выбор отдан обоими сторонами удачно.

Итак, так, согласно позитивной теории, главное назначение брака: дополнить и укротить воспитание сердца, развивая наиболее чистые и наиболее живые из всех человеческих симпатий.

Без сомнения, супружеское чувство вытекает, в особенности у мужчин, из полового инстинкта, который чисто эгоистичен и без которого, однако, взаимная приваляность была бы обыкновенно недостаточна сильна. Но более любящее сердце женщины, вообще, гораздо меньше нуждается в этом грубом возбуждении. Поэтому его высшая чистота благотворно действует в смысле облагораживающей любви мужчины. Изначность сама по себе столь приятное переживание, что раз она возникла, благодаря какому бы то ни было возбуждению, она уже продолжается, в силу своей собственной прелести, и по превращении первоначального стимула. Тогда брачный союз становится наилучшим образом истинной дружбы, которую украшает бесподобное взаимное обладание. Но только дружба может быть достигнута только между различными полами, так как только здесь она свободна от всякого настоящего или возможного соперничества. Никакая другая добровольная связь не допускает подобной полноты доверия и непринужденности. Такой единственный источник, из которого мы можем вполноте испытать истинное человеческое счастье, состоящее, главным образом, в том, чтобы жить для другого.

Но, помимо своей собственной чистоты, этот святой союз приобретает новое социальное значение, как необходимое первое основание всеобщей любви, являющейся конечной целью нашего морального воспитания. Я уже указал во второй части, насколько важно и опасно влияние многих мнимых социальностей, усматривающих противоречие между этими двумя крайними членами ряда, изображающего эволюцию человеческого сердца. Тот, кто не может глубоко привязаться к существу, которое он избрал для наиболее интимной совместной жизни, покажется несчастью весьма подозрительным в качестве преданного члена общества, состоящего в основном из незнакомых ему людей. Наше сердце может надеждою образом быть освобождено от своего первоначального эгоизма только той единственной интимностью, которая полна и прочна уже в силу своего исключительного назначения. Когда оно сдвигает этот ринительный шаг, оно постепенно поднимается к искренней всеобщей приваляности, способной длительно влиять на поведение, хотя с энергией, убывающей, по мере того, как связь расширяется.

Общественный инстинкт чувствуется уже эту необходимую солидарность, и, по указанную истинной теорией человеческой природы, которая в конце концов сдвигает ее совершенно неуязвимой для метафизических покушений. Чем быстрее

матрице будет становиться моральная сила женщины, благодаря позитивной философии, тем больше будет уважаться глубокая мудрость народного обычая, который всегда в частной жизни искал явных гарантий общественной жизни. Одним из наиболее очевидных признаков всеобщего нравственного разложения, характеризующего нашу умственную анархию, является действующее еще поныне постыдное законодательство, благодаря которому вот уже тридцать лет вся частная жизнь Франции была точно замурована в психологию, которые, очевидно, нуждались в подобной китайской стене.

ГЛАВА XIV.

Нерасторжимый брак.

Когда главное назначение супружеского союза вполноте понято, тогда становится ясным его необходимыми условиями, которые общество стремится только совершенствовать согласно естественному порядку.

Прежде всего, этот основной союз может достигнуть своей существенной цели, только будучи исключительным и нерасторжимым. Эти две характерные черты до того ему свойственны, что в незаконных связях он сам собою обрывается. Только полное отсутствие в настоящее время каких бы то ни было моральных и социальных принципов единственно позволяет понимать, как могла явиться у людей дерзость серьезно утверждать, что нестойкость и легкость приваляностей являются главными гарантиями человеческого счастья. Никакая тленная связь не может быть глубокой, если она не будет прочной и продолжительной; ибо одна мысль о возможности перемен должна возмущать. Разве для того, чтобы два столь различных существа, как мужчина и женщина, могли друг друга хорошо узнать и достойно полюбить, наша краткая жизнь слишком большой срок? Однако, людские сердца обыкновенно столь нестойки, что общество должно вынуждаться во избежание колебаний и извятий, ибо если предоставить им свободу, то человеческое существо превратилось бы в печальный ряд опытов, лишенных смысла и достоинства.

Половой инстинкт может быть могущественным средством совершенствования только в том случае, когда он подчинен постоянной и строгой дисциплине; в противном случае последнему легко убедиться, присматриваясь к жизни многочисленных не-западно-европейских народов, которые не сумели еще достаточно установить. Напрасно пытались свести выбор между многоженством и единобрачием к простому климатическому условию. Эта легкомысленная гипотеза столь же противоречит всеобщему наблюдению, как и здравой теории человечества. Безарьерно совершенству инстинкт брака, как и великое другое человеческое учреждение, наш род всему удаляется от наиболее полного многоженства и стремится к наиболее совершенному единобрачию. Как на севере, так и на юге можно найти

состояніе позитивна, если прослѣдить достаточно дальній рядъ предшествовавшихъ социальныхъ возрастовъ: въ южныхъ странахъ, равно какъ и въ сѣверныхъ, состояніе моногаміи становится преобладающимъ, по мѣрѣ того, какъ общественность развивается; это наблюдается теперь даже на Востокѣ среди его наиболее цивилизованныхъ народностей.

Итакъ, западно-европейское единобрачіе является однимъ изъ наиболее драгоценныхъ учрежденій, которыми мы обязаны среднимъ вѣкамъ. Оно, можетъ быть, болѣе всякаго другого института способствовало блестящему социальному превосходству великой семьи современныхъ народовъ. Хотя у протестантскихъ націй разводъ глубоко исклалъ его, но вліаніе этого временнаго заблужденія здѣсь значительно умѣряется справедливымъ обращеніемъ женскаго чувства и пролетарскаго инстинкта, ограничивающихъ его область приложенія привилегированными классами. Эмпирическое усиліе официальной метафизики внушаетъ серьезные опасенія, что этотъ бичъ можетъ распространиться во Франціи. Но здравая философія во-время является на помощь, чтобы сдержать эти скоропреходящія и искусственныя идеи, кореннымъ образомъ противоблщающія современнымъ правамъ. Эта борьба можетъ быть направлена такъ, чтобы ускорить установленіе здравой брачной теоріи. Позитивизмъ тѣмъ болѣе въ правѣ на это рассчитывать, что, благодаря своему разумно относительному духу, онъ можетъ безъ всякой ослабляющей непродуктивности дѣлать въ исключительныхъ случаяхъ уступки, несомнѣнныя съ абсолютнымъ характеромъ богословской доктрины. Позитивная философія одна только можетъ примирить необходимую общую обязательность различныхъ моральныхъ правъ съ мотивированными исключеніями, которыя необходимы для всякихъ практическихъ предписаній.

ГЛАВА XV.
Вѣчное вдовство.

Позитивная философія не только не дѣлаетъ уступокъ анархическимъ тенденціямъ, но она еще и усовершенствуетъ основное единство человѣческаго брака; а именно, она вводитъ въ обычай, хотя и безъ всякаго законнаго принужденія, обязательность вѣчнаго вдовства, являющагося окончательнымъ дополненіемъ истинной моногаміи. Народный инстинктъ всегда высоко ставилъ такую сугубую сердечную преданность. Но до сихъ поръ ни одна доктрина не была достаточно чиста, или достаточно энергична для того, чтобы теоретически установить подобную обязанность. Въ виду высокаго вліанія, которое даетъ позитивизму его полная систематичность, благодаря которой всѣ его рѣшенія основываются на совокупности реальныхъ законовъ, онъ безъ труда приводитъ всѣ вѣжныя души къ признанію этого дополнтельнаго долга, вытекающаго изъ того же принципа, что и основное право. Ибо, если позитивистскій бракъ, главнымъ образомъ, призванъ совершенствовать човѣческое сердце, то вдовство становится естественнымъ продолженіемъ единства связи.

Забвеніе всякой систематической нравственности мѣшаетъ теперь понимать моральное величіе, присущее этому посмертному постоянству, которое вѣкогда достойно практиковалось многими женщинами. Но глубокое познаніе нашей истинной природы представляетъ такое вниманіе къ памяти усопшаго, какъ драгоценный источникъ совершенства, доступный, даже въ молодости, всѣмъ благороднымъ людямъ.

Въ самомъ дѣлѣ, добровольное вдовство доставляетъ уму, тѣлу, равно какъ и сердцу, всѣ существенныя преимущества вѣлоудрія, не подвергая ихъ серьезнымъ моральнымъ опасностямъ безбрачія. Это вѣчное обожаніе памяти, которую смерть дѣлаетъ болѣе трогательной и болѣе постоянной, позволяетъ всякой великой душѣ, въ особенности философской, лучше посвящать себя активному служенію Человѣчеству, давая, такимъ образомъ, исходъ достойному частному чувству любви. Такимъ образомъ, какъ истинное индивидуальное счастье, такъ и общее благо предписываютъ подобную обязанность всѣмъ тѣмъ, кто здраво оцѣниваетъ то и другое.

Это святое продолженіе наиболее совершенной связи, помимо доставляемаго имъ всегда глубокаго удовлетворенія, найдетъ также естественную награду въ еще высшемъ напряженіи. Если чувствено связи переживаетъ одного изъ двухъ членовъ, почему бы общественной благодарности не обезпечить ихъ единство и послѣ смерти итотъ, заключивъ въ одну гробницу эти сердца, которыя смерть не въ состояніи была разъединить? Это торжественное узковѣченіе достойнаго брака могло бы иногда быть напередъ преисуждено, если истинные выразители общественного мнѣнія находятъ бракъ заслуживающимъ подобной чести. Это побудило бы тогда къ новымъ общественнымъ подвигамъ тѣхъ людей, которые увидѣли бы въ этомъ законъ полнаго и окончательнаго отождествленія памяти двухъ лицъ. Прошлое даетъ намъ уже нѣсколько примѣровъ подобной солидарности; таковы союзы между Данте и Беатриче, или Лавруй и Петгаррой. Но эти исключительные случаи не могутъ дать справедливаго понятія объ этомъ новомъ учрежденіи, которое, такимъ образомъ, можетъ казаться возможнымъ только для рѣдкихъ натуръ. Связанная всюду частною жизнью съ общественной связью, чѣмъ это было когда-либо возможно, окончательное преобразование позволитъ примѣнить ту же самую награду ко всѣмъ, заслужившимъ ее сердцамъ, въ предѣлахъ ихъ собственной оцѣнки.

Вотъ какимъ образомъ позитивистская нѣжность естественнымъ путемъ найдетъ драгоценныя утѣшенія, не вида надобности сожалѣть о химерахъ, которыя утѣшаютъ умъ и сердце. Моральное превосходство новаго строя обнаруживается даже въ томъ отношеніи, что онъ даетъ утѣшеніе лишь въ укрѣпленія связи. Ибо столь превосходными христіанскія утѣшенія расплачуютъ къ заключенію другихъ союзовъ, чѣмъ искажаютъ главную сущность брака и порождаютъ двусмысленность, плохо совместимую со смутной теологической утопій. До позитивизма ни одна доктрина не могла догматически предписывать вдовство и устанавливать общность гробницы, какъ двойное крайнее дополненіе човѣческаго единобрачія. Именно такимъ усовершенствованіемъ нашего моральнаго благодетеля новая философія всегда должна отвѣчать на глумляя предубѣжденія и на позорную клевету.

Итакъ, позитивизмъ дѣлаетъ теорію брака независимой отъ всякаго физическаго назначенія, представляя эту основную связь, какъ главный источникъ мо-

рального совершенствования и, следовательно, как существенную основу истинного человеческого счастья, как общественного, так и частного. Это систематическое очищение тем более ценно, что оно не предполагает исключительной восторженности, а вытекает только из глубокого изучения Человечества. Личное и социальное значение брака таким образом вполне осуществляется в союзе, который, хотя является более интимным, чем братский союз, остается тем не менее столь же племуренным. Не взирая на то, что половой инстинкт обыкновенно необходимо, в особенности у мужчины, для первоначального возбуждения интимности, привязанность может развиваться без того, чтобы этот инстинкт удовлетворялся. Если только отречение от половой жизни достаточно мотивировано с обеих сторон, оно ведет к еще большей взаимной преданности.

ГЛАВА XVI.

Мать.

Объяснив таким образом собственное назначение брака независимо от материнства, нам остается дополнить социологическую теорию женщины рассмотрением материнской функции, которая есть необходимое расширение моральной миссии жены.

Съ этой новой точки зрения позитивизм также поднимает достоинство женщины, предоставляя матери главную руководящую роль в домашнем образовании, систематическим дополнением которого является затем общественное образование, как я это указалъ в третьей части.

ГЛАВА XVII.

Воспитание ребенка принадлежит матери.

Это философское решение вытекает из основного принципа, который при нормальном состоянии общества необходимо вобрать воспитание духовной власти, естественной представляющей которой в недрах каждой семьи является женщина. Это правило задвигает以往的 предубеждения только вследствие начавшегося съ конца средних веков революционного стремления разума возобладать над сердцем. Современные народы, таким образом, постепенно привыкли преобладать моральной частью воспитания и чрезмерно заботиться объ ей интеллектуальной части. Но, завершая революционное состояние установлением систематического первенства сердца над разумом, позитивизм возвращает моральному воспитанию его естественное превосходство, как я это выше разъяснил. Потому

женщины, которая была бы въ самомъ дѣлѣ малоспособна стоять во главѣ интимнаго образования, лучше чѣмъ въ среднѣ вѣка возмуть на себя общее руководительство образованіемъ, въ которомъ мораль будетъ всегда господствовать и въ которомъ до достиженія половой зрѣлости послѣдовательно будутъ вестись только эстетическія упражненія.

Наши рыцарскіе предки обычно воспитывались такимъ образомъ подъ женскимъ вліяніемъ и, конечно, не были извѣданы. Если же подобная подготовка причислялась воннямъ, какъ можетъ внушать опасеніе ея примѣненіе въ мирному обществу? Мужское руководство необходимо только для обученія какъ теоретическаго, такъ и практическаго. Что касается моральнаго образования, то, какъ я это указалъ, оно должно перейти въ вѣдѣніе философовъ только въ возрастѣ, когда оно становится систематическимъ, т.-е. въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, предшествующихъ совершеннолѣтію. И даже философы должны оказывать моральное вліяніе, главнымъ образомъ, на взрослыхъ людей и указывать имъ правильное примѣненіе въ реальной жизни, какъ частной, такъ и общественной, принятыхъ въ молодости принциповъ. Вся несистематическая мораль, т.-е. воспитаніе чувства, которое, въ сущности, больше всего оказываетъ вліяніе на новую жизнь, должно главнымъ образомъ зависеть отъ матери. Именно, въ силу этого обстоятельства важно воспитывать ребенка въ семьѣ, и упредить, какъ я это предлагалъ, схоластическіе монастыри.

Естественное превосходство женщины для этой основной роли будетъ всегда съ глубокимъ уваженіемъ призвано истинными философами. Они никогда не забудутъ, что наиболее отзывчивыя существа по необходимости наиболее способны развивать въ другихъ должностную возбудительность чувствъ. Въ согласіи съ народной мудростью позитивная философія неминуемо будетъ учить, что культура сердца важнее развитія ума. Благодаря присущей ей реальности, она никогда не отпадетъ преувеличивать значеніе систематизаціи и игнорировать существенныя условія послѣдней. Дѣйствительно, систематизація и, в особенности въ области морали, можно лишь то, что уже существуетъ спонтанно. Такъ что настоящее и непосредственное развитіе различныхъ человеческихъ чувствъ неминуемо должно предшествовать всякой философской дисциплинѣ.

Эта основная обязанность, начинающаяся одновременно съ жизнью ребенка и продолжающаяся въ теченіе всего періода физическаго развитія, лежитъ необходимо на женщинахъ. Ихъ способность въ этомъ отношеніи такова, что при отсутствіи матери удачно выбранная чужая женщина, если она сумеетъ войти въ семью въ качествѣ ея члена, оказывается обыкновенно болѣе пригодной для этой роли, чѣмъ самъ отецъ. Только тѣ души, въ которыхъ чувство господствуетъ, могутъ надлежащимъ образомъ понять его важность. Только онѣ дѣйствительно знаютъ, что большая часть человеческихъ поступковъ, въ особенности совершающихся въ юномъ возрастѣ, должны гораздо болѣе одиноваться сами по себѣ, чѣмъ по обнаруживаемымъ ими стремленіямъ и по вызываемымъ ими привычкамъ. Въ отношеніи чувства нѣтъ безразличныхъ дѣйствій. Съ этой точки зрѣнія малѣйшіе поступки ребенка могутъ способствовать выполненію основнаго и двойнаго правила всего позитивнаго образования,—какъ домашняго, такъ и систематическаго: развивать чувство общественной и подавлять эгоизмъ.

Материнские поступки сначала даже более природы для здоровой оценки соответственных чувств, над которыми наблюдение может тогда лучше сосредоточиться, не будучи отвлекаемо особыми обстоятельствами. Кроме того, только с этих маленьких упреков ребенок может начать трудное обучение внутренней борьбе, которая будет господствовать над всей его жизнью, чтобы постепенно подчинить эгоистические побуждения симпатическим инстинктам.

В силу этих различных соображений, можно утверждать, что наиболее выдающийся даже по своим сердечным качествам наставник будет всегда уступать хорошей матери. Хотя последние зачастую не в состоянии всегда формулировать и мотивировать свои решения, тем не менее, окончательное влияние их покажет всегда действительное превосходство ее морального воспитания. Никто другой не сумеет так пользоваться великим случаем, чтобы без аффектации подчеркнуть естественную прелесть добрых чувств и беззаботности, связанное с эгоистическими внушениями.

Эта социологическая теория матери естественным образом связывается с теорией жены, так как материнское влияние, несмотря на естественное убывание, неизменно продолжает руководить сердечными порывами вплоть до возраста вступления в брак. Тогда мужчина, неизменно управляемый женщиной, договаривается с ней относительно своего добровольного подчинения ей в течение всей своей остальной жизни, чем и завершает свое моральное воспитание. Это существо, призванное действовать, видит свое главное счастье в достойном подчинении спасительному влиянию существа, предназначенного любить.

Итак, основная роль, одновременно частная и общественная, отводимая в позитивном строе женщин, составляет, во всех отношениях, только обширное систематическое развитие ее собственной природы. Столь одностороннее и столь определенное признание не оставляет никакого серьезного сомнения относительно ее соответственного социального положения. Никакое другое существенное обстоятельство не может лучше подтвердить всеобщий принцип человеческого искусства, а именно: искусственный порядок заключается всегда в укрощении и упорядочении естественного порядка.

ГЛАВА ХVIII.

Современные софизмы о правах женщины.

Вся переходная эпоха порождает, подобно нашей, софистические заблуждения относительно социального положения женщины. Но естественный закон, указывающий аффективному полу существенно домашнее существование, никогда не был серьезно нарушен. Этот закон настолько реален, что он сам собой одерживает верх, хотя бы противоречивые софизмы и остались без достаточного опровержения. Домашний порядок устоял против штырей нападок греческой метафизики, полной

еще юношеского жара и действовавшей на умы, которые не были способны ни к какой систематической защите. Поэтому нельзя считать серьезной опасностью появление из ядра нашей умственной анархии некоторых жалких воспроизведенных разрушительных утопий, против которых энергичная сатира Аристофана достаточно возбудила народный инстинкт.

Хотя настоящие социальные принципы теперь более полно отсутствуют, чем в течение перехода от позитивизма к монотеизму, но зато и человеческий разум и, в особенности, чувство нынче также гораздо лучше развиты. Женщины были в те времена слишком унижены, чтобы отвергать, хотя бы молчаливым протестом, учения заблуждений своих мнимых защитников, которым, следовательно, приходилось бороться только против разума. Но у современных народов благотворная свобода западных женщин позволяет им высказывать решительное отвращение, которое, за отсутствием рационального исправления, оказывается достаточным для отклонения этих умственных заблуждений, вызванных непостоянством сердца. Именно женское чувство одно только умирляет теперь практической вред, который, казалось бы, должны были причинить эти анархические стремления. Правда, оно увеличивает эту опасность у наших привилегированных классов, где богатство, сверх того, оказывает гибельное влияние на моральную организацию женщин. Тем не менее, даже там оно в действительности не очень глубоко или чрезвычайно ограничено. Никогда не удавалось соблазнить много мужчин и еще менее женщин, лстя их дурным наклонностям. Странно по истине только те соблазны, которые действуют на наши добрые наклонности с целью исказить их направление. Поэтому утопия, непосредственно захватывая всю женскую жизнь, не могла иметь реального успеха даже в кругах наиболее расположенных к принятию их. Но среди народа, где их вред был бы особенно опустошительным, отвращение к ним гораздо более решительно, так как народная жизнь более ясно и определенно указывает обонять позамы их истинное взаимное положение. Таким образом, преимущественно здесь, где наиболее важно укротить домашние догматы, позитивизм встретит меньше препятствий для полного прояснения своей естественной теории о социальном положении женщин, соответственно указанному мною выше двойному назначению их.

В своей наиболее систематической разработке эта теория вытекает из главного принципа, относящегося к нормальному раздвоению двух основных властей, принципа, господствующего над всеми социальными вопросами. Ибо мотивы, в силу которых жизнь женщины сосредоточивается в ядрах семьи, при чем в она не принимает никакого участия в управлении, даже домашнем, суть, во-первых, только более полное осуществление власти управляющей. Женщины, составляя наиболее честный и наиболее самородный элемент моральной силы, должны лучше выполнять присутствия ей условия. Характеризующее женщин аффективное влияние требует еще более, чем укоротительная способность полного отречения от деятельности, свойственной правящему полу. Если даже философы должны воздерживаться от практической деятельности, то женщины должны еще с большим основанием от нее отказаться, даже если бы естественный порядок общества

предоставлял им выбор. Но иждивенчество, составляющая их главное преимущество и источник их истинного влияния, еще более доступна порыву в активной жизни, чья чистота и общность теоретических принципов. Осуществление практического авторитета не может согласоваться с постоянным парением дьявольского милосердия, ибо оно занимает уже специальными вопросами. Но оно еще гораздо более вредит чистоте чувства, развивая эгоистические побуждения. Эта опасность была бы тем более неизбежна для женщин, что их чрезвычайно иждивенческая душа обыкновенно лишена энергии, и не в силах выдерживать образцы борьбы с развращающими влияниями.

Чем глубже будет изучаться этот основной предмет, тем понятие станет, что их социальное состояние не только не вредит их истинному призванию, но в высшей степени способно развивать и даже совершенствовать их главные качества. Естественный порядок человеческих обществ, во всех отношениях, не так уж плох, как это изображают безразумная развращенность. Без естественного дарства материальной силы, моральный авторитет выродился бы, так как лишился бы значения. Если бы философы и пролетарии приобрели быстрое главенство, они вскоре исказили бы свои высокие умственные и сердечные качества. Но обладание властью навредило бы еще более женскую природу. Эту тенденцию очень легко подмечать у высших классов, где богатство доставляет часто женщинам глупельную независимость и даже неподобающую им власть. Вот это-то, главным образом, и объясняет искать наилучший женский тип среди пролетариев, потому что иждивенство здесь лучше развивается и скорее достигает настоящего превосходства. Богатство, еще более чем правдоподобие, способствует нечестованию и упадку нравственности у привилегированных женщин.

ГЛАВА XIX.

Эволюция благоприятствует не равенству полов, а их обособлению.

В отношении женщин, как и во всяком другом отношении, непрерывный прогресс человечества только лучше развивает основной порядок. Взаимное положение обоих полов не только не обнаруживает никакого стремления к равенству, что невозможно в силу их природы, но совокупности прошлого ясно показывает также немаловажную тенденцию человеческой эволюции резко выдвигать их естественные различия.

Средние века, несмотря на такое улучшение, внесенное ими в условия социального существования женщин, лишили их, однако, жреческих функций, которыми они раздвигали с мужчинами в политеистическом состоянии, где священнослужители были скорее эстетические, чья наука. Когда кастовый принцип потерял у современных народов свое древнее значение, женщины были устранены от участия в королевской власти и во всякой другой государственной власти.

Во всех, даже простейших отправлениях практической деятельности обнаруживается та же тенденция, все более и более устранять женщин от различных промышленных профессий, даже от тех, в которых, казалось бы, они должны быть наиболее пригодны. Таким образом, жизнь женщины все более сосредоточивается в семье, вместо того, чтобы от нее удалиться и в то же время она лучше оказывает подобающее моральное влияние. Эти две тенденции не только не противостоят друг другу, а, напротив, неизбежно солидарны.

Не вдаваясь в обсуждение жалких ретроградных утопий, важно понять, чтобы лучше оценить реальный порядок, что, если бы женщины когда-либо получили то быстрое равенство, которого, помимо их желания, требуют для них их самозванные защитники, то их социальная гарантия столь же пострадала бы, сколь и их моральный характер. Ибо в этом случае они оказывались бы на больше, нежели поприще лицом к лицу с повседневной сильной конкуренцией, которую они не могли бы выдержать, и в то же время практическое соперничество испортило бы главные источники взаимной любви.

ГЛАВА XX.

Мужчина должен содержать женщину.

Вместо разрушительных мечтаний о равенстве для женщин, естественный принцип вполне обеспечивает существование женщин, определяя систему обязанности активного пола по отношению к полу аффективному. Позитивизм, в силу присущей ему реальности, одних только может систематизировать этот принцип так, чтобы доставить ему надлежащее преобладание. Но новая философия отнюдь не создала той всеобщей тенденции, которую она, по справедливой отсылке совокупности человеческого движения, теперь провозглашает. Мужчина должен содержать женщину — таков естественный закон нашего рода, вполне согласующийся, главным образом, с домашним образом жизни аффективного пола. Это правило, которое соблюдается даже на самой низкой стадии общности, развивается и совершенствуется, по мере того как человеческая эволюция совершенствуется. Все материальные улучшения, которых требует нынешнее состояние женщин, сводится к лучшему применению этого основного принципа, состоящего в том, чтобы связываться с благородным назначением женщин, как эволюция которого должна сказываться во всех социальных отношениях и, в частности, в вопросе о заработной плате рабочих. Соответствуя естественной тенденции, это правило связывается с благородным назначением женщин, как аффективного элемента умиротворяющей власти. При этом эта обязанность становится аналогичной долгу, предписываемому классу активному содержать класс мыслящий, дабы последний мог достойно исполнять свою основную общественную службу, с той только разницей, что обязанности активного пола по отношению к полу аффективному еще более священны, уже вследствие домашнего характера женского

служения. По отношению к исполнителям обязанности практических деятелей только коллективны; по отношению же к женщинам он преимущественно индивидуален. Впрочем, эта прямая ответственность, лежащая особо на каждом мужчине касательно избранной им пары, не избавляет весь активный пол от ковенной обязанности по отношению ко всему аффективному полу. При отсутствии супруга и родителей, общество должно обеспечить материальное существование женщины, вознаграждая ее тем же за ее неизбежную светскую зависимость и, в особенности, за ее необходимую моральную службу.

Итак, таков, в этом отношении, истинный общий смысл человеческого прогресса: дѣлать женскую жизнь все ближе и ближе домашней и освободить ее от всякаго внешнего труда, дабы лучше обезпечить выполнение ее аффективного назначения. Привилегированныя сословія уже признали, что женщины должны быть избавлены от всякаго тяжелого труда. И это — почти единственная сторона отношений между двумя полами, в которой наши пролетарии должны подражать правам своих светских руководителей. Во всяком другом отношении народная масса на Запад понимает лучше практическія обязанности мужчин по отношению к женщинам. Она даже стыдилась бы налагать на женщин варварскій тяжелый труд, обрекающий до сих пор множество женщин, если бы только нашъ промышленный строй позволял устранить эту уродливую. Именно среди нашихъ земельщиков и богатыхъ людей можно, главнымъ образомъ, наблюдать постыдный и къ тому же мошенической торговѣ, въ которомъ безразличное внимательство определяетъ одновременно унижение одного пола и развращение другого. Выделяя лучше истинное призваніе женщины и болѣе расширяя брачный выбор, современные нравы быстро кладутъ конецъ этой подлой торговлѣ, вытекающей изъ обычая давать невестѣ приданое, обычая, уже почти исчезнушаго среди нашихъ пролетаріевъ.

Позитивистскій принципъ материальныхъ обязанностей мужчины по отношению къ женщинам систематически изгоняетъ этотъ остатокъ варварства даже изъ среды нашихъ привилегированныхъ сословій. Чтобы лучше достигнуть этой цѣли, достаточно будетъ применять на практикѣ вытекающее изъ социологической теоріи аффективного пола слѣдствіе, въ силу котораго женщинамъ должно быть воспрещено всякое наслѣдство. Безъ этого запрета упрядченіе приданого было бы обходимо путемъ учета будущаго состоянія. Коль скоро женщина избавлена отъ всякаго материальнаго производства, орудія труда, которая одно поколѣніе готовится для слѣдующаго за нимъ, должны наслѣдоваться мужчинами. Отнюдь не устанавливая никакой новой привилегіи, этотъ способъ передачи имущества естественнымъ образомъ связанъ съ тяжелой ответственностью. Эта дополнительная вѣра, безъ сомнѣнія, не вызоветъ среди женщинъ серьезнаго противодействія. Зрѣлое образованіе сдѣлаетъ ихъ, сверхъ того, понятной личную пользу, которую эта вѣра имъ принесетъ, предохраняя ихъ отъ недостойныхъ жениховъ. Но эта важная вѣра должна стать закономъ только послѣ того, какъ она получитъ свободное преобладаніе въ нашихъ нравахъ, въ силу всеобщаго убѣжденія въ ее способности укрѣпить новую организацію семьи.

ГЛАВА XXI.

Женщина должна получать такое же образованіе, какъ и мужчина.

Чтобы закончить характеристику социальнаго положенія женщинъ въ позитивномъ строе, достаточно указать, исходя изъ той же теоріи, каково должно быть ихъ образованіе.

Пониманіе основной роли женщинъ разсвѣтаетъ въ этомъ отношеніи всякое сомнѣніе, малая область образованія, указанную нами выше для пролетаріевъ. Эта система, будучи свободна отъ всякой спеціальности, подводитъ симпатизирующему элементу умѣренную власть такъ же хорошо, какъ и элементу дѣйствующему, даже относительно научныхъ знаний. Если для пролетаріевъ мы признаемъ необходимость здраваго историческаго теоріи, то подобная необходимость распространяется также на женщинъ, въ которыхъ она должна надлежащимъ образомъ развивать социальное чувство, всегда несовершенное, пока сознаніе солидарности не допозволено сознаніемъ непрерывности. Приывая же для обоихъ половъ потребность въ подобной теоріи и въ вытекающей изъ нея моральной систематизации, нельзя отрицать одинаковую настоятельность въ предполагаемой ею научной подготовкѣ, которая, сверхъ того, прямо придаетъ ей равное значеніе. Наконецъ, такъ какъ женщинамъ должны руководить естественнымъ образованіемъ, то надо, чтобы онѣ также участвовали въ систематическомъ образованіи, составляющемъ необходимое дополненіе перваго. Чисто мужскимъ является только такъ называемое профессиональное образованіе, относительно котораго мы признали, что оно не совместимо ни съ какой особой системой, а заключается въ основательномъ упражненіи, которое слѣдуетъ за разумнымъ теоретическимъ развитіемъ. Такимъ образомъ, какъ женщины, такъ и философы получаютъ одинаковое образованіе съ пролетаріями.

Однако, провозглашая это равенство образованія обоихъ половъ, я даю отъ мысли, высказанной мнѣмъ знаменитымъ предшественникомъ Кондорсе, что школьные занятія должны быть совмѣстными. Моральная обѣда, долженствующая всегда преобладать, строго запрещаетъ подобное смѣшеніе, какъ одинаково губительное для обоихъ половъ. Въ храмѣ, клубѣ, салонѣ — вотъ гдѣ женщины и мужчины смогутъ всегда свободно встрѣчаться. Но въ школѣ эти преждевременныя соприкосновенія помѣшаютъ тѣмъ и другимъ развивать свой собственный характеръ, не говоря уже объ очевидномъ беспорядкѣ, который они внесутъ въ занятія. Пока чувства тѣхъ и другихъ недостаточно сформировались, весьма важно, чтобы ихъ сношенія оставались случайными и ограниченными, и находились подъ постояннымъ надзоромъ матерей.

Тѣмъ не менѣе, эта необходимость вести занятія въ школѣ съ каждымъ поломъ отдѣльно, хотя знанія, приобретаемыя тамъ обоими полами, одинаковы, насколько не должна привести къ организаціи особаго класса учителей для женщинъ. Такое учрежденіе, помимо своихъ финансовыхъ неудобствъ, въ особенности при-

вело бы къ искаженію женскаго образованія, порождая ненужный предрезудокъ о болѣе низкомъ уровнѣ образованія учителей женскихъ школъ.

Давъ основное образованіе действительно было одинаково для обоихъ половъ, необходимо, чтобы учителя были общіе, не взирая на раздѣльность уроковъ. Планъ, указанный въ третьей части настоящаго «Обзора», легко согласовывается эти два условія, требуя, чтобы каждый философъ имѣлъ въ общественной школѣ не болѣе двухъ уроковъ въ недѣлю. Эти занятія могутъ быть безъ труда удвоены, не доводя преподавателей до того переутомленія, на которое такъ справедливо жалуются вышніе учителя. Сверхъ того, такъ какъ каждый философъ долженъ быть послѣдовательно пройти съ учениками семь годичныхъ ступеней позитивнаго образованія, то обязанность обучать отдѣльно оба пола можетъ быть регулирована съ такимъ расчетомъ, чтобы избавить профессора отъ утомительнаго повторенія. Впрочемъ, выходящая по своимъ качествамъ мужчины, которые всегда будутъ вѣряться эта двойная служба, вскорѣ сами на опытъ узнаютъ, какова должна быть разница въ приемахъ преподаванія, соответственно естественному различію аудиторій, различающаяся, однако, никогда не должна нарушать необходимую однородность методовъ и доктринъ.

Вывышая въ общественномъ мнѣніи достоинство женскихъ знаний, это тождество преподавателей должно также оказывать благотворное вліяніе на интеллектуальный и моральный характеръ самихъ философовъ. Они, такимъ образомъ, будутъ меньше увлекаться ненужными частностями и естественнымъ образомъ вернуться къ цѣльному міросозерцанію. Основное подчиненіе ума сердцу станетъ для нихъ также болѣе привычнымъ, когда они будутъ знакомиться одновременно съ характерами, болѣе рациональными и болѣе сентиментальными. Это одинаковое обученіе двухъ половъ дополнитъ энциклопедическую всеобщность новыхъ философовъ. Вынужденные, такимъ образомъ, параллельно разсматривать всѣ классы реальныхъ понятій и одинаково заинтересовывать ими дѣйствительно различныя аудиторіи, они по необходимости должны будутъ обладать личными качествами, соответствующими ихъ высокой социальной службѣ. Но въ то же время совокупность этихъ условій до такой степени ограничитъ выборъ ихъ, что можно будетъ найти достаточно подходящихъ людей для осуществленія подобнаго плана, лишь когда ихъ вербовка будетъ мудро организована и ихъ матеріальное существованіе надлежащимъ образомъ обеспечено. Сверхъ того, не забудемъ, что ихъ корпорація должна носить западно-европейскій характеръ, а отнюдь не національный; такъ, что позитивистскія обязанности лица еще чаще будутъ мѣнять свое мѣстопробываніе, чѣмъ католическіе сановники въ средніе вѣка.

Принимая во вниманіе всѣ вышеприведенныя соображенія, нетрудно признать, что позитивное образованіе обоихъ половъ можетъ быть широко организовано для всѣхъ жителей Запада, не требуя даже столько бесполезныхъ или скорѣе вредныхъ расходовъ, какіе вымываютъ теперь одно только англійское духовенство. И тѣмъ не менѣе каждый чиновникъ-философъ получитъ вполнѣ приличное матеріальное содержаніе, хотя ни одинъ изъ нихъ никогда, конечно, не будетъ развращаемъ богатствомъ.

Корпорація философовъ численностью въ двадцать тысячъ была бы теперь

достаточно, и вѣроятно всегда будетъ достаточно для обслуживанія всѣхъ духовныхъ потребностей населенія пяти западныхъ государствъ, такъ какъ она позволитъ внести въ двухъ тысячахъ пунктахъ позитивистской территоріи полную систему семилѣтняго обученія.

Вліяніе женщинъ и протестаріевъ никогда не можетъ стать достаточно систематическимъ, чтобы какибы то ни было образомъ сдѣлать названнымъ вліяніемъ философовъ. Между тѣмъ, все болѣе и болѣе увеличивающееся приобщеніе ихъ къ совокупности умѣряющей власти уменьшить прежнее расширеніе чисто мыслительнаго класса, который при теологическомъ режимѣ достигъ чрезвычайныхъ размѣровъ. Число людей пользующихся достаткомъ, не занимающаго производствомъ, становится поэтому настолько небольшимъ, и эта привилегія будетъ настолько заслуженной, что не будетъ вымывать законныхъ уроковъ. Вену поймутъ, что поддержки на содержаніе философовъ и женщинъ далеко не являются обременительными для активнаго класса, а составляють наиболее драгоцѣнный источникъ его совершенствованія и его истиннаго счастья, обеспечивая правильное развитіе умозрительныхъ и аффективныхъ функцій, которые суть характерныя черты челоуѣчества.

Итакъ, всѣ вопросы, относящіеся къ социологической теоріи женщинъ, безъ затрудненія разрѣшаются сообразно основному принципу, установленному въ началѣ этой четвертой части касательно социального назначенія аффективнаго пола, обусловленнаго его естественной организаціей. Являясь самородными органами чувства, которое одно только и управляетъ челоуѣческимъ единствомъ, женщины составляютъ болѣе прямой и болѣе честный элементъ умѣряющей власти, призванной все болѣе и болѣе морализировать необходимое владычество матеріальной силы. Онѣ отправляютъ свои обязанности моральнаго воспитанія челоуѣчества сперва какъ матери, затѣмъ какъ жены. Отсюда ясно, что ихъ жизнь должна стать все болѣе и болѣе домашней и ихъ общее образованіе все болѣе и болѣе полнымъ, дабы ихъ социальное положеніе позволяло имъ лучше выполнять свое призваніе.

ГЛАВА XXII.

Награда, связанная съ аффективной миссіей женщины.

Теперь легко дододать это краткое опредѣленіе назначенія женщины характеристикой естественной награды, выпадающей на ея долю.

Никакое другое призваніе не дастъ понятія въ такой же мѣрѣ, насколько счастье каждаго существа состоитъ, главнымъ образомъ, въ развитіи своей естественной функцій. Ибо всѣ женщины, въ сущности, имѣють одну и ту же миссію—любить. Но она является единственной, которая допускаетъ неограниченное число исполнителей, и отнюдь не боится соперничества, расширяется съ увеличеніемъ числа участниковъ. Предназначенная поддерживать аффективный источникъ челоуѣческаго

единства, женщины испытывают наибольшее счастье, когда они надлежащим образом понимают свое истинное призвание и когда они могут свободно его исполнять. Их социальная служба отличается той удивительной чертой, что она поощряет развитие их естественного инстинкта и предписывает им ээюцию, которая все люди предпочитают всему другому.

Таким образом, женщинам, вообще, остается только желать, чтобы окончательное возрождение лучше приворовало их социальное положение къ их назначению, освобождая их, съ одной стороны, отъ великой внешней дятельности и обеспечивая, съ другой—ихъ справедливое моральное влание. Позитивный-же режимъ прямо удовлетворяет это двойное желаніе, благодаря совокупности материальных, умственных и моральных улучшеній, которая они вносятъ въ жизнь женщины.

Но помимо этого естественнаго вознагражденія за высоко полезную службу, позитивизмъ долженъ выработать по отношенію къ женщинамъ то, что средніе вѣка могли понятиаться сдѣлать, именно, систематизировать постоянную привязанность, все болѣе и болѣе внушаемую ихъ спастельнымъ моральнымъ вланиемъ. Однимъ словомъ, новая всеобщая доктрина одна только можетъ надлежащимъ образомъ установить одновременно общественный и частный культъ женщины. Это будетъ первая постоянная ступень основнаго культа Человѣчества, которая явится общимъ центромъ, какъ философскаго, такъ и политическаго позитивизма, какъ и это объяснено въ заключеніи настоящаго Обзорія.

ГЛАВА XXIII.

Женщина и рыцарство.

Наши рыцарскіе предки сдѣлали въ этомъ отношеніи удивительныя попытки, опбвенныя въ настоящее время только женщинами. Но ихъ благородныя усилія не могли быть достаточны, въ силу сашкомъ воинственнаго характера ихъ общественнаго чувства, а также вслѣдствіе неудовлетворительности господствовавшей доктрины. Тѣмъ не менѣе, они оставили въ этой области вѣчные памятники, и даже мы имъ обязаны наилучшей частью нашихъ западныхъ нравовъ, хотя уже значительно измѣненныхъ нашею анархіей.

Отрицательная философія послѣдняго вѣка утверждала, что рыцарство не можетъ никогда воскреснуть, такъ какъ оно связано съ отжившими вѣрованіями, ставшими отнынѣ остальныи. Но эта связь была скорѣе кажущаяся, чѣмъ реальная, и къ тому же носила часто временный характеръ. Она была неправильно преувеличена современными защитниками католицизма, которые не могли ясно различить аффективный источникъ этого поразительнаго учрежденія за его теологическимъ освещеніемъ.

Феодальное чувство, безъ сомнѣнія, составляла прямое и естественное начало рыцарства; оно было затѣмъ санкціонировано католицизмомъ, который являлся тогда

единственнымъ систематическимъ органомъ. Но теологическій принципъ въ основѣ мало соответствовалъ рыцарскому духу; согласно первому челоувѣкъ долженъ былъ сосредоточивать всю свою заботу на химерическомъ будущемъ, между тѣмъ какъ второй направлялъ всю свою энергію къ реальной жизни. Постоянно служа то своему Богу, то своей дамѣ, средневѣковій рыцарь не могъ познать того полнаго моральнаго единства, которое одно только могло бы всецѣло развить его добровольную и благородную миссію.

Приближаясь къ концу революціоннаго переходнаго времени, мы начинаемъ понимать, что рыцарство далеко отъ окончательнаго исчезновенія и должно занять преобладающее мѣсто въ новомъ строѣ, покоющемся на болѣе мирномъ общественномъ чувствѣ и на болѣе человѣчной доктринѣ. Ибо это важное учрежденіе отбичало основной потребности, все болѣе развивавшейся по мѣрѣ того, какъ челоувѣчество просвѣщается; а именно: добровольное покровительство всѣмъ слабымъ. Переходъ отъ завоевательной дятельности древнихъ къ защитительной политикѣ феодальныхъ воиновъ долженъ былъ вызвать его первое общее проявленіе, одобренное въ ту эпоху господствующими вѣрованіями. Непреложное-же преобладаніе мирной жизни еще болѣе станетъ способствовать его расширенію, когда эта великая свѣтская черта современнаго порядка будетъ надлежащимъ образомъ систематизирована и морализирована. Только назначеніе рыцарскаго чувства преобразуется сообразно благотворному измѣненію, все болѣе и болѣе вносимому нашею цивилизаціей въ обычную форму притвенія. Такъ какъ матеріальная сила утеряла свой военный характеръ и приобрѣла характеръ промышленный, то преслѣдованіе имѣетъ своимъ объектомъ не личность, а имущество.

Это окончательное преобразование представляетъ много преимуществъ какъ потому, что оно уменьшаетъ серьезность опасности, такъ и потому, что оно дѣлаетъ покровительство болѣе легкимъ и болѣе прѣсобразнымъ; но оно никогда не избавитъ отъ добровольнаго и даже систематическаго покровительства. Истинный разрушенія дать себя всегда живо чувствовать у всѣхъ тѣхъ, кои будутъ имѣть, въ какой бы то ни было формѣ, возможность ему предаваться.

Такимъ образомъ, въ позитивномъ строѣ должно естественно имѣть мѣсто, какъ общее добавленіе къ систематизаціи нравственности, правильное развитіе рыцарскихъ нравовъ у свѣтскихъ начальниковъ. Тѣ изъ нихъ, кои будутъ одушевлены такимъ же великодушіемъ, какъ ихъ героическіе предшественники, посвящая свободной зацдѣ всѣхъ угнетенныхъ не свою славу, но свое богатство, свою дятельность, въ случай надобности всю свою энергію. Точно также, какъ въ средніе вѣка, это добровольное служеніе будетъ практиковаться, главнымъ образомъ, по отношенію къ классамъ, особенно страдающимъ отъ свѣтскаго гнета, т. е. по отношенію къ женщинамъ, философамъ и пролетаріямъ. Невозможно предположить, чтобы учрежденіе, наилучше проникнутое социальнымъ чувствомъ, могло бы остаться чуждымъ строю, который наиболѣе полно развиваетъ общественное чувство.

Съ этой точки зрѣнія, окончательное пересозданіе рыцарскихъ нравовъ приведетъ только къ обновленію великаго средневѣковаго учрежденія, соответствующее новому умственному и социальному состоянию. Теперь, какъ и тогда, самоотверженное служеніе сильнымъ на пользу слабымъ станетъ естественнымъ продолженіемъ почи-

нения позитивной морали. Именно таким путем управляющая власть находит великодушных покровителей именно в избранных управляющей власти, которую она должна заставить достойно и строго выполнять свои социальные обязанности. Но, помимо этого общего суждения, феодальное рыцарство имело по отношению к женщинам более специальное и более интимное назначение, касательно которого происхождение позитивного строя будет наиболее полным и наиболее очевидным.

В своей попытке образовать культ женщины, феодальное чувство встретило со стороны католического принципа мало содействия и во многих отношениях даже серьезные препятствия. Будучи непосредственно неблагоприятными для истинной взаимной привязанности, христианские нравы способствовали ей только косвенно, предписывая постоянное целомудрие, необходимое условие настоящей любви. Во всех других отношениях рыцарским симпатиям приходилось вести непрерывную борьбу с эгоистической суровостью режима, который всегда допускал брак лишь как неизбежную слабость, неблагоприятную личному спасению. Даже благотворная заповедь о целомудрии была тогда искажена корыстными мотивами, значительно вредившими ее моральному значению. Вот почему, не взирая на поразительное постоянство наших великодушных предков, в средние века могли быть сделаны только несовершенные попытки установить культ женщины, особенно в народных нравах. Вопреки эмпирическим притязаниям католицизма, есть полное основание полагать, что, если бы феодальное состояние могло развиваться под влиянием политеизма, рыцарская чувствительность скорее одержала бы верх.

ГЛАВА XXIV.

Культ женщины.

Только позитивный строй, в котором, в виду цельности систематизации, нравы всегда будут благоприятствовать правам, дает почву для полного развития культа женщин. Возводя привязанность в главное женское свойство, новый культ отведет, однако, достойное место целомудрию, которое он сделает, наконец, ее его истинным источником и существенным назначением, как главное условие счастья и совершенствования. Глубокое изучение человеческой природы без труда укажет в этом важном вопросе жалкие софизмы, внушаемые нашей анархией поверхностным умом, соединенным с грубыми сердцами. Даже научный материал предстает в этом отношении мало действительных препятствий моральной миссии позитивизма. Известный врач Гюффандт уже замечал, что весьма известная мощь древних рыцарей вполне устраняет всякое серьезное возражение о физических опасностях постоянного воздержания. Не расценивая различия части этого вопроса, позитивная оценка легко установит, что целомудрие, налаженное сначала как условие великой глубокой привязанности, не менее важно для материального и интеллектуального совершенствования человека и человечества, равно как и для их морального прогресса.

Как видно из соображений, изложенных в этой четвертой части, позитивизм располагает как ум, так и сердце надлежащим образом осуществлять в течение всей действительной, как частной, так и общественной, жизни, одновременно индивидуальный и коллективный культ попом активным позитивизма. Созданный чтобы любить и быть любимым, освобожденный от великой практической ответственности, добровольно удалившийся в домашнее святилище, наши западные позитивисты всегда встрять в себя чистое уважение и вполне искреннюю правдивость. Как естественные жрицы Человечества, они будут свободны от собственных сомнений и от страшного соперничества истинного бога. Каждый из нас с детства научится видеть во всем поль главного источника человеческого счастья и совершенствования, как общественного, так и частного.

Все эти сокровища любви, которых наши предки утратили ради мистической цели и которыми наши революционные нравы затмевали пренебрегая, будут тогда заботливо собраны и припрятаны к их настоящему назначению народами, чуждыми всякой уважающей химеры. Существа, созданные для действия и проникнутые сознанием своей власти над реальным миром, будут полагать свое высшее счастье в достойном подчинении благотворному моральному влиянию существ, посвященных любви. Одним словом, мужчина будет сгибать колена только перед женщиной.

Это постоянное поклонение женщин вытекает из глубокой признательности постоянно определенной точной оценкой реальных благодетельных полей эффективного по отношению к полу действующему. В силу привычного убеждения, каждому позитивисту станет ясно, что наше истинное благополучие, как частное, так и общественное, зависит, главным образом, от морального совершенствования, и что последнее преимущественно обуславливается влиянием женщины на мужчину, сначала как матери, затем как жены. Невозможно, чтобы подобное постоянное чувство не вызвало уважения и деятельного уважения к полу, который, в силу своего социального положения, устроен от всякого корыстного соперничества. По своему социальному положению, устроен от всякого корыстного соперничества. По своему социальному положению, устроен от всякого корыстного соперничества.

Но этот культ, первоначально вытекавший из признательности, естественно питаемой мужчинами по отношению к женщинам, будет затем, благодаря систематической оценке, признан за новое средство достигнуть счастья и совершенства. Моральное несовершенство действующего пола предписывает ему развиваться путем беспрестанного упражнения, а именно чувства, которые у него слишком бездельны. Ничто не может лучше способствовать выполнению этого важного условия, чем привычное осуществление на практике частного и общественного культа женщины. Именно таким путем позитивизм вновь найдет ту высокую моральную пользу, которую католицизм извлекал из молитвы.

При поверхностной оценке этот религиозный обычай представляется теперь неотделимым от суеверных местаний, обусловивших его зарождение у первобытных людей. Но католическая систематизация всегда стремилась его от них освободить, хотя теологическое мировоззрение никогда не могло этого позволить в

полной мѣры. Начиная со Св. Августина, всѣ чистыя души, возмущаясь надъ христіанскимъ эгоизмомъ, все болѣе и болѣе понимали, что молитва не должна быть непременно просьбой. Когда возобладаетъ истинная теорія человѣческой природы, станетъ возможнымъ лучше оцѣнить эту высокую функцію, которую окончательный порядокъ долженъ болѣе развить, на основаніи лучшаго принципа.

Въ нормальномъ состояніи человѣчества молитва, очищенная отъ личнаго расчета, станетъ, согласно ея истинному назначенію, торжественнымъ индивидуальнымъ или коллективнымъ изліаніемъ великодушныхъ чувствъ, всегда связанныхъ съ общими восторганами. Позитивизмъ предпшетъ ежедневную молитву, какъ средство противъ агонистическихъ побужденій и узкихъ идей, обыкновенно внушаемыхъ активной жизнью. Она, поэтому, будетъ рекомендоваться, главнымъ образомъ, мужчинамъ, такъ какъ они болѣе нуждаются въ подобномъ средствѣ, которое привело бы ихъ регулярно къ цѣльнымъ взглядамъ и къ безкорыстнымъ привязанностямъ, отъ которыхъ обычная дѣятельность ихъ удаляетъ.

Дабы лучше обезпечить ея цѣлесообразность, важно, чтобы ея предметъ былъ ясно определенъ. А это условіе естественнымъ образомъ выполняется культомъ женщины, который можетъ потому стать болѣе благотворнымъ, чѣмъ культъ Бога. Безъ сомнѣній, человѣческая молитва должна въ конечномъ итогѣ имѣть въ виду прежде всего Человѣчество, какъ я это особо укажу въ концѣ настоящаго «Обзора». Но эта цѣль была бы слишкомъ смутна и не дала бы тѣхъ спасительныхъ результатовъ, которые можно ожидать отъ подобнаго обычая. Возможно, что женская любовь способна на такое внезапное и прямое расширеніе. Но какъ бы то ни было, активный полъ даже въ лицѣ класса высшаго, лучше склоннаго все обобщать, не можетъ на это притязать. Потому сначала частный, затѣмъ общественный культъ женщины одинъ только можетъ подготовить мужчину къ реальному культу Человѣчества.

Врядъ ли есть такой несчастивецъ, который не могъ бы найти среди женщинъ достойнаго предмета—будь то жена или мать—особой привязанности, которая была бы въ состояніи предохранить его сердце отъ неосторожества въ его частномъ обожаніи любимаго пола. Смерть, которая, кажется, должна разрушать этотъ личный культъ, напротивъ, можетъ, когда послѣдній прочно построенъ, его укрѣпить, сильнѣе его очисти. Позитивизмъ сумѣетъ ясно показать связь настоящаго со всѣмъ прошлымъ и даже будущимъ не только въ коллективной жизни. Когда его доктрина, объединяющая всѣхъ индивидуумовъ и всѣ поколѣнія, станетъ привычной, она позволитъ каждому лучше оживить свои наиболее дорогія воспоминанія. Сверхъ того, въ позитивномъ строе, даже у самыхъ незначительныхъ гражданъ, частная жизнь будетъ глубоко связана съ общественной жизнью. Хорошо просвѣщенные умы уже привыкли жить со своими выдающимися предшественниками среднихъ вѣковъ и даже древности почти также, какъ они жили бы со своими отсутствующими друзьями. Почему сердце, гораздо болѣе энергичное чѣмъ умъ, не могло бы также позволить это идеальное воскресеніе?

Общественная жизнь даетъ намъ уже частые примѣры въ высокой степени развитыхъ у цѣльныхъ народовъ симпатій и антипатій по отношенію къ главнымъ историческимъ личностямъ, въ особенности, когда ихъ дѣятельное вліаніе до-

стично оцѣнкѣ. Ничто не мѣшаетъ распространить на частные случаи и на личные отношенія подобную аффективную способность.

Наша моральная культура совершалась до сихъ поръ при столь мало удовлетворительномъ режимѣ, что мы не можемъ теперь себѣ достаточно представить, какъ успѣшно будетъ ея позитивное преобразованіе, при которомъ всѣ чувства и мысли сосредоточатся на человѣческой жизни. Возможность жить съ усющими является однимъ изъ наиболее драгоцѣнныхъ преимуществъ человѣчества, у котораго эта возможность развивается все болѣе по мѣрѣ того, какъ его идеи расширяются и его чувства очищаются. Позитивизмъ долженъ способствовать самопроизвольному и систематическому увеличенію этой возможности не только для общества, но и для отдельныхъ лицъ. Онъ распространить ее также на будущее, позволяя намъ жить съ тѣми, которые еще не родились; это саяніе съ будущими поколѣніями было невозможно раньше только въ виду отсутствія истинной исторической теоріи, обнимающей однимъ цѣльнымъ взглядомъ судьбу человѣчества. Масса примѣровъ показываетъ намъ способность человѣческаго сердца на эмоціи, не имѣющія другаго объективнаго основанія, кромѣ идеальнаго. Видѣнія, свойственныя полтеисту, мистическія чувства монотеиста знаменуютъ собой въ прошломъ естественную способность, которую будущее должно использовать, давая ей болѣе реальное и болѣе благородное назначеніе, соответствующее лучшей общей философіи.

Такимъ образомъ, даже тѣ, коимъ не посчастливилось бы найти достойнаго предмета личной привязанности, могли бы, тѣмъ не менѣе, надлежащимъ образомъ установить для себя частный культъ женщины, избирая среди нашихъ предшественницъ наиболее подходящій къ ихъ собственной природѣ типъ. Люди съ болѣе сильными воображеніемъ могли бы открыть такимъ же путемъ область будущаго, создавая себѣ еще болѣе совершенный идеалъ.

Въ сущности, то, о чемъ мы сейчасъ говоримъ, часто дѣлалъ наши рыцарскіе предки, несмотря на свое наивное невѣжество. Усвоеніе ядромъ исторической теоріи должно увеличить въ этомъ отношеніи наши естественныя способности.

Позитивная доктрина тѣмъ лучше распространитъ эту благотворную способность на будущее и на прошлое, что она сумеетъ ее предохранить отъ всякаго ослабляющаго указанія отъ предмета, подчинивъ ее объективнымъ законамъ, могущимъ слерживать самопроизвольное неосторожство человѣческаго сердца.

ГЛАВА XXV.

Куль женщины подготавливает культ Человѣчества.

Я долженъ былъ настаивать на этомъ иногда реальномъ, иногда идеальномъ учрежденіи частнаго и индивидуальнаго культа женщины, потому что иначе ея общественный и коллективный культъ не будетъ имѣть свойственнаго ему глубокаго моральнаго значенія. Объединеніе мужчинъ способствуетъ укрѣпленію и развитію ихъ собственныхъ чувствъ, но не можетъ внушить имъ таковыхъ, и если бы каждый въ отдаленности не чувствовалъ постоянно въжачаго благоговѣнія къ тѣмъ, на комъ сосредоточены наши главныя страсти, то толпа, состоящая изъ такихъ личностей, ограничивалась бы повтореніемъ въ храмахъ Человѣчества пустыхъ формулъ въ честь женщинъ. Но тѣ, кои саженою искренно заливаютъ перды ними свои сокровенныя въжача чувства, часто смогутъ при ихъ дѣйствительномъ содѣйствіи восславить свои благородныя страсти до наиболее благовернаго энтузіазма.

Въ моемъ последнемъ письмѣ къ моему въжачу подругѣ я ей говорю: «среди самыхъ тяжкихъ мученій, какія только могутъ вытекать изъ привязанности, я не переставалъ чувствовать, что главное условіе счастья—это, чтобы сердце было всегда переполнено любовью къ достойному предмету¹⁾». Письмъ нашей роковой объективной раздуми, повседневный опытъ лучше подтвердилъ эту оцѣнку, которая, сверхъ того, вполне созвучаетъ съ истинной теоріей человѣческой природы. Вотъ посредствомъ усвоенія подобнаго индивидуальнаго привычекъ можно владеющаго образомъ подготовить практическое осуществленіе искренняго коллективнаго поклоненія женщинъ.

Позитивизмъ, безспорно, еще болѣе способенъ къ этому общественному культу женщины, чѣмъ къ ея частному культу. Но только систематическое преобладаніе социальной точки зрѣнія позволяетъ воздавать подобное уваженіе основному назначенію любящаго пола. Въ средніе вѣка въ большихъ собраніяхъ рыцари проявляли одновременно свои различныя индивидуальныя чувства, не поднимаясь, однако, никогда выше простаго коллективнаго продолженія частнаго культа. Хотя этотъ частный культъ долженъ оставаться предверіемъ общаго, послѣдній будетъ состоять, главнымъ образомъ, въ прямомъ проявленіи признательности народа къ женскому полу за социальное служеніе въ качествѣ естественнаго органа основнаго принципа человѣческаго единства и перваго элемента умѣряющей власти. А подобная оцѣнка была невозможна въ средніе вѣка, за отсутствіемъ настоящей социальной теоріи, обнимающей совокупность реальныхъ отношений. Она даже была бы несогласна съ господствующей доктриной, въ которой Богъ присвоилъ Себѣ мѣсто Человѣчества.

¹⁾ См. Записки Огюста Конта.

ГЛАВА XXVI.

Исключительныя женщины.

Восхваленіе исключительныхъ женщинъ настолько входитъ въ задачи позитивизма, что онъ можетъ такое распространить даже на аномаліи. Безъ сомнѣнія, общественный культъ женщины, какъ и ея частный культъ, долженъ относиться, главнымъ образомъ, къ характеризующему ее аффективному призванію. Но слѣдуетъ также умѣть воздавать должныя почести исключительнымъ натурамъ, которыя оказали дѣйствительныя услуги Человѣчеству либо на попріи чистаго мышленія, либо въ области практической дѣятельности, еще болѣе чуждой женскому типу.

Абсолютный характеръ теологической философіи лишилъ ее подобной гибкости, которая тяжело отразилась бы на ея главныя социальные предисловіяхъ. Поэтому католицизмъ, несмотря на свои первоначально искреннія сожалѣнія, вынужденъ былъ оставлять безъ почитанія имать замѣчательнѣйшихъ женщинъ, культъ которыхъ былъ бы тогда, на самомъ дѣлѣ, еще болѣе вреденъ для морали, чѣмъ полезенъ для политики. Ничто не характеризуетъ лучше это необходимое безсіея теологической философіи, какъ удивительная исторія героической дѣвы¹⁾, спасшей Францію въ четырнадцатомъ вѣкѣ. Людовикъ XII, справедливо оцѣнивая ея выдающіяся заслуги, возбудилъ вопросъ объ ея канонизаціи, которая была одобрена папскою властью. Однако, эта власть не опредѣлила какъ осуществлять на практикѣ почитаніе ея памяти, и это скорѣй привело духовенство къ тому, что оно постепенно охладѣло къ этому великому имени, которое особенно напоминало ему о его социальномъ безсіея. Такое поведеніе нисколько не случайно и даже не является достойнымъ нормаліи; ибо оно было сначала подсказано весьма законными въ то время опасеніями моральныхъ опасностей, связанными съ подобнымъ чествованіемъ, которое могло поддѣлываться извращающимъ образомъ на женскія права.

Но эта несомнѣтельность существуетъ только для абсолютной доктрины, исповѣданію прославлять исключительную женщину безъ того, чтобы не нарушить правъ. Позитивизмъ еще убѣдительнѣе, чѣмъ католицизмъ, доказываетъ, что военная жизнь чрезвычайно далека отъ истиннаго призванія женщины. Тѣмъ не менѣе, онъ одинъ только можетъ достойно чествовать безподобную дѣву чествованіемъ памяти которой пренебрегла теологическая философія, вслѣдствіе своего безсіея, и которую метафизическій инстинктъ осмѣлился очернить даже во Франціи. Торжественное помяновеніе ея въ каждую годовщину ея славнаго мученичества будетъ не только національнымъ, но также западно-европейскимъ, какъ и совершенно ею огромное благодѣаніе, безъ котораго нормальный центръ избранныхъ народовъ, быть-можетъ, потерялъ бы свою независимость, необходимую для его европейской роли. Сверхъ

¹⁾ Жанна д'Аркъ.

того, так как весь Запад больше или меньше разделяет заблужденія вольтерпанства, онъ долженъ равнымъ образомъ весь, безъ исключения, способствовать ихъ позитивистскому исправленію.

Отнюдь не оскорбляя женскихъ правотъ, это исключительное прославление сможетъ ихъ укрѣпить, характеризуя данный случай, какъ уклоненіе отъ нормы и показывая при какихъ условіяхъ возможно подобное почитаніе. Это явится новымъ подтвержденіемъ того, что относительный характеръ позитивизма сообщаетъ ему многія моральныя преимущества, такъ какъ только позитивизмъ способенъ цѣнить исключенія, не ослабляя значенія правилъ. Это назначеніе позитивистскаго культа женщины мужично вызываетъ весьма цѣкнотливый вопросъ относительно способа удовлетворенія такой же потребности у другого пола. Если мужчины не могутъ прямо подняться до реального культа Человѣчества иначе, какъ черезъ это естественное предпріе, то женщины, хотя и больше любящія, быть-можетъ, также нуждаются въ аналогичной подготовкѣ. Но у нихъ она, конечно, должна принять иное направленіе, дабы лучше развить у каждого пола тѣ моральныя качества, которыя ихъ природа оставила недостаточно развитыми. Но энергія также является характерной чертой Человѣчества, какъ и въжичность, какъ это показывается яснымъ двусмысленное значеніе слова сердце. Мужична, недостаточно въжичны отъ природы, нуждаются въ этомъ отношеніи въ частомъ упражненіи, что представляется для него возможнымъ на почвѣ поклоненія женщины. Напротивъ, аффективный полъ, у котораго ощущается недостатокъ въ энергіи, долженъ направить свою специальную подготовку къ окончательному культу Человѣчества такъ, чтобы болѣе развить въ себѣ мужество, чѣмъ любовь. Но я, какъ мужчина, не въ состояніи глубоко наследовать эти интимныя потребности женскаго сердца. Философскій свѣтъ открываетъ мнѣ этотъ незамѣченный пробѣлъ, не давая мнѣ, однако, возможности его заполнить. Эта задача можетъ быть разрѣшена только женщиной; и я ее предоставляю бы моей неслабейшей подругѣ, если бы тому не помѣшала ее преждевременная смерть, которую, я надѣюсь, будетъ оплакивать со мной весь цивилизованный міръ.

Мысли, изложенныя въ этой четвертой части, заставляютъ меня, какъ философа, глубоко чувствовать вашу объективную разсудку. Я полагаю, что мнѣ удалось вполнѣ установить основную способность позитивизма надлежащимъ образомъ приобщить женщинъ къ великому современному движенію, осуществляя, лучше чѣмъ католицизмъ, всѣ ихъ желанія домашняго и социальнаго характера, въ виду той благородной и естественной роли, которую онъ имъ отводитъ въ окончательномъ стрѣбѣ. Тѣмъ не менѣе, я не могу надѣяться на ихъ дѣятельное участіе, которое могло бы вытекать изъ достаточнаго усвоенія ими подобнаго воззрѣній, покада изложеніе таковыхъ не будетъ сдѣлано женщиной, единственно способной вполнѣ приспособить его къ ихъ характеру и ихъ привычкамъ. До тѣхъ поръ ихъ даже будутъ считать неспособными понять когда-либо новую философію, несмотря на то, что онѣ, какъ это было выше указано, въ силу своей природы, сами собою тяготеютъ къ позитивизму.

Всѣ эти препятствія оказались вполнѣ устраняемыми содѣйствіемъ моей благородной и въжичной подруги, которой я посвящаю этотъ новый трактатъ. Хотя это

исключительное посвященіе можетъ показаться преувеличеннымъ, я боюсь теперь, пять лѣтъ спустя послѣ этого изъясненія моего благоговѣнія, что я слишкомъ слабо выражалъ ту глубокую признательность, которую я чувствую къ этой женщинѣ за ее добродѣтельное вліяніе, безъ котораго моральное развитіе позитивизма было бы надолго отеречено.

Однако выдающаяся какъ по своему уму, такъ и по своему сердцу, Клотильда де Во понимала способность новой философіи надлежащимъ образомъ преобразовать женское вліяніе, столь искаженное, начиная съ конца среднихъ вѣковъ, во время революціоннаго переходнаго состоянія. Непонятая всѣми, особенно своей собственной семьей, она, однако, благодаря своей великой душѣ, не питала никакой злобы къ людямъ. Не взирая на верснжнтя ея столь же необыкновенныя, сколь и незаслуженныя несчастья, она, благодаря своей исключительной чистотѣ, не поддавалась разрушающимъ семью софизмамъ, раньше даже, чѣмъ она оцѣнила умомъ истинную теорію брака. Единственный трудъ¹⁾, который она написала, содержитъ въ этомъ отношеніи удивительное правило, которое въ виду собственной судьбы автора становится особенно трогательнымъ: «Недостойно великихъ сердецъ, — говоритъ она, — распространять на другихъ испытываемыя ими душевныя тревоги». Въ престелной неволѣ, предшествующей ея работѣ по позитивизму, мы находимъ ниже принудимое характерное мнѣніе о призваніи женщины, столь убѣдительно въ устахъ такого судьи: «Доставлять мужичий удобства и радости домашняго очага и получать отъ него взаимныя средства къ существованію, доставляемаыя трудомъ», развѣ это не истинное назначеніе женщины? Мнѣ гораздо пріятнѣе видѣть блудную мать семейства, старающую болѣе своихъ дѣтей, чѣмъ распространяющую ради заработка, внѣ семьи, плоды своего ума. Я исключю, конечно, выдающихся женщинъ, которыхъ ихъ гений толкаетъ вонъ изъ узкихъ домашнихъ сферъ. Такія женщины должны получить возможность свободно развивать свои общественныя дарованія, ибо проявленіе есть истинный свѣточъ, освѣщающій путь высшихъ умовъ».

Эти мысли, высказанныя молодой дамой, столь же замѣчательной по своей красотѣ, сколь и по своимъ нравственнымъ качествамъ, уже являются достаточнымъ опроверженіемъ нашихъ анархическихъ утопій. Но, кромѣ того, сочиненіе болѣе обширное, которое смерть помѣшала закончить, было прямо предназначено для отраженія ударовъ, нанесенныхъ основанъ семьи одной краснорѣчивой современницей, уступившей, однако, нашему автору, какъ въ талантѣ, такъ и въ добродѣтели. Руководимая чувствомъ, эта высокодаренная душа умѣла починиться справедливому вѣзднію ума. Прислуная къ своимъ позитивистскимъ работамъ, она мнѣ писала: «Я лучше, чѣмъ кто бы то ни было, поняла слабость нашей природы, когда она не направляется къ возвышенной и недостойной страстямъ цѣль». Немного времени спустя, среди наиболее пріятныхъ дружескихъ извѣстій, съ женско перо, почти безсознательно, начертала слѣдующую глубокую моральную сентенцію: «Нашему роду, болѣе чѣмъ любому другому, нужны обязанности, чтобы воспитывать чувства».

Неудивительно поэтому, что моя святая Клотильда, имѣя такую подготовку,

¹⁾ Перепечатано въ началѣ 1-го тома «Système de Politique positive».

правильно поняла моральное значеніе позитивизма, хотя она могла посвятить изученію этого вопроса только послѣдній годъ своей жизни. За нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти она мнѣ писала по этому поводу: «Если бы я была мужчиной, вы ишли бы въ моемъ лицѣ восторженнаго ученика; я вамъ предлагаю звѣздить искреннюю поклонницу». Это самое письмо слѣдующимъ образомъ характеризуетъ ея предвзвѣсившее участіе въ моральномъ установленіи новой философіи: «Женщина всегда вытравляетъ отъ того, что скромно идетъ позади новаторовъ, хотя и теряетъ при этомъ часть своего порыва». Тутъ же характеризуетъ нашу умственную анархію, она даетъ слѣдующій прекрасный образъ: «мы всѣ стоимъ еще нетвердой ногой у порога истины».

Подобная сотрудница, объединявшая въ своемъ лицѣ всѣ качества, разъяснявшая до сихъ поръ между различными выдающимися женщинами, сумѣла бы вскорѣ приобщить свой полъ къ окончательному возрожденію, такъ какъ она уже осуществила нормальное возбужденіе чувства на разумомъ, въ чемъ и должно затѣмъ состоять главное социальное служеніе женщинъ. По ея достаточномъ ознакомленіи съ позитивной философійю, я хотѣлъ указать опредѣленному, хотя и обширному цѣлу всему ея сотрудничеству въ области позитивизма, — цѣлу, вполне соответствующую ея интеллектуальной и моральной природѣ.

Я считаю долгомъ вложить здѣсь эту цѣлу, дабы лучше охарактеризовать особое участіе женщинъ въ установленіи на Западѣ позитивизма, которое аналогично ихъ конечной социальной службѣ. Оно касается, главнымъ образомъ, двухъ многочисленныхъ южныхъ народовъ. У другихъ народовъ оно ограничивается вліяніемъ на отдѣльныхъ лицъ, которыя, хотя и живутъ въ эмансипированной средѣ, отстаютъ въ своемъ развитіи. Многочисленные успѣхи, которые уже были достигнуты въ этомъ послѣднемъ случаѣ, напередъ убѣждаютъ меня въ общемъ значеніи ниже приводимыхъ средствъ.

ГЛАВА XXVII.

Женщины распространяютъ позитивизмъ среди населенія южныхъ странъ.

Освобожденіе мысли на Западѣ началось у двухъ сѣверныхъ народовъ ¹⁾ и сопровождалось весьма опасностями, сопряженными съ движеніемъ, которое могло быть въ то время только эмпирическимъ. Благодаря установленію протестантства, застой, созданный метафизикомъ, пріобрѣлъ постоянство, которое очень вредно отразилось на прогрессѣ прошлыхъ эпохъ и которое составляетъ еще и теперь главное препятствіе для рѣшительнаго обновленія. Набавленный, къ счастью, отъ этой мнимой рефор-

¹⁾ Англія и Германія.

Пер.

маціи, нормальный центръ Западной республики ¹⁾ наверстала затѣмъ потерянное время, перейдя сразу, подъ вліяніемъ вольтеріанства, къ полной эмансипаціи, позвалившей ему вновь занять естественно присущее ему мѣсто главы общаго окончательнаго возрожденія. Но, избѣгнувъ, такимъ образомъ, неспособительности и колебаній протестантства, французскій народъ оказался беззащитнымъ отъ анархическихъ тенденцій, которыя должны были вызвать полное преобладаніе революціонной метафизики. Это систематическое отращиваніе, продолжавшееся слишкомъ долго, составляетъ теперь главное препятствіе для окончательнаго преобразованія, которое оно столь удачно подготовило.

Можно поэтому надѣяться, что при своемъ неизбежномъ распространеніи у двухъ южныхъ народовъ, западная эмансипація найдетъ болѣе благоприятныя условія среди населенія, гдѣ католицизмъ лучше устоялъ до сихъ поръ сперва противъ протестантства, затѣмъ противъ деизма. Если Франція перескочила черезъ католицизмъ, почему бы Италия и даже Испанія не могли бы миновать также вольтеріанство? Естественнымъ возмущеніемъ кажущейся отсталости южныхъ народовъ было бы то, что они прямо перешли бы отъ католицизма къ позитивизму, не останавливаясь серьезно ни на какомъ отрицательномъ ученіи. Хотя новая философія не могла зародиться среди этихъ народовъ, вслѣдствіе ихъ недостаточной предварительной подготовки, она, тѣмъ не менѣе, можетъ тамъ сразу занять преобладающее положеніе, послѣ того какъ она будетъ надлежащимъ образомъ разработана въ своемъ естественномъ очагѣ. Достаточно, чтобы позитивизмъ, не занимаясь никакой прямой критикой, отнынѣ сталъ бы непосредственно конкурировать съ католицизмомъ на почвѣ всѣхъ его вышшихъ или даже прошлыхъ социальныхъ функций.

Всѣ памятники, въ особенности поэтическіе, свидѣтельствуютъ, по крайней мѣрѣ относительно Италии, что до религіознаго движенія, начатаго Лютеромъ, западныя кѣрванія были въ большинѣ увидѣны на Югѣ, чѣмъ на Северѣ. Отсталое сопротивленіе католицизма не могло тамъ достаточно оживить христіанскую вѣру. Эти народы, которые считаются отсталыми, въ дѣйствительности нечувствуютъ позрѣнія католицизма только потому, что не находятъ другого пути для реального удовлетворенія своихъ моральныхъ и социальныхъ потребностей. Сердце тамъ лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, расположено къ позитивизму, такъ какъ тамъ менѣе извращены истинный брѣтства, который у сѣверныхъ протестантовъ получалъ столь тяжелые удары отъ развитія промышленности. Въ то же время умъ тамъ менѣе далекъ основному принципу новой полемики о нормальномъ отдѣленіи свѣтской власти отъ духовной.

Такимъ образомъ, позитивизмъ тамъ достигнетъ рѣшительнаго преобладанія, какъ только будетъ признана его дѣйствительная способность удовлетворить лучше католицизма всѣмъ условіямъ, характеризовавшимъ средневѣковый режимъ. А такая оцѣнка принадлежитъ болѣе къ области чувства, чѣмъ къ области разума, такъ какъ эти условія были, главнымъ образомъ, моральныя. Поэтому подобная пронагандистская миссія вполне соответствуетъ особой природѣ женскаго таланта. Именно черезъ женщинъ позитивизмъ долженъ проникнуть въ Италію и Испанію, между тѣмъ какъ мужчины уже внесли его въ Англію и, въ особенности, въ Голландію, являю-

¹⁾ Франція.

Пер.

щуюся, начиная съ средних вѣсковъ, постояннымъ авангардомъ всей Германіи. Но этотъ призывъ къ позитивизму итальянцевъ и испанцевъ можетъ надеждамъ образомъ исходить только отъ выдающейся французкини, и отнюдь не отъ французъ, ибо слова, идущія отъ сердца, будутъ лучше поняты сердцемъ. Это краткое указаніе можетъ, мнѣ кажется, заставить отнѣяться моего несравненнаго друга, которому я назначалъ подобную роль, и подготовить ему достойную замѣстительницу.

Итакъ, первый рѣшительный призывъ подтверждаетъ мою естественную надежду привлечь женскія сердца къ философскому движению, указывающему имъ теперь высокую социальную миссію, которая является характернымъ началомъ ихъ будущаго нормальнаго сужденія. Какимъ бы исключительнымъ ни казалось это первое сотрудничество, оно могло только превратить общее присоединеніе женщинъ къ этому движению. Ибо одаренныя натуры только раньше другихъ подвержены превращеніямъ, которыя должны стать несободами и лучшими органами которыхъ онѣ являются. За исключеніемъ ея паразитическихъ природныхъ моральныхъ и умственныхъ качествъ, преждевременно сформировавшихся въ результатъ пережитого ею горя, никакія другія обстоятельства не располагали мою святую подругу стать въ ряды позитивистовъ. Если бы она принадлежала къ пролетаріямъ или къ необразованному классу, она, быть-можетъ, еще легче уловила основной духъ и социальное назначеніе новой философіи.

ГЛАВА XXVIII.

Женщина есть симпатическій элементъ умиротворяющей власти.

Какъ видно изъ соображеній, изложенныхъ въ этой четвертой части, наиболее систематическій элементъ умиротворяющей власти связанъ родственными узами съ наиболее симпатическимъ элементомъ, также какъ и съ элементомъ наиболее энергичнымъ. Только это присоединеніе женскаго элемента позволяетъ философомъ дополнить организацію моральной силы, основанной сначала на союзѣ съ народомъ. Дава теперь голчечъ преобразовательному движению, долженствующему завершить революцію, это рѣшительное сочетание умовъ философовъ, пролетаріевъ и женщинъ открываетъ уже окончательный порядокъ, такъ какъ каждый умиротворяющій элементъ будетъ дѣйствовать сообразно своему будущему нормальному назначенію и своему естественному положенію относительно руководящей власти. Такимъ образомъ, философскій элементъ, объединяющій два другихъ, найдетъ для своей социальной миссіи въ каждой семьѣ благоприятную частную помощь, уславливаемую въ каждомъ городѣ могущественнымъ общественнымъ сотрудничествомъ.

Всѣ вліянія, долженствующія оставаться чуждыми практическому управленію, будутъ тогда способствовать подчиненію спеціальной политики постояннымъ законамъ всеобщей морали. Въ исключительныхъ случаяхъ дѣятельное участіе народа будетъ избавлять два другихъ умиротворяющихъ элемента отъ всякаго прямого влія-

тельства, могущаго повлечь за собой искаженіе ихъ умозрительнаго или аффективнаго характера, которые важно поддерживать въ его первоначальной чистотѣ и поэтому держать ихъ всегда вдали отъ участія въ какой-либо власти.

Но эта двойная и основанная поддержка, дѣлая моральную силу болѣе значительной, чѣмъ въ среднѣ вѣка, поставитъ ея систематическимъ носителямъ тяжелыя условія. Въ особенности нужно будетъ, чтобы въ жреца Человѣчества его сердечныя качества всегда находились въ гармоніи съ его цѣльнымъ міросозерцаніемъ. Онъ сможетъ приобрести согласіе прекраснаго пола и помощь народа только при условіи, что онъ станетъ такимъ отзывчивымъ и чистымъ, какъ женщина и въ то же время такимъ энергичнымъ и безнечнымъ, какъ пролетарій. Безъ этого рѣзкаго соединенія моральныхъ качествъ, новая теоретическая власть никогда не достигнетъ того социальнаго вліянія, которое требуется позитивизмомъ. Хотя въ ея рукахъ будутъ всѣ внутренніе и внѣшнія средства вѣдѣній, она скорѣй пойметъ, что крайнее несовершенство человѣческой природы выдвигаетъ вѣчныя препятствія осуществленію характерной задачи позитивизма — установить постоянное преобладаніе общественнаго чувства надъ личнымъ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Эстетическая способность позитивизма.

ГЛАВА I.

Позитивизм и искусство.

Охарактеризовав основной дух и социальное назначение единственной философии, которая могла бы прекратить революцию, и достаточно разъяснив, каким образом это систематическое движение должно получить рѣшительное преобладание, благодаря дѣятельному сотрудничеству протестаріевъ и искреннему единомыслию женщинъ. Но преобразующая сила, основанная на этомъ сочетаніи трехъ элементовъ не обнимаетъ еще всей совокупности человѣческихъ способностей, если она не выдѣлитъ важнаго дополнительнаго условія, которое мнѣ остается еще охарактеризовать.

Разумокъ долженъ не только подчиняться чувству, помогая ему руководить дѣятельностью; необходимо также, чтобы онъ, не отдавая себя всецѣло во власть воображенія, побуждалъ и регулировалъ послѣднее. Въ нормальномъ состояніи нашей природы эстетическія функціи имѣютъ слишкомъ важное значеніе, чтобы ими можно было пренебрегать въ окончательномъ стрѣбѣ человѣчества и, слѣдовательно, въ систематизации, долженствующей его создать. Но позитивизмъ настолько удовлетворяетъ эти дополнительныя условія, что, несмотря на эмпирически предубѣжденія, мнѣ не трудно будетъ показать его прямую способность надлежащимъ образомъ упорядочить современное искусство, которое, начиная съ конца среднихъ вѣковъ, столь тщетно ищетъ общаго направленія и высокаго назначенія.

Новая философія мнѣ кажется заслуживающей дѣлаемыхъ ей обыкновенно упрековъ въ анти-эстетической тенденціи только тогда, когда ее смѣшиваютъ съ ея научнымъ введеніемъ, отъ котораго столь немногіе судьи умѣютъ теперь ее отличать. Ибо эти обвиненія могли, безъ основанія, направляться по адресу позитивной философіи, лишь пока она находилась на своей предарительной стадіи, на стадіи разсыпанной спеціализации, которую современные ученые неправильно продали. Ничто такъ не противорѣчитъ изысканіямъ искусства, какъ уметь взглянуть и характерныя для нашего научнаго направленія злоупотребленія анализомъ и разсужденіемъ; это направленіе, сверхъ того, весьма гибельно отражается на моральномъ развитіи, являющемся первымъ источникомъ всякой эстетической наклонности.

Но позитивный духъ необходимо освобождается отъ своихъ первоначальныхъ недостатковъ по мѣрѣ того, какъ онъ расширяется и систематизируется, переходя, согласно моему энциклопедическому закону, къ наиболее высокимъ изслѣдованіямъ. Дойдя до социальныхъ умозрѣній, составляющихъ его окончательное истинное назначеніе, онъ, въ силу характеризующей его реальности, долженъ обнять какъ эстетическія понятія, такъ и аффективные соображенія, дабы дѣйствительно представить всю совокупность человѣческихъ явленій, какъ индивидуальныхъ, такъ, въ особенности, коллективныхъ. Примирясь, такимъ образомъ, съ двумя родами переживаній, которыя онъ сначала отвергалъ, позитивизмъ, увлеченный ихъ естественной прелестью, искорѣ непереставно отдается имъ, и признаетъ, наконецъ, ихъ нормальное значеніе въ нашей личной или социальной организаціи. Вотъ какимъ образомъ боже полное и боже систематическое развитіе естественно прекращаетъ раздоръ, первоначально существовавшій между современнымъ разумомъ, съ одной стороны, и чувствомъ и воображеніемъ, — съ другой.

Всякій внимательный читатель, дойдя до этого мѣста настоящаго «Обора», долженъ будетъ убѣдиться въ отсутствіи мнимыхъ анти-эстетическихъ тенденцій у новой философіи. Если бы даже позитивизмъ не называлъ прямо изящнымъ искусствомъ важной роли, то и тогда его коменное вліяніе было бы для нихъ не менѣе благоприятно, въ виду его основнаго принципа, его характерной дѣян и его главныхъ средствъ. Вѣнственная философія, которая можетъ отнынѣ подчинить умъ сердцу, должна способствовать развитію нашихъ эстетическихъ способностей уже въ силу того, что она въбѣреть чувству, являющемуся истиннымъ источникомъ послѣднихъ, главную систематизирующую роль въ построении человѣческаго единства. Поэтому социальная доктрина, стремящаяся прекратить революционное состояніе, столь неблагоприятное для изящныхъ искусствъ, подготавливаетъ для нихъ обширную область и прочное основаніе, устанавливая твердыя убѣжденія и устойчивыя нравы, безъ которыхъ новизна не можетъ создавать или пробуждать ничего великаго. Побуждая нашихъ протестаріевъ искать своего истиннаго счастья въ постоянномъ развитіи ихъ аффективныхъ и умозрительныхъ способностей, позитивизмъ черезъ образованіе, основаніе котораго преимущественно эстетическое, обезпечиваетъ искусству его естественную аудиторію.

Но чтобы предугадать естественную въ этомъ отношеніи способность новой философіи, достаточно рассмотреть ея значеніе въ женскомъ вопросѣ, ея стремленіе подыять социальное достоинство аффективнаго пола, укрѣпляя въ то же время семейныя устои. Ибо въсьхъ социальныхъ элементовъ женщина, безъ сомнѣнія, является элементомъ наиболее эстетическимъ, какъ по своей природѣ, такъ и по своему положенію; позитивный же строй сильно упорочиваетъ и развиваетъ какъ то, такъ и другое. Если наше инстинктивное стремленіе къ добру обыкновенно обязано женщинамъ своимъ первымъ развитіемъ, то онѣ намъ еще лучше прививаютъ чувство прекраснаго, будучи столь же способны его внушать, сколь и непитывать. Ихъ вѣнность даетъ намъ представленіе одновременно о всѣхъ видахъ красоты не только физической, но также интеллектуальной и, въ особенности, моральной. Всѣ ихъ дѣйствія сравниваются естественнымъ стремленіемъ къ идеальному совершенству отчасти всѣхъ ихъ занятій, даже невольныхъ. Ихъ домашняя жизнь, освобожден-

ная отъ внѣшней дѣятельности, только сильнѣе развиваетъ въ этомъ отношеніи ихъ естественныя наклонности. Ибо существо, посвященное чувству, должно само собою искать всюду наилучшаго, сперва въ реальномъ мірѣ, затѣмъ въ идеальномъ образѣ. Такимъ образомъ, доктрина, возводящая женщинъ въ первичный элементъ умѣряющей власти и вытѣсняющая ихъ руководство основными образованіемъ, не можетъ дать мѣста какому бы то ни было похвальному въ анти-эстетической тенденціи.

Показавъ несостоятельность этихъ предубѣжденій, мнѣ остается прямо перейти къ характеристикѣ необходимой способности позитивизма отвести искусству надлежащее мѣсто въ современномъ стрѣбѣ и дать ему систематическую организацію и нормальное назначеніе, что породитъ могущественныя средства и даже новые органы. Сверхъ того, окончательная функція эстетическаго элемента уже указана его настоящимъ участіемъ въ преобразовательномъ движеніи наравнѣ съ народными и женскими элементами.

ГЛАВА II.

Художникъ долженъ усладять жизнь, а не направлять ее.

Прежде чѣмъ набросать здѣсь эту доопозитивную оцѣнку, я считаю необходимымъ исправить по этому поводу глубокое, хотя временное заблужденіе, которое стремится извратить все общія понятія, относящіяся къ искусству, преувеличивая его значеніе, въ силу весьма естественной реакціи, обусловленной нашей умственной и нравственной энергіей.

Отъ Гомера до Корнеля все выдающіеся эстетическіе гении всегда считали преимущественнымъ назначеніемъ искусства усладять жизнь, и, следовательно, изучать ее, но отнюдь не направлять ее. Дѣйствительно, ни одинъ здравый умъ не могъ предположить, что интелектуальное превосходство будетъ когда-либо принадлежать воображенію. Въ сущности, подобное мнѣніе было бы равносильно возведенію сумашествія въ образцовое мышленіе, ставя субъективныя вдохновенія выше объективныхъ понятій.

Наша способность представленія и выраженія необходимо подчинены нашимъ функціямъ пониманія и соотвѣтствія. Этотъ статическій законъ непреложенъ и никогда не подвергался дѣйствительному измѣненію. Его можно даже установить при извращеніи мозговыхъ отравленій, что вноситъ беспорядокъ въ наши внѣшнія отношенія, не разстраивая, однако, основную гармонію нашихъ различныхъ внутреннихъ операций.

Хотя тщеславная гордость послѣднихъ годовъ древности уже внушала имъ нѣкоторыя заблужденія, аналогичныя нынѣшнимъ притязаніямъ, искусство, тѣмъ не менѣе, никогда не рассматривалось, какъ регуляторъ политическаго общества, несмотря на эстетическія свойства господствовавшихъ иероглифовъ. Напротивъ, Игизада и, въ особенности, Одесса, могли бы въ случаѣ надобности служить доказательствомъ того, насколько социальное вліяніе изящныхъ искусствъ, даже извѣст-

ныхъ отъ теократической опеки, имѣло въ то время второстепенный характеръ. Въ эпоху упадка политизма, въ утопіи Платона дана концепція социальнаго строя, въ которомъ систематически отсутствуетъ всякое вліяніе поэзіи. Моноэстетическій режимъ среднихъ вѣковъ еще болѣе отвергалъ эти эстетическія притязанія, хотя истинное назначеніе искусства въ эту эпоху было наилучшимъ образомъ понято. Но когда этотъ режимъ началъ разлагаться, появились, даже у несравненнаго Данте, зародыши заблужденій, которыя въ теченіе послѣднихъ пяти вѣковъ постоянно развивались, благодаря революционному переходному времени, и, наконецъ, достигли настоящаго состоянія поэтическаго высокомерія.

Дойдя до возможныхъ предѣловъ теологическаго состоянія, и будучи еще не въ силахъ предугадать позитивное состояніе, Западная республика заняла во всѣхъ отношеніяхъ такую отрицательную позицію, которая до тѣхъ поръ была невозможна. Все возростающее недовѣріе свело на-пѣть все правила и учрежденія, которыя нѣкогда сдерживали прерватныя честолюбивыя стремленія. Вслѣдствіе этого постепеннаго разложенія социальныхъ привычекъ, нависное восхпленіе, которымъ очарованный народъ вознаграждалъ эстетическое вдохновеніе, вызвало неосновательныя политическія притязанія различныхъ художниковъ и, въ особенности, гонъ, ихъ естественныхъ главныхъ представителей. Хотя вѣское често критическое направленіе несомнѣнно съ истинной поэзіей, тѣмъ не менѣе новое искусство, начиная съ момента его зарожденія въ четырнадцатомъ вѣкѣ, принимало все болѣе и болѣе дѣятельное участіе въ общемъ разрушеніи стараго режима.

Однако, пока отрицательная доктрина не была полностью выработана и не получила своего выраженія въ революціяхъ, предшествовавшихъ великому кризису, эстетическое вліяніе оставалось просто вспомогательнымъ элементомъ въ разрушительномъ движеніи, которымъ руководили метафизики и законобѣды. Но это положеніе вещей измѣнилось, и поэтическое честолюбие начало принимать преобладающій характеръ, въ теченіе восемнадцатаго столѣтія, когда уже систематизированныя отрицательныя ученія стали рѣшительно распространяться. Тогда духовное руководительство разрушительнымъ движеніемъ все болѣе и болѣе переходило отъ ученыхъ въ собственномъ смыслѣ слова къ чистымъ литераторамъ, скорѣе поетамъ, чѣмъ философамъ, но лишеннымъ всякаго истиннаго призванія. Наступленіе всякаго кризиса естественнымъ образомъ позволяло этому неопредѣленному классу извлекать политическія выгоды изъ своего превентивнаго положенія въ революціи, которое будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока начнетъ преобладать направленіе прямого преобразованія общества.

ГЛАВА III.

Политическое вліаніе поэтовъ и литераторовъ. Опасности этого вліанія.

Данный нами историческій очеркъ одновременно и объясняетъ, и отвергаетъ анархическія утопіи нашего вѣка, предлагающія нѣчто въ родъ эстетической педагогикіи. Эти мечтанія, внушенныя необузданнымъ высокомѣріемъ, могутъ казаться осуществимыми только метафизикамъ, всегда склоннымъ безусловно освящать исключительные случаи. Если философы должны быть устранены отъ управленія, то поэты еще меньше для этого пригодны. Ихъ умственная и нравственная же устойчивость, позволяющая имъ лучше отражать соответствующую среду, въ то же время дѣлаетъ ихъ непригодными для управляющей власти. Только строгое и систематическое образованіе можетъ достаточно исправить ихъ естественные недостатки, которые поэтому должны быть у нихъ чрезвычайно сильно развиты въ виду, чуждую всякаго глубокаго убѣжденія. Какъ второстепенные члены интеллектуальной власти, поэты могутъ отдаваться своему дѣятельному призванію, лишь когда они еще рѣшительнѣе, чѣмъ главные члены, отказываются отъ свѣтскаго главенства. Философы только неспособны дѣйствовать, но они могутъ содѣйствовать, между тѣмъ какъ поэты не должны притязать ни на ту, ни на другую роль. Идеализировать и побуждать—такова ихъ двойная естественная функція, которая можетъ быть надлежащимъ образомъ выполнена только при условіи исключительнаго сосредоточенія на ней. Эта функція достаточно благородна и достаточно обширна, чтобы поглотить всѣхъ дѣятельно предназначенныхъ къ ней. Поэтому заблужденія эстетическаго честолюбія обнаружались лишь со времени наступленія порядка вещей, совершенно несомѣстимаго съ настоящимъ искусствомъ, ибо въ немъ отсутствуютъ опредѣленные нравы и дѣятельныя убѣжденія. Въ эти неудачные или сбивые съ пути поэты дали бы другое направленіе своей общественной жизни, если бы, благодаря преобладанію всеобщей доктрины и социальнымъ взглядамъ, истинная поэзія стала уже возможной. До этого момента эстетическія натуры будутъ попрежнему гаснуть или развращаться въ атмосферѣ жалкой политической агаціи, болѣе благопріятной для посредственностей, чѣмъ для дѣятельныхъ талантовъ.

Нормальное состояніе человѣческой природы одинаково подчиняетъ воображеніе разуму и послѣднее—чувству. Большое продолжительное уклоненіе отъ этого основнаго порядка равнымъ образомъ гибельно для сердца и для ума. Малое царство воображенія стало бы еще болѣе развращающимъ, чѣмъ царство разума, если бы оно не было, еще меньше чѣмъ послѣднее, совмѣстимо съ дѣятельными условіями жизни человѣчества. Но, хотя оно неосуществимо, одно стремленіе установить его, заставляя искусственной и зачастую ложной восторженностью, самопрозвольными и глубокаго эмпіи могутъ значительно разсрѣзать частную жизнь. Это неправильное преобладаніе воображенія должно еще въ болѣе степени вредить общественной жизни, когда никакая социальная преграда не сдерживаетъ эстетическаго самолюбія. Тогда

искусство начинать постепенно уклоняться отъ своего истиннаго назначенія уладить и научать человѣчество. Если бы оно стало дѣломъ существованія, оно вскорѣ пришло бы въ упадокъ, и развратило бы одновременно и своихъ служителей, и своихъ публику. Оно постепенно свелось бы къ доставленію чувственныхъ наслажденій или даже къ простому усовершенствованію къ доставленію чувственныхъ наслажденій. Эстетическія наклонности, сдерживаемыя надлежащимъ образомъ, такъ усовершенствовались современные нравы, что могутъ, въ случаѣ ихъ свободнаго развитія и незаконнаго господства, стать глубоко развращающими. Известно, до какой жестокости дошла Италия, въ теченіе послѣднихъ вѣковъ преслѣдуя единственную цѣль—создать красивые мужские голоса.

Вырождаясь такимъ образомъ, искусство, столь способное развивать симпатическія инстинкты, можетъ прямо пробуждать наиболѣе отвратительный эгоизмъ, вынуждая полное равнодушіе къ другимъ людямъ у тѣхъ, кои полагаютъ свое высшее счастье въ наслажденіи звуками или формами.

Такова необходимая опасность, еще болѣе моральная, чѣмъ умственная, сопряженная съ частнымъ и, въ особенности, общественнымъ преобладаніемъ эстетическихъ наклонностей, даже когда онъ реаленъ. Но нужно также признати, что это нарушеніе основнаго порядка приводитъ вскорѣ къ неизбежному торжеству посредственностей, которыя, благодаря долгому упражненію, усваиваютъ приемы выподненія.

Такимъ-то образомъ мы постепенно подпали подъ позорное господство,—не менѣе гибельное для искусства, чѣмъ для философіи—вліянія, должностивущихъ, очевидно, имѣть второстепенное социальное значеніе. Жалкая способность выражать то, что не чувствуешь и не мыслишь, доставляетъ въ настоящее время призрачное преобладаніе талантамъ, столь же неспособнымъ ко всякому эстетическому творчеству, сколь и ко всякому научному пониманію. Эта политическая аномалія, являющаяся главной характерной чертой нашего революціоннаго состоянія, должна стать въ нравственномъ отношеніи гибельной, если эти неадекватныя победы не выпадутъ, какъ рѣдкое исключеніе, на долю настолько возвышенныхъ душъ, чтобы сумѣть сдержать ложный порывъ.

Поэты, вслѣдствіе болѣе общаго характера ихъ искусства, позволяющаго имъ быть еще болѣе честолюбивыми, подвержены этимъ опасностямъ еще болѣе, чѣмъ художники въ собственномъ смыслѣ слова. Но разработка специальныхъ искусствъ влечетъ за собой это зло въ еще менѣе приглядной формѣ, благодаря жадности къ деньгамъ, оксверяющей имѣть столько талантовъ. Именно тутъ отсутствіе великаго правила даетъ почву для проявленія ребяческаго тщесавія, которое ставитъ въ одинъ рядъ и истинныхъ творцовъ въ области эстетяи и простыхъ подражателей.

Таковы необходимые результаты постепеннаго роста поэтическаго честолюбія въ теченіе долгаго современнаго переходнаго времени. Я долженъ былъ съ надлежащей полнотой охарактеризовать адхъ заблужденія, мѣшающія теперь всякой здоровой оцѣнкѣ природы и назначенія искусства. Но это строго-критическое введеніе не можетъ оскорбить истинно-эстетическаго души, которая и сама уже близка къ пониманію, насколько вышѣйшій режимъ пріятенъ для проявленія всякаго дѣятельнаго призванія. Вопреки разгалгольствованіямъ заинтересованныхъ лицъ, для настоящаго подъема искусства требуется подавленіе посредственностей, но крайней

жръ, въ той же степени, какъ и поощреніе одаренныхъ натуръ. Истинный вкусъ всегда неразлученъ съ отвращеніемъ.

Въ силу только того, что искусство постоянно должно, главнымъ образомъ, развѣивать въ насъ инстинктъ совершенства, его искреннихъ цѣнителей глубоко возмущаетъ всякое слабое произведеніе. Счастливое преимущество образцовыхъ эстетическихъ произведеній вызывать восхищеніе, не ослабляющее съ вѣками, избавляетъ насъ отъ мнимой необходимости поддерживать вкусъ портящими его новизнами. Если мнѣ позволено будетъ высказать мои собственные впечатлѣнія, я могу заявить, что вотъ уже тринадцать лѣтъ какъ я, сълѣдуя своему уму, равно какъ своимъ склонностямъ, ограничиваю кругъ своего обычнаго чтенія великими западными поэтами, не считывая ни малѣйшаго любопытства къ современнымъ произведеніямъ, отличающимся прискорбною новизною.

ГЛАВА IV.

Общая теорія искусства.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, я долженъ прямо перейти къ характеристикѣ эстетической способности позитивизма и показать сперва, какъ онъ естественнымъ образомъ строитъ истинную общую теорію искусства, изъ которой исходятъ существованіе только отдѣльныхъ удачныхъ части. Эта систематизація эстетики вытекаетъ одновременно изъ субъективнаго принципа, объективнаго догмата и активной цѣли новой философіи, которые были опредѣлены въ двухъ первыхъ частяхъ настоящаго «Обзора».

Искусство всегда состоитъ въ идеальномъ воспроизведеніи того, что есть, и назначено развѣивать намъ инстинктъ совершенства. Его область поэтому столь обширна, сколь и область науки. Одно и другое, каждое по своему, обнимаютъ совокупность реальныхъ явленій, которыя наука оцѣниваетъ, а искусство укрощаетъ. Оно оперируетъ надъ своими предметами, сълѣдуя по одному и тому же естественному пути, согласно моему эмпириоэстетическому закону, т.-е., поднимаясь отъ наиболее простыхъ и наиболее вѣрнѣйшихъ умозрѣній къ умозрѣніямъ наиболее сложнымъ и наиболее близко касающимся человека. Такимъ образомъ, основная дѣятельность истины и добра, которая, какъ мы видѣли во второй части, идетъ параллельно съ дѣятельностію добраго, соответствуетъ также скалкъ прекраснаго, такъ что устанавливается самая тѣсная гармонія между тремя великими твореніями Человѣчества: философій, политикой и поэзіей.

Въ своемъ дѣлѣ, зрѣлице неорганическаго міра и, въ особенности, наблюдѣніе небесныхъ явленій открываетъ намъ первыя черты красоты: порядокъ и величіе, которыя тутъ лучше узавими, чѣмъ въ болѣе сложныхъ и менѣе правильныхъ явленіяхъ. Высшія стени прекраснаго не могутъ быть надлежащимъ образомъ оцѣнены душами, нечувствительными къ этой первоначальной ступени. Но если философій

рассматриваетъ изученіе неорганическаго міра лишь какъ необходимое введеніе, чтобы подняться затѣмъ къ своему высшему назначенію—служить Человѣчеству, то поэзія еще съ большимъ основаніемъ должна такъ поступать. Въ тенденціи въ этомъ отношеніи даже еще рѣзче, чѣмъ однородная тенденція политики, которая, ограничиваясь сперва матеріальнымъ совершенствованіемъ, останавливается долгое время на физическомъ и затѣмъ на интеллектуальномъ совершенствованіяхъ, прежде чѣмъ прямо перейти къ своей главной цѣли, именно, къ моральному совершенствованію. Поэзія быстро проходитъ три предварительныя ступени и съ меньшими усиліями поднимается къ созерцанію моральной красоты. Чувство естественно составляетъ ея главную область. Здѣсь она находитъ свои средства, равно какъ свою цѣль.

Изъ всѣхъ человѣческихъ явленій страсти суть явленія наиболее импѣчивныя и поэтому наилучше идеализируемыя, а также наиболее доступны совершенствованію въ силу ихъ чрезвычайной сложности, которая, согласно позитивистскому закону, обуславливаетъ ихъ большее несовершенство. Но выраженіе, даже весьма несовершенное, должно значительно вліять на функціи, которыя, по своей природѣ, стремятся выливаться наружу. Если признано, что выраженіе имѣетъ значеніе для мысли, то какъ можетъ оно не вліять на развитіе чувствъ, болѣе склонныхъ къ проявленію.

Такимъ образомъ, всякая разработка изящныхъ искусствъ, даже ограниченная чистымъ подражаніемъ, можетъ стать полезнымъ моральнымъ упражненіемъ, когда она надлежащимъ образомъ пробуждаетъ наши симпатіи и антипатіи. Но эта способность должна быть значительно болѣе совершенной, если воспроизведеніе, вѣдето того, чтобы быть вполне вѣрнымъ, допускаетъ нѣкоторую идеализацію. Тогда искусство поднимается до своего истиннаго назначенія: созданіе живыхъ типовъ, постоянное созерцаніе которыхъ можетъ весьма усовершенствовать наши чувства и даже наши мысли. Преувеличеніе этихъ образовъ является необходимымъ условіемъ ихъ назначенія, такъ какъ они должны превосходить дѣйствительность, дабы побуждать насъ къ ея улучшенію. Эти искусственныя эмоціи, чрезвычайно важныя уже для частной жизни, становятся еще болѣе могущественными факторами въ общественной жизни, какъ влѣдствіе болѣе высокаго значенія ихъ взаимодѣйствія впечатлѣній отдѣльныхъ лицъ.

ГЛАВА V.

Роль поэзіи.

Такимъ-то образомъ позитивизмъ объясняетъ и подкрѣпляетъ всеобщую оцѣнку, отводя поэзіи постоянное мѣсто между философій и политикой, какъ вытекающей изъ одной и подготавливающей другую. Само чувство—это высшее начало всего нашего существованія—подчиняется построенному философій объективному догмату о вѣншемъ порядкѣ, господствующемъ надъ Человѣчествомъ. Еще съ большимъ осно-

нашимъ изображеніе должно подчиняться этому догмату! Идеальность должна быть всегда подчинена реальности, ибо иначе созданный образ может оказаться слабымъ или неяснымъ. Политика, ставшая собою цѣлью изученіе естественнаго порядка, должна сначала его познать. И поэзія, хотя она ограничивается тѣмъ, что изображаетъ изученія, никогда не претендуя на ихъ осуществленіе, все-таки не можетъ обойтись безъ этого наученія. Ея вымыслы должны, быть сомнѣній, идти дальше возможностей, которыя политика только и имѣетъ въ виду; тѣмъ не менѣе, они питаются изъ одного и того же источника, изъ оцѣнки того, что есть.

Наши искусственныя усовершенствованія могутъ всегда состоять только въ мудромъ измѣненіи естественнаго порядка, къ которому нужно прежде всего постоянно относиться съ надлежащимъ уваженіемъ. Но наши воображаемая изученія, хотя и болѣе обширны, не менѣе подчинены этому основному закону, который позитивная философія устанавливаетъ одинаково, какъ для поэзіи, такъ и для политики. Эта необходимость не переставала быть регуляторомъ воображенія даже въ наиболѣе поэтическія эпохи, когда существовали виды представленія о вѣншемъ реальномъ мѣрѣ, чѣмъ теперь. Индивидуальная эволюція ежедневно воспроизводитъ этотъ необходимый ходъ, показывая намъ, какъ ребенокъ всегда расположенъ подчинять свой идеалъ своимъ послѣдовательно приобретаемымъ понятіямъ о реальномъ.

Но если, съ одной стороны, поэзія заимуетъ отъ философіи въ дѣлѣ созданія своихъ типовъ, то, съ другой, она вліяетъ на политику касательно ихъ назначенія. Во всякомъ человеческомъ дѣйствіи выполненіе предполагаетъ воображеніе, а это послѣднее—совершеніе. Человѣкъ можетъ построить внѣ себя только то, что онъ сначала мыслитъ въ себѣ. Этотъ внутренний типъ, необходимый даже для малѣйшихъ механическихъ или геометрическихъ работъ, всегда выше реальности, которой онъ предшествуетъ и которую онъ готовится сделать. А для всѣхъ тѣхъ, кто не смѣшиваетъ поэзію со стихосложеніемъ, является безспорнымъ, что это послѣднее не составляетъ эстетической идеальности въ ея наиболѣе элементарной и наиболѣе всеобщей функціи. Эта функція, распространяющаяся прямо на социальныя явленія, для которыхъ искусство и наука, главнымъ образомъ, предназначены, зачастую ими игнорируется и лишь иногда несовершенно проявляется, за отсутствіемъ истинной систематизаціи. Когда она будетъ надлежащимъ образомъ упорядочена, она будетъ служить регуляторомъ для утопій, подчиняя ихъ реальному порядку, въ томъ его видѣ, какъ онъ рисуется въ будущемъ на основаніи прошлаго. Ибо утопіи являются для социальнаго искусства, въ собственномъ смыслѣ слова, тѣмъ, чѣмъ являются геометрическіе, механическіе и т. д. типы для соответствующихъ искусствъ. Присваивая ихъ необходимымъ для наименѣе значительныхъ построекъ, какъ можемъ мы ихъ избѣгать для наиболѣе трудныхъ? Поэтому, несмотря на эмпирическое состояніе политическаго искусства, всякому великому перелому предшествовала, однимъ или двумя вѣками, соответственная утопія, которую внушаетъ эстетическому гению Человѣчества смутное сознаніе его положенія и его потребностей. Позитивная опора не игнорируетъ утопій, а стремится поставить ихъ на надлежащее мѣсто въ окончательномъ строѣ и облегчить одновременно ихъ развитіе и ихъ вліаніе, постоянно подчиняя ихъ совокупности реальныхъ законовъ, какъ для всякаго другого эстетическаго явленія. Но это систематическое признаніе утопій раскрываетъ также главныя опасности политическаго поэзіи,

которая вноситъ теперь смуту въ общественный порядокъ только въслѣдствіе недостатка истинно-философскаго источника, отсутствіе котораго должно насъ располагать къ снисходительности по отношенію къ этимъ наивнымъ проведеніямъ чело- вѣческаго творчества.

Вся эта позитивистская теорія сама собою резюмируется однимъ словомъ, благодаря счастливой двусмысленности обычнаго наименованія совокупности эстетическихъ функцій. Называя ихъ всѣ искусствами по преимуществу, народный инстинктъ, откуда берутъ свое начало всѣ наши языки и который гораздо болѣе просвѣщенъ, чѣмъ это предполагаетъ высокообразованнаго челоѣка, смутно предугадываетъ истинную энциклопедическую позицію поэзіи, находящуюся между философіей и политикой, но ближе къ послѣдней, чѣмъ къ первой. Хотя усовершенствованія, изобрѣтенныя различными искусствами, осуществляются посредствомъ механическихъ искусствъ, тѣмъ не менѣе поэзія, видоизмѣняя наши чувства, совершаетъ уже косвенное, но важное изученіе. Если не отблѣтуть отъ нея краснорѣчіе, являющееся, въ сущности, ея первымъ, очень часто неразрывнымъ проявленіемъ, то окажется, что она, главнымъ образомъ, производитъ наиболѣе трудное и наиболѣе рѣшительное воздѣйствіе на наши страсти, возбуждая или успокаивая ихъ не по своему усмотрѣнію, но согласно ихъ естественнымъ законамъ. Этимъ самымъ она становится, какъ это всегда чувствовали, могущественнымъ вспомогательнымъ орудіемъ морали.

Такимъ образомъ, ея названіе, относящееся къ дѣйствію, скорѣе чѣмъ къ созерцанію, является наилучше обоснованнымъ, такъ какъ она имѣетъ преимущественно въ виду наиболѣе обширное и наиболѣе важное совершенствованіе, въ осуществленіи котораго матеріальнаго искусства физическія и даже интеллектуальнаго, несмотря на ихъ значеніе, являются только второстепенными или подготовительными. Она часто именовалась наукой на всѣхъ западныхъ нарѣчіяхъ въ началѣ современной эволюціи, въ эпоху, когда наука въ собственномъ смыслѣ слова едва была замѣтна. Но по мѣрѣ того какъ гений научный и гений эстетическій свободно развивались, были лучше поняты ихъ характерныя разницы и вѣду названіе и искусство въ концѣ концовъ одержало верхъ, и имъ единственно обозначаются всѣ наши поэтическія функціи. Это историческое измѣненіе еще болѣе подтверждаетъ позитивистскую характеристику идеализаціи, какъ промежуточнаго звена между оцѣнкой и осуществленіемъ.

ГЛАВА VI.
Искусство устанавливаетъ гармонію между чувствами, мыслями и дѣйствіями.

Послѣ всего вышесказаннаго не трудно понять, какимъ образомъ искусство является наиболѣе полнымъ и наиболѣе естественнымъ выраженіемъ челоѣческаго единства, такъ какъ оно непосредственно связано съ тремя родами нашихъ характерныхъ проявленій, съ чувствами, мыслями и дѣйствіями. Его источникомъ служатъ первыя, еще болѣе очевидныя, чѣмъ два другія. Основаніемъ для него являются

второй, а целью—третьей. Отсюда вытекает его счастливая способность действовать безразлично на все части нашего личного или социального существования и, следовательно, его исключительное преимущество доставляет удовольствие одинаково людям всех рангов и всех возрастов.

Искусство неизбежно приводит к реальности слишком отдаленными размышлениями теоретиков и в то же время оно толкает практика к благодушным и безкорыстным умозрениям. Благодаря своему промежуточному характеру, оно особенно предназначено к тому, чтобы развивать естественные отношения между страстью и разумом. Оно равным образом способно пробуждать чувство у лиц, слишком занятых умственным трудом, и развивать вкус к размышлению у наиболее страстных душ. Таким образом, известная поговорка, представляющая искусство, как естественное отражение человечества, справедлива не только по отношению к общественной жизни, которая должна была создать почву для его возникновения и лучше обнаружить его реальность. Искусство связует распространить на все наше существование, которое оно воспроизводит и изменяет, ибо оно из него исходит.

Входя до биологического источника этой социологической гармонии, мы видим, что она вытекает из необходимой связи, существующей между мускульной и нервной системами. Наши движения, сначала невольныя, затѣм добровольныя, переводят наши внутрення впечатлѣнія и, въ особенности, моральныя, и воздѣйствуют на них, такъ какъ она изъ нихъ вытекаютъ. Такую первую зародышъ истинной теоріи искусства. Въ животномъ царствѣ всякое представленіе ограничивается болѣе или менѣе выразительной мимикой, составляющей также у человѣка самородное начало эстетической эволюціи.

ГЛАВА VII.

Эстетический процесс: подражаніе, идеализація, выраженіе.

Наше основное опредѣленіе прямо дополняетъ статическую теорію искусства, указывая его три ступени или три главных формы. Вопреки напорнымъ метафизическимъ различіямъ между подражаніемъ и изобрѣтеніемъ, все искусство подражаетъ, и все также идеализируетъ. Такъ какъ дѣятельность составляетъ всегда естественный источникъ идеализаціи, то искусство сначала бываетъ чисто подражательное. Въ нашемъ индивидуальномъ или коллективномъ младенчествѣ, рабское подражаніе даже въ самыхъ малѣйшихъ дѣятельностяхъ, подобно тому какъ у животныхъ, является первымъ проявленіемъ нашихъ эстетическихъ способностей. Но, вопреки призывамъ ребяческаго тщеславія, изображеніе засуживаетъ теперь имени искусства лишь постольку, поскольку оно стало красивѣе, т. е. совершеннѣе въ томъ отношеніи, что стало въ основѣ болѣе вѣрнымъ, представляя съ болѣе вытекающею главныя черты, которая сначала уродовалась, благодаря эмпирическому сѣмшенію.

Именно въ этомъ состоитъ идеализація, которая, начиная отъ первыхъ образцовыхъ произведеній древности, все болѣе и болѣе характеризуется эстетическую обработку. Однако, не отрицая превосходства этой второй ступени, не нужно никогда забывать необходимости въ первой, при отсутствіи которой нельзя было бы ни понять истиннаго источника искусства, ни даже его собственной природы.

Характеризуемая, такимъ образомъ, преимущественно идеальнымъ творчествомъ, эстетическая обработка дополняется третьей функціей, которая не была необходима для первой ея формы, но становится необходимой для второй, которой не достаетъ выраженія въ собственномъ смыслѣ слова, безъ котораго обнаруженіе стало бы невозможнымъ. Вотъ почему языкъ, располагающій звуками или формами, естественно составляетъ послѣднюю эстетическую операцію, которая не всегда соразирина съ предшествующей. Если она слишкомъ несовершенна, поэтъ можетъ создавать самыя возвышенныя произведенія, и все же его дарованіе не будетъ достаточно оценено такъ, какъ передача ихъ остается несовершенной. Напротивъ, великій стилистическій талантъ можетъ доставить незаконное, и поэтому только временное, превосходство, подобно тому, какими Расинъ долгое время пользовался надъ Корнейемъ.

Пода искусство ограничивается первоначальнымъ подражаніемъ, оно не испытываетъ потребности въ особомъ языкѣ, мѣсто котораго оно занимаетъ. Но когда изображеніе идеализировано, при чемъ нѣкоторыя черты выведены ярче, а другія затуманены или измѣнены, тогда картина становится прямо понятной только ея автору, который можетъ ее сдѣлать доступной пониманію другихъ лишь съ помощью дополнительнаго труда, единственно относящагося къ способу выраженія. Эта конечная операція, безъ которой искусство остается незрѣлымъ или, по крайней мѣрѣ, не имѣетъ успѣха, сводится къ тому, что поэтъ приспосабливаетъ свои символы къ своему внутреннему типу, подобно тому какъ онъ ихъ сначала припроравналъ къ внешней природѣ. Только въ этомъ смыслѣ можно принять принципъ Грета, пространенный затѣмъ на другія спеціальныя искусства,—что живые происходятъ отъ слова, при чемъ промежуточнымъ звеномъ между ними является декламация. Можно было бы примѣнять этотъ принципъ также къ наиболее общему искусству, разсчитывая ораторскій способъ выраженія какъ связующій стихосложеніе съ прозой. Но историческое направленіе, характеризующее новую философію, обязываетъ исправлять взгляды и представлять это отношеніе скорѣе въ обратномъ направленіи, по крайней мѣрѣ относительно словъ, въ которыхъ одновременно образуются искусства и языкъ.

Все наши способности выраженія имѣютъ всегда эстетическое происхожденіе, такъ какъ мы выражаемъ только то, что сильно пережили. Поэтому онѣ, въ особенности въ началѣ, касаются болѣе чувствъ, чѣмъ мыслей, въ виду болѣе энергіи первыхъ, являющихся главными возбуждателями всякаго проявленія. Даже въ нашихъ болѣе разработанныхъ языкахъ, въ которыхъ умъ, поэтъ давленіемъ общественныхъ потребностей, такъ сказать чувство, можно еще ежедневно констатировать этотъ необходимый источникъ, если обратитъ вниманіе на музыкальную часть самой незначительной рѣчи. Если тщательно слѣдовать повѣщенію и пониженію голоса, которыми изобилуетъ даже наиболее сухое изложеніе математики, то придется признать, что они идутъ отъ сердца, а не отъ ума, и что благодаря этому является возможность опредѣлять моральный характеръ даже наименѣе вдохновеннаго оратора.

Биологія легко объясняетъ этотъ законъ, указывая, что мускульная реакція, слезившаяся мимическая, изъ которой вытекаетъ выраженіе, главнымъ образомъ управляется аффективной частью мозга, такъ какъ его умозрительная часть слишкомъ бездѣтельна, чтобы вызывать сокращенія, которымъ не кажутся ей необходимыми. Вотъ почему социологія видитъ въ основѣ всякаго языка собраніе всего того, что въ эстетической эволюціи Человѣчества есть самороднаго и всеобщаго, служащаго для удовлетворенія общихъ потребностей проявленія. Специальная искусство сначала эксклузируютъ эту общественную область и затѣмъ ее расширяютъ. Но операція не мѣняетъ характера, производится ли она народнымъ инстинктомъ или отдѣльной личностію. Результатъ, въ большинствѣ случаевъ, даже теперь зависитъ болѣе отъ чувства, чѣмъ отъ разсудка, несмотря на современное возстаніе ума противъ сердца.

Такимъ образомъ, слово происходитъ отъ ивны и ивменность отъ рисованія, ибо мы выражаемъ сначала то, что намъ наиболее трогаетъ. Наши социальные потребности затѣмъ вывели изъ употребленія и даже расширеніе той части ивны или рисованія, которая касается активной жизни и соответственной степени умозрительной жизни, являющихся главными предметами обычныхъ сообщеній. Тогда аффективный характеръ выраженія, обусловившій сначала образованіе знаковъ, постепенно исчезаетъ, уступая мѣсто практическому назначенію, и само выраженіе становится болѣе быстрымъ и менѣ яркимъ. Начало рѣчи, такимъ образомъ, приходится приписать провозному договору, самороднаго всеобщности котораго быль, однако, необъяснима.

Такова вѣрнѣйшій социологическая теорія человѣческаго языка, разсматриваемаго, какъ стоящаго въ связи со всеми эстетическими функціями; съ ними же совпадаетъ языкъ всѣхъ другихъ животныхъ, но ни одно изъ послѣднихъ не уяснило настолько свое ивны или свою мимикку, чтобы подняться до искусства въ собственномъ смыслѣ слова.

ГЛАВА VIII.

Классификація изящныхъ искусствъ.

Чтобы охарактеризовать здѣсь философію искусства со всѣхъ ее статистическихъ сторонъ, достаточно теперь указать эстетическую іерархію. Составляя эмпирической, она покоится на томъ же основномъ принципѣ убывающей общности, который я уже давно устанавливалъ какъ всеобщій регуляторъ всѣхъ позитивныхъ классификацій. Мы уже видѣли, что возмозжна на немъ лѣстница прекраснаго, по существу эквивалентна той, которая была сначала установлена для истинно, затѣмъ распространена на добро. Мы должны его примѣнять также для установленія ряда изящныхъ искусствъ въ порядкѣ ихъ возникновенія и послѣдовательности, подобномъ тому, который я въ моемъ большомъ философскомъ трактатѣ установилъ для научной и промышленной системъ.

Дѣйствительно, эта классификація исходитъ изъ убывающей общности и возрастающей энергіи нашихъ различныхъ средствъ выраженія, которыя въ то же время становятся все болѣе и болѣе техническими. Эстетическій рядъ, который мы вышшимъ членомъ непосредственно связывъ съ теоретическимъ рядомъ, будетъ сопрягаться, такимъ образомъ, своимъ высшимъ членомъ непосредственно съ практическимъ рядомъ, соответственно истинному интеллектуальному положенію искусства, между наукою и промышленностію. Становясь менѣе общимъ и болѣе техническимъ, искусство, хотя всегда сосредоточено на человѣкѣ, касается менѣе прямо нашихъ важнѣйшихъ свойствъ и болѣе стремится къ неорганической природѣ, съ тѣмъ, чтобы предпочтительно выражать простую матеріальную красоту.

ГЛАВА IX. Поэзія.

Чтобы построить эстетическую іерархію, удовлетворяющую всѣмъ этимъ условіямъ классификаціи, необходимо помѣнить по лѣвъ ея, въ качествѣ основанія для всѣхъ другихъ, искусство наиболее общее и наименѣ техническое, именно поэзію въ собственномъ смыслѣ слова. Хотя произвольныя ея впечатлѣнія наименѣе сильны, ея область, очевидно, наиболее обширна, такъ какъ она обнимаетъ всю нашу жизнь личную, семейную и общественную. Подобно специальнымъ искусствамъ, она режетъ наши дѣйствія и, въ особенности, наши чувства предпочтительнѣе, чѣмъ наши мысли; однако, только она одна можетъ примѣняться къ нашимъ наиболее отмеченнымъ мыслямъ, не ограничиваясь тѣмъ, чтобы ихъ лучше формулировать, но заданная цѣлью ихъ украшать. Она, въ сущности, болѣе популярна, чѣмъ всякое другое искусство, во-первыхъ, въ силу большаго совершенства этой послѣдней способности и затѣмъ, благодаря природѣ своихъ средствъ выраженія, непосредственно черпаемыхъ въ общеупотребительномъ языкѣ, что дѣлаетъ ее сразу понятной для всѣхъ. Стихосложеніе, безъ сомнѣнія, необходимо для всякаго истинной поэзіи: но оно отнюдь не составляетъ особаго искусства. Несмотря на свою особую форму, поэтический языкъ всегда является только претимъ совершенствованіемъ народнаго рѣчи, отъ которой онъ отличается только лучшими оборотами. Его техническая сторона сводится къ просодіи, которую каждый можетъ изучать въ нѣсколько дней. Эта связь съ общеупотребительнымъ языкомъ такъ тѣсна, что никогда поэтический гений не могъ успѣшно выразиться на мертвомъ или чужомъ языкѣ.

Помимо того, что поэзія отличается болѣею общностію, самородностію и популярностью, она, какъ искусство по преимуществу, выше всѣхъ другихъ искусствъ въ отношеніи общей имъ всѣмъ характерной функціи идеализаціи. Изъ всѣхъ искусствъ она наиболее идеализируетъ и наименѣе подражаетъ. Въ силу этихъ своихъ различныхъ качествъ, поэзія всегда господствовала надъ всеми искусствами, и ея происхожденіе будетъ все ярче выступать, по мѣрѣ того, какъ въ эстетики

предпочтене будет отдаваться идеализации, значение же выражения будет признаваться второстепеннымъ. Дѣйствительно, спеціальныя искусства могутъ превосходить поэзію только въ этомъ послѣднемъ отношеніи, выражая съ большей энергіей тѣ сюжеты, которые имъ доступны, но которые они почти всегда заимствуютъ у поэзіи.

ГЛАВА X.

Музыка.

Принявъ поэзію за первый членъ эстетическаго ряда, легко теперь найти мѣсто для всѣхъ другихъ изящныхъ искусствъ, которыя сами собою расположатся соответственно ихъ большому или меньшему сходству съ ней. Прежде всего ихъ нужно различать по чувству, къ которому они обращаются; такимъ образомъ, художественный порядокъ окажется въ соответствіи съ порядкомъ, который биологи, начиная съ Галля, установили для спеціальныхъ чувствъ соответственно ихъ убывающей общности. Мы ищемъ только два дѣйствительно эстетическихъ чувства: слухъ и зрѣніе, единственно способныя возвысить насъ до идеализаціи. Хотя обоняніе имѣетъ достаточно сентиментальскій характеръ, оно, однако, слишкомъ слабо развито у человѣка, чтобы оно могло дать матеріалъ для искусства. Наши два эстетическихъ чувства соответствуютъ двумъ видамъ нашей естественной рѣчи, словесному и мимическому. Изъ перваго чувства возникаетъ только одно искусство — музыка, между тѣмъ, какъ второе, хотя и менѣе эстетическое, обнимаетъ три искусства, относящіяся къ формамъ. Послѣднія носятъ болѣе техническій характеръ, чѣмъ музыка, и ихъ область менѣе обширна, а въ то же время они болѣе удаляются отъ поэтическаго источника, съ которымъ музыка остается долгое время въ неразрывной связи. Можно также отличать первое искусство, какъ обращающееся къ чувству, функціи котораго непроизвольна, что значительно способствуетъ тому, что его эмоціи болѣе впечатлѣны и болѣе глубоки, хотя менѣе опредѣлены, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда впечатлѣніе не можетъ получиться помимо воли того, кто его испытываетъ. Наконецъ, это различіе соответствуетъ еще различію между временемъ и пространствомъ, входящими, какъ главные элементы, въ искусство тоновъ и въ искусства формъ, такъ какъ первое выражаетъ преимущественно послѣдовательность, а вторыя — одновременность. Рассматриваемая со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія, музыка безспорно составляетъ первое изъ спеціальныхъ искусствъ и второй членъ нашего эстетическаго ряда. Хотя педагогамъ, изъ корыстныхъ соображеній, значительно преувеличиваютъ техническія требованія музыки, однако, какъ для ея пониманія, такъ и даже для сочиненія въ этой области, требуется гораздо меньше предварительной подготовки, чѣмъ для трехъ другихъ спеціальныхъ искусствъ. Поэтому ее во всѣхъ отношеніяхъ приходится признавать болѣе популярной и болѣе общественной.

ГЛАВА XI.

Живопись, скульптура, архитектура.

Что касается трехъ искусствъ, обращающихся черезъ посредство сочетаній формъ къ чувству, функція котораго преимущественно произвольная, то тотъ же іерархическій принципъ отводитъ первое мѣсто живописи и послѣднее архитектурѣ, стояя между ними скульптурѣ. Живопись одна только развиваетъ всѣ средства зрительнаго выраженія, соединяя цвѣтовой эффектъ съ силой рисунка. Ея область, какъ частная, такъ и общественная, болѣе обширна, чѣмъ область двухъ послѣднихъ искусствъ. Она болѣе приближается къ поэзіи, съ которой ее такъ часто сравнивали, хотя техническая ловкость здѣсь болѣе необходима и труднѣе достигается, чѣмъ въ музыкѣ, тѣмъ не менѣе, она здѣсь менѣе сковывается эстетическіи рамками, чѣмъ въ скульптурѣ и архитектурѣ. Поэтому эти два послѣднія искусства суть искусства наименѣе идеализирующія и наиболѣе подражающія. Наконецъ, архитектура еще менѣе эстетична, чѣмъ скульптура. Технические приемы становятся здѣсь преобладающими, и большинство ея произведеній должны быть скорѣе рассматриваемы какъ промышленныя, чѣмъ какъ художественныя. Ограниченная почти исключительно изображеніемъ матеріальной красоты, она выражаетъ моральную красоту только посредствомъ приемовъ, нерѣдко мало понятныхъ. Но постоянство и сила, вызываемыхъ ею впечатлѣній обезпечиваютъ ей всегда мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ, и этому, въ особенности, способствуютъ замѣчательныя общественныя сооруженія, представляющія наиболѣе внушительное отраженіе каждой соціальной эпохи. До сихъ поръ наилучшей характеристикою этого высокаго назначенія являлись поразительные соборы, являющіеся монументальною идеализаціей среднѣвѣковыхъ чувствъ; на нихъ архитектура съ такимъ достоинствомъ проявила свою естественную способность сочетать всѣ изящныя искусства въ одномъ произведеніи.

ГЛАВА XII.

Искусство въ древности.

Эти краткія замѣчанія достаточно выясняютъ тенденцію новой философіи систематизировать основную теорію искусства, рассматриваемаго съ различныхъ статическихъ точекъ зрѣнія. Теперь нужно, главнымъ образомъ, оцѣнить высокое соціальное назначеніе, которое позитивизмъ указываетъ эстетическому гению, какъ въ конечномъ стрѣлѣ человѣчества, такъ и въ должествующей къ нему привести предварительной работѣ.

Исходя изъ исторической теоріи, характеризующей новую философію, приходится прежде всего признавать, что, вопреки существующимъ сильнымъ предразау-

как относительно этого вопроса, эволюция искусства, как и эволюция науки и промышленности, могли носить до сих пор только подготовительный характер, вследствие того, что не было еще достаточно степеней всех существенных условий.

Необходимое преобладание воображения в построении первоначальных доктрин дало ложный поворот к превращению эстетических наклонностей древних. Таким образом, политизм рассматривался, как произведение искусства с тех пор, как перестали понимать содержащиеся в нем религиозное учение. Но тот факт, что политические и нравственные догмы долго господствовали, указывает на то, что они далеко не представляли собой эстетических произведений, а порождались всегда философским гением человечества из единственно возможной тогда самородной формы, как это устанавливает моя теория эволюции. Участие поэзии выразилось, сообразно ее постоянному назначению, лишь в их украшении. Только политическая философия по своей природе была более благоприятна для подъема искусства, чем всякая другая последующая философия. Поэтому именно в этом геологическом возрасте и относится начало нашего индивидуального или коллективного эстетического просвещения. Тем не менее, искусство не слонялось с античными стремим. Оно даже могло свободно проявить себя, лишь когда оно избавилось от опеки теократии, которая, отводя ему подчиненную роль, затрудняла его творчество, поддерживая необходимую неподвижность различных нравов, к тому же и природа древней общественности была неблагоприятна для искусства. Так как оно поэта не могло изображать домашний или личный чувства, то одна только общественная жизнь, благодаря отличавшим ее энергичным и стойким нравам, являлась для него обширным полем деятельности. Но можно заметить, что эстетический гений древности, не исключая и несравненного Гомера, лишь неохотно изощрялся на этой констативной стороне жизни, за отсутствием более достойного предмета идеализации. Единственная широкая социальная оцка, которую эта сторона жизни допускала, а именно систематическое сравнение на основании последовательности завоеваний, была еще недостаточна. Когда оно стало возможным, древний режим приближался уже к своему концу, и от благородной политики могла внушить Виргилию только несколько поразительных стихов, разномыслия характерным попустимости *pacis imponebat morem*.

ГЛАВА XIII.

ГЛАВА XIII.

Искусство в средние века.

Вопреки эмпирическим преубеждениям, социальная система средних веков была бы по своей природе гораздо более благоприятна для изящных искусств, если бы она могла дальше продолжаться. То было, правда, не благодаря господствовавшим нравам, анти-эстетическая тенденция которых вызвала странную

послѣдовательность, выразившуюся в томъ, что христіанство искусственно поддерживало политическіе догматы. Указывая каждому индивидуальную и несбыточную цѣль, монотеистическая религія поощрала лишь ту поэзію, которая казалась личной жизни, наиболее шитимымъ произведеніемъ которой намъ идеализированное выраженіе въ поразительныхъ истинныхъ произведеніяхъ, которымъ недоставало только хорошаго стиля. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ католицизмъ способствовалъ только изящнымъ искусствамъ только тѣмъ, что подготовилъ для нихъ лучшій пріемъ, когда организація духовенства оказалась въ состояніи исправить интеллектуальные и моральные недостатки христіанскихъ нравовъ. Но средневѣковая общественная жизнь была гораздо болѣе эстетична, чѣмъ древняя. Хотя она сохранила свой военный характеръ, она, ставъ преимущественно оборонительной, приобрѣла въ котормъ высоко-равненственыя черты, сдѣлавшія ее весьма благоприятной для поэзіи. Справедливая эмансипація женщинъ позволила, наконецъ, развить всѣ стороны семейной жизни. Новое чувство личнаго достоинства, исполнъ совѣтующее съ преданностью обществу, сдѣлало возможной полную идеализацію личнаго существованія. Поэтому удивительное учрежденіе западнаго рыцарства, въ котормъ были представлены эти три характерныя черты среднихъ вѣковъ вызвало всюду свободный эстетическій подъемъ, встрѣтившій лучшій пріемъ, чѣмъ въ какою бы то ни было предыдущую эпоху.

Но этотъ общій толчекъ, этотъ непримѣнимый источникъ современнаго искусства, не могъ быть достаточно упорнымъ, потому что средніе вѣка, во всѣхъ отношеніяхъ, составили только переходную эпоху. Когда языкъ и общество настолько сформировались, что эстетическая способность этого режима могла, наконецъ, выразиться въ созданіи безсмертныхъ произведеній, католическо-феодалная система уже въ корень повреждена, благодаря возрастающему преобладанію отрицательнаго движенія. Искусство должно было, такимъ образомъ, идеализировать вѣрованія и нравы, чувствительный упадокъ которыхъ лишилъ поэта и публику глубочайшихъ убѣжденій, являющихся необходимымъ условіемъ всякаго сильнаго эстетическаго впечатлѣнія.

Искусство в наше время.

Паденіе эстетическаго импульса, даннаго искусству въ средніе вѣка, въ долгій революціонный періодъ, отдѣляющій насъ отъ этой эпохи, было еще косвеннымъ образомъ усилено быстрымъ разложеньемъ, которму все болѣе и болѣе подвергались всѣ умственные и социальныя вліянія. Хотя отрицательная роль никогда не побѣдила искусства, оно, однако, испытывало такую потребность избавиться отъ ига христіанства, что съ самаго начала способствовало современному освободительному движенію. Неравное произведеніе Данте можно характеризовать это исключительное

сочетание двух противоположных импульсов. Это анти-эстетическое состояние, когда все преобразовывалось и даже уродовалось, прежде чѣмъ могло быть идеализовано, заставляло искусство искать искусственного выхода въ древнихъ образахъ тѣхъ твердыхъ и выразительныхъ нравовъ, которые оно не находило вокругъ себя.

Такимъ образомъ, классицизмъ дѣлалъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ единственное средство для развитія изящныхъ искусствъ, которое, однако, не позволяло ему приобретать характеровавшій его въ средніе вѣка оригинальность для искусства. Образцова произведенія, появившіяся при столь неблагоприятныхъ для искусства направленіяхъ, служили наилучшимъ подтвержденіемъ саморности нашихъ эстетическихъ функций. Но когда и этотъ разгаръ отрицательнаго движенія позволялъ искусству выносить только одну важную, хотя временную операцію, именно, идеализировать свои сочиненія. Это крайнее приращеніе искусства, которое не могло быть долго разработываемо, было использовано въ поразительныхъ пѣсняхъ Байрона и Гете, главнѣйшимъ образомъ, для распространенія среди протестантскаго населенія освободительныхъ идей, шедшихъ изъ западнаго философскаго центра (Франціи).

Итакъ, прошлое показывать намъ, что эстетическій подъемъ вытекаетъ болѣе изъ саморныхъ стремленій человѣчества, чѣмъ изъ какого бы то ни было систематическаго побужденія. Никогда еще умственная условія этого импульса не могли быть выполнены одновременно съ социальными. Въ настоящее время отсутствуютъ и другіе, между тѣмъ ничто не обнаруживаетъ воображаемаго упадка нашихъ эстетическихъ способностей. Искусство не только непрерывно развивалось вопреки всѣмъ этимъ препятствіямъ, но оно все болѣе и болѣе приобщалось ко всеобщей жизни. Ограниченное у древнихъ исключительной публикой, оно было настолько слабо связано съ основнымъ порядкомъ вещей, что доставляемая имъ наслажденія не находили себя нѣгдѣ даже въ утопіяхъ о будущей жизни. Средніе вѣка передали народу наибольшую склонность равнать эти пріятныя истинности, какъ одно изъ нашихъ наиболѣе драгоцѣнныхъ утѣшеній. Культивированіе этихъ истинностей было тогда возведено въ главное занятіе небесной жизни. Всѣ классы западнаго общества все болѣе и болѣе пристраивались къ этимъ наиблагороднѣйшимъ удовольствіямъ, сперва въ области поэзіи, затѣмъ въ области спеціальнаго искусства, особенно къ наиболѣе общественнымъ изъ нихъ. Лица, разрабатывавшія ихъ и даже только воображавшія себя художниками, приобрѣли сильное вліяніе, которое современная анархія довела до того, что вѣрять имъ несомнѣтельную ихъ нравотъ политическую роль.

Будущность искусства.

На основаніи всѣхъ предшествовавшихъ соображеній мы можемъ предполагать, что ближайшее будущее явится эпохой эстетическаго подъема человѣчества, — эпохой, для которой прошлое могло служить, какъ во всякомъ другомъ отношеніи, только необходимой подготовительной стадіей. Когда закончится это самопривольное начало, имѣвшее мѣсто въ теченіе нашего долгаго младенчества, наше состояніе умственной и моральной зрѣлости позволитъ надлежащимъ образомъ систематизировать занятія изящными искусствами, равно какъ и занятія наукой и промышленностью, однакоже пришедшимъ теперь въ расстройство. Окончательное возрожденіе не можетъ совершиться безъ включенія искусства въ современный порядокъ вещей, подготовленный рядомъ предшествовавшихъ намъ поколѣній. Вновь предприимая, на лучшихъ теоретическихъ основаніяхъ, великое социальное союженіе, начатое въ среднихъ вѣкахъ, позитивизмъ восстановитъ также поразительное эстетическое развитіе, прерванное классической реакціей. Будучи такимъ образомъ восстановлено, оно, благодаря своей глубокой солидарности, одновременно самопривольной и систематической, со всей совокупностью окончательнаго режима сможетъ затѣмъ все болѣе и болѣе развиваться. Вотъ что мы оставимъ прямо высказать, дабы достаточно охарактеризовать здѣсь эстетическую способность новой философіи.

ГЛАВА XV. Будущность искусства.

На основаніи всѣхъ предшествовавшихъ соображеній мы можемъ предполагать, что ближайшее будущее явится эпохой эстетическаго подъема человѣчества, — эпохой, для которой прошлое могло служить, какъ во всякомъ другомъ отношеніи, только необходимой подготовительной стадіей. Когда закончится это самопривольное начало, имѣвшее мѣсто въ теченіе нашего долгаго младенчества, наше состояніе умственной и моральной зрѣлости позволитъ надлежащимъ образомъ систематизировать занятія изящными искусствами, равно какъ и занятія наукой и промышленностью, однакоже пришедшимъ теперь въ расстройство. Окончательное возрожденіе не можетъ совершиться безъ включенія искусства въ современный порядокъ вещей, подготовленный рядомъ предшествовавшихъ намъ поколѣній. Вновь предприимая, на лучшихъ теоретическихъ основаніяхъ, великое социальное союженіе, начатое въ среднихъ вѣкахъ, позитивизмъ восстановитъ также поразительное эстетическое развитіе, прерванное классической реакціей. Будучи такимъ образомъ восстановлено, оно, благодаря своей глубокой солидарности, одновременно самопривольной и систематической, со всей совокупностью окончательнаго режима сможетъ затѣмъ все болѣе и болѣе развиваться. Вотъ что мы оставимъ прямо высказать, дабы достаточно охарактеризовать здѣсь эстетическую способность новой философіи.

Какъ единственно возможный отыскъ источникъ твердыхъ и общихъ убѣжденій, служащихъ основаніемъ для стойкихъ и определенныхъ нравовъ, позитивизмъ уже необходимъ для будущаго развитія современнаго искусства. Толкователь и критикъ должны однакоже исполнять это предварительное условіе, дабы наша личная семейная и социальная жизнь стала дѣйствительно доступна идеализаціи. Эстетическими являются только тѣ эмоціи, которыя глубоко чувствуются и само собою воспринимаются. Когда общество лишено всякаго интелектуальнаго и моральнаго характера, искусство, назначенное его изображать, также не можетъ отнестись послѣднимъ и сводится къ смутному упражненію способностей, слишкомъ природнымъ для того, чтобы оставаться бездѣльными, даже если онѣ не служатъ для достиженія какой-либо великой цѣли. Такимъ образомъ, важное значеніе позитивизма для эстетики вытекаетъ прежде всего изъ его способностей завершить революцію путемъ доставленія прямого преобладанія органическому движенію.

Но важно понять здѣсь, что помимо этого бесспорнаго значенія, общаго для всякаго преобразованія, принципъ позитивистскаго переустройства, главнѣйшимъ образомъ, благоприятенъ подъему изящныхъ искусствъ именно потому, что онъ приводитъ къ господству мѣрнѣй и нравовъ, наиболѣе пригодныхъ для искусства.

Нельзя представить себѣ болѣе эстетическаго мировоззренія, чѣмъ то, которое возводитъ чувство въ необходимое основаніе эстетическаго единства и единственнаго цѣлью всего нашего существованія считаетъ всеобщее совершенствованіе, въ особенности моральное. Хотя съ перваго взгляда кажется, что новая философія ставитъ

себя задачей только сдѣлать людей болѣе систематическими, приходится, однако, вскорѣ признать, что она устанавливаетъ это необходимое согласованіе человѣческихъ поступковъ только для того, чтобы сдѣлать насъ болѣе симпатизирующими и болѣе солидарными, основывая нравственную дѣятельность на непоколебимыхъ убѣжденіяхъ. Учи, что главное удовлетвореніе каждого состоитъ въ сдѣлать счастливымъ другого, позитивизмъ указываетъ, наконецъ, искусству его наилучшее назначеніе, именно, развивать добродетельныя чувства, гораздо болѣе эстетичныя, чѣмъ инстинкты ненависти и угнетенія, единственно до сихъ поръ воспѣвывавшіяся. Когда развитіе этихъ чувствъ станетъ нашей главной цѣлью, тогда поэзія прямо войдетъ, какъ составная часть, въ окончательный порядокъ вещей и пріобрѣтетъ важное значеніе, бывшее доселѣ невозможнымъ для нея.

Несмотря на научное происхожденіе новой философіи, наука будетъ тогда сведена къ ея настоящей роли, именно строить объективное основаніе человѣческой мудрости, которое должно служить необходимымъ фундаментомъ для искусства и промышленности, долженствующихъ особенно привлекать къ себѣ наше постоянное вниманіе. Замѣняя всюду абсолютное относительнымъ, относю все къ Человѣчеству, наука ограничитъ научныя истины тѣмъ, чего требуетъ развитіе добра и прекриваго. Разработка же научныхъ вопросовъ, идущая далѣе этого назначенія, будетъ считаться уклоненіемъ по пути праздныхъ умозрѣній отъ главной цѣли нашего индивидуальнаго или коллективнаго существованія.

Необходимое почтеніе идеальности дѣятельности не помѣшаетъ искусству систематически оказывать на науку благотворное вліяніе, которое до сихъ поръ не могло имѣть мѣста, благодаря господству абсолютнаго. Когда достигнута степень истины, удовлетворяющая всѣмъ нашимъ потребностямъ, тогда даже для малѣйшихъ извѣстій всегда остается нѣкоторая теоретическая свобода, которую мы со спокойной смѣлостью и можемъ использовать для скрапшенія нашихъ научныхъ концепцій, дабы сдѣлать ихъ болѣе понятными и, следовательно, болѣе поэтическими.

Это влѣяніе прекраснаго на истину, въ особенности, цѣлесообразно по отношенію къ важнѣйшимъ теоріямъ, прямо касающимся Человѣчества. Такъ какъ точность здѣсь одновременно и менѣе возможна, и менѣе важна, то эстетически соображенія должны быть болѣе видоизмѣнить научныя концепціи, относящіяся къ основной разработкѣ главныхъ историческихъ типовъ. Но когда цѣль существованія будетъ всеобщее совершенствованіе, предпочтеніе естественно будетъ оказано той сторонѣ умственной дѣятельности, которая болѣе способна развивать въ насъ инстинктъ совершенства.

ГЛАВА XVI.

Искусство и образованіе.

Общія благоприятныя условія, создаваемые позитивизмомъ для развитія нашихъ болѣе энергичныхъ и наилучше связанныхъ съ аффективными принципомъ уметенныхъ способностей, въ особенности обнаружатся въ новой системѣ образованія. Изъ указаний, данныхъ въ третьей части, читатель знаетъ уже, что это образованіе будетъ болѣе эстетическимъ, чѣмъ научнымъ, какъ того требуетъ истинная теорія челоѣческой эволюціи. Участіе науки выразится здѣсь въ окончательной систематизаціи того, что искусство, руководимое чувствомъ, само собою подготовитъ. Такъ какъ эстетическій подъемъ челоѣчества предшествовалъ его научному развитію, то такой же порядокъ долженъ соблюдаться въ индивидуальномъ образованіи, которое, согласно позитивной доктринѣ, должно идти тѣмъ же путемъ, что и коллективное воспитаніе. Это стремленіе дать сначала переѣсь поэтическому образованію составлять теперь единственныя разумныя принципы нашего вообще незначнаго классическаго метода. Впрочемъ, извѣстно, насколько подобное притязаніе остается иррациональнымъ въ курѣ знаний, приводящемъ только къ неправильному пониманію всѣхъ извѣстныхъ искусствъ и даже къ глубокому къ нимъ отвращенію. Чтобы охарактеризовать эстетическое ничтожество этого метода, достаточно напомнить, что въ теченіе столѣтій официальное воспитаніе вознесло въ кумиръ французскихъ педагоговъ того въ нашихъ искусственныхъ стихотворцевъ, которому, быть-можетъ, было болѣе чуждо всякое истинное поэтическое чувство.

Осуществляя то, что до сихъ поръ плохо пытались осуществить, позитивистское образованіе позволитъ каждому пролетарію, того и другого пола, съ самаго дѣтства хорошо усвоить себѣ всѣ красоты настоящей поэзіи не только національной, но также западной. Эстетическій подъемъ можетъ быть непрерывнымъ и цѣлесообразнымъ лишь, когда онъ проявляется сначала въ произведеніяхъ, рисующихъ нашу собственную форму общности. И указавъ уже въ другомъ мѣстѣ, какъ молодой позитивистъ дополнитъ свое поэтическое образованіе, ознакомившись съ оригинальной идеализаціей древней жизни. Его образованіе не ограничится изученіемъ основнаго искусства; оно распространится также на спеціальныя искусства, которыя творятъ посредствомъ звуковъ или посредствомъ формъ.

Такимъ-то путемъ эстетическое созерцаніе и размышленіе, помимо ихъ собственной прелести, будутъ предназначены въ кругъ позитивныхъ знаний, для подготовленія къ научному наблюденію и размышленію. Какъ для индивида, такъ и для рода сочетаніе образовъ должно служить основаніемъ для сочетанія знаковъ, которые были сначала слабыми образами. Соответственно способности искусства воспринимать все то, что можетъ насъ заинтересовать, начальное позитивистское образованіе естественнымъ образомъ сдѣлаетъ привычными главныя понятія, которыя должна будетъ систематизировать его научная часть. Эта естественная подготовка особенно отразится на историческихъ изслѣдованіяхъ, къ которымъ смогутъ приступить только лица, уже ознакомившіяся съ поэтическимъ представленіемъ во время различныхъ социальныхъ эпохъ и съ ихъ главными представителями.

ГЛАВА XVII.

Искусство и общественныя празднества.

Занимая видное мѣсто въ позитивномъ образованіи, искусство будетъ также участвовать въ требуемомъ послѣднимъ необходимомъ дополненіи, имѣющемъ цѣлью привить отдѣльнымъ лицамъ и классамъ чувства и принципы, которые практическая дѣятельность стремится всегда искажать. Во всѣхъ частныхъ и общественныхъ торжествахъ, преслѣдующихъ эту важную задачу, позитивизмъ будетъ больше воздѣйствовать посредствомъ эстетическихъ впечатлѣній, чѣмъ посредствомъ научныхъ объясненій. Это преобладаніе должно быть (здесь быть даже болѣе замѣтно, чѣмъ въ образованіи, въ собственномъ смыслѣ слова. Дѣйствительно, такъ какъ всеобщее осознаніе человѣческой мудрости будетъ тогда систематизировано, то достаточно будетъ обратиться съ соответствующимъ призывомъ, и философское духовенство займется не столько познаниемъ, сколько изложеніемъ, природа котораго преимущественно эстетическая.

Революціонный эмпиризмъ уже вызвалъ смутное предчувствіе этой социальной функціи современнаго искусства, какъ главнаго регулятора общественныхъ празднествъ. Но явное ничтожество всѣхъ предпринятыхъ въ этомъ отношеніи съ начала революціи попытокъ, можетъ служить достаточнымъ подтвержденіемъ того, что только философія можетъ выполнять эту роль, которая оказалась не по силамъ политикѣ. Такъ какъ всякое празднество должно состоять въ торжественномъ изъясненіи реальныхъ чувствъ, самопроизвольность составляетъ всегда его неперемѣнное условіе. Слѣдовательно, власть управляющая здѣсь не компетентна, и даже собвѣтующая власть должна вмѣшиваться лишь въ качествѣ органа, систематизирующаго предшествовавшія настроенія.

Начиная со времени паденія католицизма, мы не имѣемъ настоящихъ празднествъ, и они смогутъ воорудиться лишь при свободномъ развитіи позитивизма. До той поры свѣтская власть будетъ попрежнему тѣсно удерживать при участіи безпорочной толпы только недостойныя подобія ихъ, въ которыхъ артисты замѣняютъ зрѣлище. Ея эмпирическія притязанія становятся даже часто тираническими, когда она навязываетъ произвольныя формулы для несуществующихъ чувствъ. Ни одна социальная дѣятельность не подходитъ болѣе очевиднымъ образомъ подъ единственную компетенцію духовной власти, которая одна только способна регулировать вызываемыя ея стремленія. Преслѣдуемая же ею цѣль становится тогда эстетической. Ибо всякое дѣйствительное чествованіе, даже частное и, въ особенности, общественное, составляетъ, въ сущности, произведеніе искусства постольку, поскольку оно предназначено для словесной или мимической идеализаціи соответствующихъ чувствъ. Никакая функція не можетъ быть столь же эстетична, такъ какъ изъясненіе чувствъ обыкновенно требуетъ тѣснаго сочетанія четырехъ специальныхъ искусствъ, подъ руководствомъ основнаго искусства. Вотъ почему свѣтская рутина всегда вынуждена была почитать въ этомъ отношеніи частнымъ указаніемъ художниковъ, даже когда, за

отсутствіемъ настоящихъ поэтовъ, она обращалась за со вспоможеніемъ къ простымъ живописцамъ или скульпторамъ.

Чтобы констатировать эстетическую способность позитивизма въ этомъ отношеніи, достаточно напомнить о культѣ женщины, указанномъ въ четвертой части настоящаго «Обзора», и о культѣ Человѣчества, который будетъ особо изложенъ въ общемъ заключеніи. Оба эти культа дѣйствительно составляютъ главные источники позитивистскихъ празднествъ, какъ частныхъ, такъ и общественныхъ. Такъ что здѣсь нѣтъ надобности въ прямомъ разъясненіи вопроса, который я уже вчеръ разработалъ и о которомъ я вскорѣ поговорю подробно, поскольку это позволитъ тѣсная рамка этого простаго введенія въ спеціальный трактату.

Назначая искусству основную обязанность, которая укрѣпитъ его социальное достоинство, позитивная философія должна доставить ему также новыя общія средства и, въ особенности, открыть ему всю историческую область, къ разработкѣ которой до сихъ поръ были сдѣланы лишь слабыя попытки.

ГЛАВА XVIII.

Идеализація великихъ эпохъ и великихъ людей.

Вынужденная, подъ вліяніемъ классицизма и за отсутствіемъ достойныхъ сюжетовъ въ современной жизни, искать вдохновенія въ древнемъ мірѣ, новая поэзія сама собой пришла уже къ идеализаціи предшествовавшихъ эпохъ челоѣчества. Таковъ былъ основной характеръ творчества нашего великаго Вернеля, посвятившаго всѣ свои драмы поразительному изображенію различныхъ эпизодовъ изъ жизни римлянъ. Возрастающее преобладаніе историческаго направленія породило въ наши дни въ этическихъ сочиненіяхъ аналогичный рядъ менѣе совершенныхъ попытокъ относительно послѣдующихъ временъ: таковы образцовыя произведенія Вальтера Скотта и Маннонъ.

Но эти частичныя изъясненія поэтическаго благоговѣія представляли собой только самопроизвольныя указанія новаго поприща, которое позитивизмъ долженъ открыть эстетическому гению, давая ему свободный доступъ къ прошлому и даже къ будущему. Для того, чтобы эта необходимая область могла быть передана поэзіи, философія должна была сперва охватить ее во всей ея совокупности. А абсолютный духъ, свойственный теологической и метафизической философіямъ, препятствовалъ до сихъ поръ пониманію различныхъ социальныхъ эпохъ, въ особенности, настоящей достаточно, чтобы ихъ надлежащимъ образомъ идеализировать. Напротивъ, позитивизмъ, остающійся всегда релятивнымъ, характеризруется преимущественно исторической теоріей, чрезвычайно облегчающей иттиное созерцаніе всѣхъ формъ существованія, черезъ которыя проšlo и пройдетъ Человѣчество. Некрѣпный монотенъ не можетъ правильно понять и успѣшно изобразить нравы, относящіяся къ составнымъ эпохамъ или вѣдополонства. Поэты-позитивисты, убѣжденные въ существованіи не-

разрывной связи между всеми предшествовавшими состояниями, может настолько сниться съ любой эпохой, чтобы пробудить наши симпатии къ состоянию, внутренне слабы котораго каждый изъ насъ находить въ себѣ самомъ. Именно такимъ образомъ мы можемъ принимать древнія языческія вѣрованія, не ослабляя различными отговорками ихъ поразительнаго эстетическаго значенія, что было невозможно для христіанъ.

Итакъ, новое искусство окажется призваннымъ достойно оживить всѣ предшествовашіе въка, изъ которыхъ только нѣкоторыя были достаточно идеализированы, главнымъ образомъ, Гомеромъ и Корнасемъ. Оно тѣмъ болѣе можетъ рассчитывать на эстетическое значеніе этого источника, что та же философія, которая открестъ ему этотъ послѣдній, сумѣетъ подготовить публику находить въ немъ наслажденіе. Этотъ почти неисчерпаемый рядъ благотворныхъ этическихъ или драматическихъ твореній будетъ тѣсно связанъ, съ одной стороны, со всей системой позитивнаго образованія, а съ другой — съ систематическимъ культомъ Человѣчества, что облегчитъ оцѣнку и будетъ содѣйствовать прославленію культуры Человѣчества, что облегчитъ оцѣнку и будетъ содѣйствовать прославленію культуры Человѣчества.

Наонецъ, нужно признать, что окончательная философія, доставляя искусству болѣе обширные средства, дастъ ему также лучшихъ служителей, такъ какъ будетъ способствовать прекращенію узкой спеціализаціи, которая прямо противорѣчитъ тенденціи къ синтезу, характеризующей всегда настоящую поэзію.

ГЛАВА XIX.

Новая система образованія будетъ благопріятствовать проявленію эстетическихъ дарованій.

Позитивизмъ будетъ непремѣнно развивать всѣ истинныя эстетическія дарованія, благодаря системѣ общаго образованія, которая, будучи установлена для претеріевъ, будетъ пригодна также для всѣхъ другихъ классовъ общества. Такъ какъ мы можемъ идеализировать и изображать только то, съ чѣмъ мы свыклись, то поэзія всегда покоилась на нѣкоторой философіи, способной дать твердое направленіе нѣмъ нашимъ мыслямъ и чувствамъ. Поэтому всѣ истинные поэты, отъ Гомера до Корнеля, получали наиболѣе полное общее образованіе, какое только возможно было въ ихъ время. Необходимо, чтобы эстетическія гевія все продумали, прежде чѣмъ все воспроизводить. Даже теперь, когда намя анархія способствуетъ вѣду преобладанію эмпирической спеціализаціи, мнѣе поэты, считающіе себя избавленными отъ обязанности научать философію, въ дѣйствительности замѣщаютъ это необходимое основаніе нѣмъ остальнымъ теологическимъ или метафизическимъ системъ. Ихъ неважное спеціальное образованіе, ограничивающееся развитіемъ одного только умѣнья писать, столь же вредно для ума, сколь и для сердца. Препятствуя имъ составить глубокія убѣжденія, оно стремится только развивать у нихъ машинальную ловкость, нужную для технической стороны искусства, не уча нѣмъ оцѣнивать идеализацію, которая является его главной характерной чертой. Этому образованію мы обязаны печаль-

ничъ размещеніемъ стихотворцевъ и литераторовъ, чуждыхъ всякаго истиннаго эстетическаго чувства и способныхъ только тревожить общество своимъ неумѣреннымъ честолюбіемъ. Будучи преимущественно техническимъ, нѣмъшнее спеціальное художественное образованіе страдаетъ во всѣхъ отношеніяхъ еще большими недостатками у тѣхъ, кто не получаетъ никакого другаго образованія.

Итакъ, ничто не можетъ освободить лицъ съ эстетическими дарованіями отъ основнаго и общаго образованія. Если мы его признали необходимымъ для женщинъ, то могутъ ли не чувствовать въ немъ потребности поэты и художники? Но въ силу того, что оно глубоко эстетично, оно дѣлаетъ для нихъ нѣмъшнее всякое спеціальное образованіе, за исключеніемъ того, которое само собой вытекаетъ изъ подготовительныхъ упражненій. Никакая другая профессія не можетъ такъ легко обойтись безъ спеціальнаго обученія, которое стремится только сглаживать необходимую оригинальность, заглушая эстетическія порывы техническимъ трудомъ. Не требуется даже сохранить профессиональное образованіе въ спеціальномъ искусствѣ, которая, подобно ремесламъ, слѣдуетъ изучать путемъ старательныхъ упражненій въ подражаніи достойнымъ образцамъ.

Явное безеніе нашихъ общественныхъ музыкальныхъ и художественныхъ школъ, избавляетъ въ этомъ отношеніи отъ великаго объясненія. Помимо представляемыхъ имъ серьезныхъ моральныхъ опасностей, эти учрежденія могутъ только уродовать всякое истинное эстетическое дарованіе. Такимъ образомъ, поэты и художники въ дѣйствительности нуждаются только во всеобщемъ образованіи, предназначенномъ для публики, переживания и мысли которой они должны изображать. Благодаря отсутствію въ немъ спеціализаціи, оно даетъ большую возможность равняться и проявиться настоящимъ талантамъ. Оно, равнымъ образомъ, развиветъ естественную любовь ко всѣмъ изящнымъ искусствамъ, которыя тѣсно связаны между собой; поэтому сильное подозрѣніе внушаютъ тѣ художественно-одаренныя лица, которыя съ гордостью утверждаютъ, что понимаютъ только одно какое-нибудь искусство. Эта универсальность была всегда характерной чертой великихъ мастеровъ, даже въ теченіе послѣднихъ вѣковъ. Ея исчезновеніе въ настоящее время можетъ служить досточнымъ подтвержденіемъ того факта, что въ эпохи, когда искусство лишено социальнаго значенія и философскаго направленія, не бываетъ великихъ художниковъ. Если претіе любители должны разбираться во всѣхъ областяхъ искусства, то возможно ли, чтобы истинные художники понимали только одинъ способъ идеализаціи и выраженія?

ГЛАВА XX.

Въ будущемъ художники будутъ привлечены къ участію въ духовной власти.

Для общаго образованія глубоко эстетичнымъ, позитивизмъ такимъ путемъ уничтожитъ всякое спеціальное обученіе, противорѣчащее настоящему подъему искусства и способное только выдвигать на первое мѣсто посредственность. Второе слѣдствіе этого направленія выразится въ томъ, что не будетъ существовать класса

людей, исключительно посвящающих себя разработці изящных искусств, так как послѣдняя становится тогда естественнымъ добавленіемъ къ функциямъ, характеризующимъ три элемента укрѣпленной власти. Это въ особенности будетъ имѣть мѣсто относительно общего искусства.

При теократическомъ режимѣ, съ котораго вѣду начинается человѣческая эволюція, одна только практическая дѣятельность была отдѣлена отъ созерцательной жизни. Но различныя умозрительныя функции оставались соединенными въ одну и тѣхъ же органахъ, безъ всякаго различія между областями, различными ипослѣдствіемъ, какъ эстетическая и научная. Хотя послѣдовавшее затѣмъ раздѣленіе было необходимо для развитія каждой изъ нихъ, оно, однако, противорѣчило основному порядку, допускающему только одно главное социальное дѣленіе, именно на теорію и практику. Оно, такимъ образомъ, должно вызвать новое сочетаніе,—болѣе тѣсное, чѣмъ первоначальное существованіе—всѣхъ теоретическихъ способностей, необходимое для развитія каждой изъ нихъ, оно, однако, противорѣчило основному порядку, допускающему только одно главное социальное дѣленіе, именно на теорію и практику. Оно, такимъ образомъ, должно вызвать новое сочетаніе,—болѣе тѣсное, чѣмъ первоначальное существованіе—всѣхъ теоретическихъ способностей, необходимое для развитія каждой изъ нихъ, оно, однако, противорѣчило основному порядку, допускающему только одно главное социальное дѣленіе, именно на теорію и практику.

Такимъ-то образомъ методъ спеціализаціи, примѣненіе котораго нормально только въ промышленности, долженъ былъ сперва распространиться на искусство и затѣмъ на науку. Но послѣ того, какъ только благодаря ему оказались возможны рѣшительный подъемъ различнѣхъ умозрительныхъ элементовъ, избавившихся отъ стѣснительной теократіи, этотъ предварительный методъ, въ дѣйствиіе его слишкомъ продолжительнаго примѣненія, является теперь главнымъ препятствіемъ къ установленію окончательнаго порядка, къ которому и стремились всѣ эти частныя подготовленія. Ихъ тѣсное сочетаніе на основаніи новаго принципа ставится отнынѣ главнымъ условіемъ истиннаго преобразования.

Однѣякая главная функция укрѣпленной власти какъ со стороны воспитательной, такъ и со стороны совѣтательной, легко замѣтить, что онѣ требуютъ постояннаго смѣщенія эстетическихъ настроеній съ научными способностями. Если публики должны быть свойственны оба эти характерныя черты, то какъ могутъ онѣ быть раздѣлены у ея истинныхъ духовныхъ руководителей? Послѣднихъ будутъ, однако, по-прежнему называть скорее философами, чѣмъ поэтами, потому что ихъ обычныя качества носятъ болѣе научный, чѣмъ эстетическій характеръ; но они должны понимать искусство также хорошо, какъ науку. Наука требуетъ систематическаго изученія, между тѣмъ какъ для усвоенія искусства достаточно простое упражненіе, за исключеніемъ технической стороны спеціальныхъ искусствъ. Съ другой стороны, всякая эстетическая функция не требуетъ постоянныхъ органовъ, такъ какъ ихъ главное значеніе зависитъ отъ прескокета ихъ произведеній, которыми сохраняютъ вѣчную способность являться вѣду средствомъ идеализаціи и формулированія нашихъ частныхъ или общественныхъ чувствъ. Достаточно, чтобы надлежащее образованіе

одинаково подготовляло исполнителей и слушателей наслаждаться совершенствомъ и отвергать посредственность. Поэтому, всѣ сословія могутъ, какъ мы это часто видимъ, выдвигать изъ своей среды достойныхъ и исключительныхъ служителей искусства, для удовлетворенія новыхъ реальныхъ потребностей въ аффективномъ извлеченіи. Но эта роль естественнымъ образомъ особенно подходитъ классу философовъ, который, когда въ немъ развивается истинный окончательный характеръ, будетъ столь же симпатическимъ, сколь и систематическимъ.

ГЛАВА XXI.

Сравненіе между эстетическимъ гениемъ и гениемъ философскимъ или научнымъ.

Между гениемъ эстетическимъ и гениемъ научнымъ, въ сущности, не существуетъ никакой органической несомѣстности, такъ какъ они въ дѣятельности отличаются другъ отъ друга только способами выраженія, которыя у одного конкретны и идеальны, а у другого отвлечены и реальны. Оба они употребляютъ аналитическій методъ въ своихъ предварительныхъ работахъ и одинаково стремятся къ окончательному синтезу. Ложныя теоріи, предполагающія ихъ несогласимыми, признаютъ останавливаться на какомъ-нибудь временномъ состояніи, соответственно абсолютной тенденціи всякой метафизической доктрины. Если они, дѣйствительно, до сихъ поръ ни разу не были представлены одними и тѣми же лицами, то это лишь потому, что ихъ характерныя обязанности не могутъ исполняться одновременно. Всякое социальное состояніе, требующее великихъ философскихъ умовъ, по необходимости оказывается неспособнымъ вызвать истинный поэтическій подъемъ, такъ какъ оно неизбѣжно вызываетъ переворотъ въ основныхъ мнѣніяхъ, стойкость которыхъ, напротивъ, необходима для искусства. Вотъ почему исторія намъ показываетъ, что перевороты въ области повнн слѣдуютъ за философскими революціями, но никогда не совершаются одновременно.

Изучая интеллектуальные типы, которые мы нашли надлежащей среды, легко убѣдиться, что одинъ и тѣ же лица могли бы съ одинаковымъ успѣхомъ разрабатывать философію или поэзію, въ зависмости отъ эпохи своего появленія. Дидро былъ бы, безъ сомнѣнія, великимъ поэтомъ въ болѣе эстетическое время, подобно тому, какъ Гете былъ бы выдающимся философомъ при другомъ общественномъ движеніи. Всѣ ученые, которые работали болѣе индуктивно, чѣмъ дедуктивно, обнаруживаютъ очевидныя признаки поэтической способности.

Является ли изобрѣтеніе абстрактнымъ или конкретнымъ, принимается ли оно къ познанію реальности или для идеализаціи, оно въ основѣ всегда представляетъ собой одну и ту же мозговую функцію, имѣющую различныя назначенія, главные случаи которыхъ никогда не могутъ сосуществовать. Поразительный синтетическій гений нашего великаго Биофонна долженъ быть исторически обфнень, какъ саморол-

ное проявление этого окончательного слияния научной и эстетической способностей. Восьмо дать бы еще более убедительный примерь одинаковой способности к высшей философии и к наиболее величественной поэзии, если бы современное ему социальное состояние дало ему более определенный толчок в томъ или въ другомъ направлеши.

Такимъ образомъ, вопреки нынѣшнимъ предрассудкамъ, никакая естественная несовмѣстность не помѣшаетъ классу, обычно предающемуся собственно философскимъ занятиямъ, выдвинуть изъ своей среды, когда это понадобится, также выдающихся представителей поэзии. Для этого достаточно будетъ, чтобы наиболее выдающиеся мыслители перешли отъ научной дѣятельности къ эстетической, сообразно естественной склонности всѣхъ великихъ умовъ творить въ той области, которая оказывается наиболее необходимой для ихъ вѣка.

Только относительно специальныхъ искусствъ, въ виду ихъ техническихъ требованш, будетъ необходимо, чтобы ими исключительно занимались нѣкоторые избранные мастера, которые станутъ тогда членами-соревнователями духовной власти, въ силу ихъ дѣянаго участш въ всеобщемъ образованш. Даже въ этихъ исключительныхъ случаяхъ нынѣшняя специализащя будетъ значительно видоизмѣнена, такъ какъ это рѣдкое высокое дарованше будетъ удѣломъ только натурѣ, достаточно эстетическимъ, чтобы имѣть одинаково вкусъ ко всѣмъ изящнымъ искусствамъ, что позволитъ имъ разрабатывать, подобно итальянскимъ художникамъ шестнадцатаго вѣка, одновременно три искусства, касавшихся формы.

Эта поэтическая способность новыхъ философовъ будетъ обнаруживаться обыкновенно только въ формѣ постоянной склонности надсажающимъ образомъ понимать различныя способы идеализащя и способствовать ихъ правильной оцѣнкѣ. Они будутъ выполнять свою эстетическую функцию лишь для организащя общественныхъ нравствъ. Но когда для удовлетворенш социальныхъ потребностей понадобится выдвигать поэтами въ собственномъ смыслѣ слова, но чисто-философское служенше обществу не будетъ тогда нуждаться въ наиболее одаренныхъ умахъ. Такъ какъ великш трудъ по систематизащя и идеализащя должны отнынѣ чередоваться съ меньшими промежутокми, чѣмъ нѣкогда, то можно предположить, что они могли бы выполняться одними и тѣми же лицами, если бы человѣческая жизнь была более продолжительнаю. Но краткость нашего земного существованш и мнѠсескш пылъ, необходимый для всѣхъ выдающихся произведеши, позволяющъ дѣлать подобное предположенше лишь для того, чтобы лучше охарактеризовать основное тождество двухъ способностей, считаемихъ теперь несовмѣстными.

ГЛАВА XXII.

Искусство и женщина.

Относительно менѣ трудныхъ и болѣе многочисленныхъ произведеши, эстетическая компетентность умѣряющей власти часто будетъ проявляться въ исключительныхъ трудахъ своего женскаго элемента. Специальныя искусства, въ особенности касающшся формы, останутся, безъ сомнѣнш, недоступными женщинамъ, въ виду того, что они требуютъ технической ловкости, которая мало присуща имъ и медленное усвоенше которой могло бы заглушить ихъ поразительныя природныя качества. Но передовыя женщины болѣе способны, чѣмъ мужчины ко всѣмъ поэтическимъ произведеши, не требующимъ напряженныхъ и продолжительныхъ усилш. Именно этой областью онѣ должны ограничить свое участше въ умозрительныхъ трудахъ, або научные успѣхи несовмѣстны съ ихъ истинной природою.

Когда новое общее образованше систематически приобщитъ женщинъ ко всеобщему движенш, онѣ значительно усовершенствуютъ всѣ виды поэши, касающшся личной и семейной жизни. Правильно оцѣнивать произведеши искусства и произведше таковыя, въ сущности, одна и та же способность съ разницею только въ степени, чрезвычайно ослаживающейся путемъ упражненш. Почему-же женщинамъ не могли бы превосходить мужчинъ относительно всѣхъ произведеши, которыя онѣ уже имѣютъ лучше оцѣнивать?

Великш эпическш или драматическш помы, назначенныя идеализировать общественную жизнь, кажутся имъ единственными, которыя были бы выше ихъ эстетическихъ силъ. Во всякомъ другомъ отношенш, поэзия является для нихъ естественнымъ занятшмъ; и оно находится въ гармонш съ ихъ социальнымъ положеншмъ, даже когда ихъ дарованше оказывается исключительнымъ. Наши чувства, касающшся частной жизни, никѣмъ не могутъ быть лучше изображены, чѣмъ наиболее чистыми возбудителями ихъ, т.е. женщинами, у которыхъ природное талантливое умѣнье выражаться дополняется стремленше къ идеализащя.

Итакъ, эстетическая организащя человечества должна считаться несовершенной, пока большинство поэтическихъ, а, быть-можетъ, также и музыкальныхъ произведеши не будутъ обязаны своимъ происхожденшмъ спекулятивной дѣятельности любящаго пола. Это женское вмѣшательство особенно необходимо для того, чтобы поэзия, касающшся частной жизни, приобрѣла прочный моральный характеръ, которому она такъ доступна, и котораго мужчины, въ силу своей грубости, могутъ достигнуть лишь путемъ усилш, не согласуемыхъ съ эстетической самородностью. Главная прелесть Лафонтена и изящество Пестраши состоится такимъ образомъ естественно съ болѣе чистой и болѣе глубокой интуищею, что придаютъ небольшимъ поэтическимъ произведешиамъ доселѣ невозможное совершенство.

ГЛАВА XXIII.

Искусство и пролетарий.

Что касается третьего необходимого элемента умиряющей власти, то его эстетическая способность должна быть менее выразительна, так как его активное назначение более удаляет его от умирительной жизни, которую предполагает подобное творчество. Тьмъ не менѣе, всѣ небольшие произведения, въ которыхъ энергія и беззаботность составляютъ главные источники дѣйствительнаго вдохновенія, подходятъ лучше къ пролетаріямъ, чѣмъ къ женщинамъ и, въ особенности, чѣмъ къ философамъ.

Когда позитивистское образованіе надлежащимъ образомъ просвѣтитъ западноевропейскій народъ, оно выдвинетъ изъ его среды достойныхъ поэтовъ и даже музыкантовъ, благодаря присущимъ ему склонностямъ, какъ это уже указываетъ множество примѣровъ. Помимо этого спеціальнаго участія нѣкоторыхъ пролетаріевъ въ эстетической эволюціи, весь народъ косвенно оказывается на нее значительное вліяніе, такъ какъ именно онъ является, главнымъ образомъ, творцомъ языка.

Итакъ, такова окончательная организація искусства въ позитивномъ строй: никакихъ эстетическихъ классовъ въ собственномъ смыслѣ слова, за исключеніемъ нѣсколькихъ мастеровъ-спеціалистовъ; но такое общее образованіе, которое развиваетъ глубокое пониманіе всѣхъ способовъ идеализаціи и способствуетъ разработкѣ ихъ тремя элементами умиряющей власти. Въ основномъ распредѣленіи поэтического труда между силами, не принимающими участія въ управленіи, философамъ отводятся всѣ сюжеты, касающіеся общественной жизни, между тѣмъ какъ сочиненія, относящіеся къ частной или личной жизни, поручаются женщинамъ и пролетаріямъ, смотря по тому, требуютъ ли они преимущественно нѣжности или энергіи.

Такимъ образомъ, умственная работа, лучше всего характеризующая человѣчество, развивается болѣе въ тѣхъ классахъ, въ которыхъ наша природа выступаетъ наиболее ярко. Въ этомъ пріятномъ сотрудничествѣ не будутъ принимать участія только тѣ, кои, заботясь постоянно о достиженіи почестей или богатства, сводятъ эстетическую жизнь къ чисто-кассовымъ наслѣдствіямъ, впрочемъ, услаждаемымъ всеобщимъ позитивнымъ образованіемъ. Тѣсно связанныя съ великими социальными обязанностями, наши функціи идеализаціи будутъ непосредственно стремиться къ своему благородному аффективному назначенію. Потерявъ свой спеціальный характеръ, искусство не представитъ болѣе тѣхъ моральныхъ опасностей, которыми подвержена всякая жизнь, посвященная исключительно выраженію.

ГЛАВА XXIV.

Участіе искусства въ преобразовательномъ движеніи.

Охарактеризовавъ нормальное включеніе искусства въ окончательный строй человѣчества, нѣтъ остается только выяснить его основное участіе въ современномъ преобразовательномъ движеніи. Относительно трехъ необходимыхъ элементовъ этого обновляющаго теченія, мы уже признали, что каждый долженъ ему содѣйствовать, выполняя теперь въ болѣе сильной степени, хотя въ менѣе правильной формѣ, ту роль, которую ему указываетъ окончательная организація. Если-же этотъ путь, естественный для философовъ, систематически являющихся инициаторами переустройства, пригоденъ также для пролетаріевъ, которые его укрѣпятъ, и даже для женщинъ, которыя его освѣтятъ,—онъ долженъ одинаково распространиться и на эстетическое допознаніе этой тройной органической функціи. Прямое изслѣдованіе показываетъ безспорность этого необходимаго скоплетія.

Главная функція искусства состоитъ всегда въ построеніи типовъ, основаніи для которыхъ даетъ ему наука. А эта операція въ особенности необходима для введенія общества въ новый строй. Когда философія достаточно разработала его главныя теоретическія основы, онъ остаются еще слишкомъ неопредѣленными, чтобы отвѣчать своему практическому назначенію. Ибо систематическое изученіе прошлаго можетъ непосредственно намъ представить будущее только въ общихъ чертахъ. Даже относительно малѣйшихъ явленій научное опредѣленіе не можетъ стать полнымъ, если не перейдетъ границы, свойственныя прямому опытному доказательству. Особенно результаты социологическихъ изслѣдованій остаются значительно ниже степени полноты, ясности и точности, требуемой позитивными, назначенными стать всеобщими. Тутъ-то познѣя должна выступить, заполнить неизбежныя пробѣлы философіи и вдохновить позитиву.

Въ началѣ позитивистическаго состоянія она выполняетъ уже эту естественную роль относительно несовершенныхъ проведеній систематической теологіи. Она съ еще большимъ успѣхомъ можетъ пополнить объективную оцѣнку, въ которой воображеніе менѣе участвуетъ. Въ общемъ заключеніи настоящаго «Обзора» я подробно останавливаюсь на этой необходимой поэтической функціи, по поводу центральной концепціи позитивизма. Читатель сможетъ затѣмъ распространить то же самое объясненіе на всѣ другіе главные случаи.

Чтобы выполнить это великое назначеніе позитивистскому искусству естественнымъ образомъ придется представлять намъ картины грядущаго возрожденія человѣчества, разсматриваемого со всѣхъ доступныхъ идеализаціи сторонъ. Это его второе общее содѣйствіе обновляющему движенію выразится въ развитіи его первоначальнаго въ немъ участія.

Это новое служеніе искусства, въ сущности, сводится къ регулированію угоній, постоянно подчиня въ нихъ идеальность дѣятельности, какъ во всякомъ другомъ поэтическомъ сочиненіи. Умственная свобода, которую современная анархія какъ-

будто предоставлять этим утопиям, в концѣ концовъ приводить только къ личному ограничению ихъ дѣйствительнаго подъема, такъ какъ она вызываетъ опасенія даже въ наиболее пылкихъ мечтателяхъ, умъ которыхъ не можетъ оставаться нечувствительнымъ къ общимъ потребностямъ гармоніи мысли. Но когда воображеніе стремится лишь развивать и овладѣть областью ума, тогда наиболее строгіе мыслители охотно подчиняются очарованію, которое, отнюдь не исказя дѣйствительности, только лучше выявляетъ ея главныя характерныя черты, слишкомъ недостаточно опредѣленныя наукой.

Такимъ образомъ, указывая утопіямъ ихъ истинное назначеніе, позитивизмъ способенъ вызвать этотъ новый родъ поэтическихъ произведеній, который, черпая свое вдохновеніе въ социологию, можетъ такъ много содѣйствовать направленію западно-европейскаго народа къ нормальному состоянію челоуѣчества. Всѣ пять эстетическихъ способовъ выраженія участвуютъ въ этомъ благотворномъ побужденіи, позволяя намъ напередъ оценить, сообразно свойственной каждой изъ нихъ идеализаціи, прелесть и величіе новой личной, семейной и общественной жизни.

Это второе общее содѣйствіе искусства великому переустройству естественнымъ образомъ вызываетъ третье, потребность въ которомъ теперь столь же настоятельна и которое должно заставить западные народы окончательно порвать съ безполезными остатками прошлаго, ибывающими повинять будущее. Для этого будетъ достаточно дать сравнительное направленіе картинамъ грядущаго строя, о которыхъ я выше говорилъ.

Съ начала современнаго переходнаго времени, т.-е. съ четырнадцатаго вѣка, искусство, главнымъ образомъ, развивалось въ критическомъ духѣ, который, однако, мало соответствуетъ его природѣ, но преимуществу симетической. Его органической же подъемъ можетъ, однако, вполнѣ согласоваться съ требуемой еще нынѣшнимъ состояніемъ второстепенной борьбы противъ мѣталъ и, въ особенности, противъ враговъ, оставшихся намъ отъ стараго порядка яянъ отъ переходнаго періода. Эта борьба, съ самыми глубокими корнями прошлаго, тѣмъ не менѣе отражается на великой миссіи позитивистскаго искусства, что она не потребуетъ никакой прямой критики. На относительно богословіи, въ касательнѣ метафизики, мы отнынѣ не имѣемъ вѣлобности въ какой бы то ни было поэмѣхъ, даже философской и тѣмъ неже поэтической. Все сводится къ простому соперничеству, чаще всего скрытому, между противоположными способами удовлетворенія однихъ и тѣхъ же моральныхъ и социальныхъ потребностей, практикуемыхъ соответственно католицизмомъ и позитивизмомъ. А эта второстепенная борьба, научная основанія которой уже установлены, вполнѣ по силамъ искусству, такъ какъ здѣсь приходится обращаться болѣе къ чувству, чѣмъ къ разуму. Въ концѣ четвертой части я указалъ наиболее характерный случай, именно, благородное сотрудничество, которое я имѣлъ въ виду представить моей святой подругѣ, и которое должно было состоять въ распространеніи позитивизма среди двухъ южныхъ народовъ, гдѣ эстетическое вмешательство являвшій можетъ, главнымъ образомъ, имѣть успѣхъ.

Въ этой третьей социальной функціи, новая поэзія непосредственно свѣтуетъ свою нынѣшнюю миссію со своимъ окончательнымъ назначеніемъ, идеализируя прошлое, какъ она раньше идеализировала будущее. Ибо установленіе позитивизма

требуетъ, чтобы католицизму, во всѣхъ отношеніяхъ, была отдана полная справедливость. Далеко не уменьшая моральной и политической заслуги средневѣковаго режима, поэзія, руководимая философій, должна будетъ сначала надлежащимъ образомъ вообщить послѣдній, дабы лучше характеризовать неоспоримое превосходство окончательнаго порядка. Такимъ путемъ она сдѣлаетъ первый шагъ къ выполненію своей нормальной обязанности, состоящей въ оживленіи прошлаго, естественная связь котораго съ будущимъ должна стать вполнѣ очевидной для всѣхъ, въ интересахъ какъ систематическаго разсудка, такъ и социального чувства.

Хотя эта троякая служба, благодаря которой позитивистское искусство начнетъ участвовать въ окончательномъ стрѣбѣ, отнесется къ ближайшему будущему, она, тѣмъ не менѣе, не можетъ имѣть мѣста немедленно, такъ какъ она требуетъ философской подготовки, не приобретенной еще въ достаточной мѣрѣ ни западно-европейской публикой, ни представителями искусства. Мирное поколѣніе, только-что начавшее осуществлять во Франціи вторую часть великаго революціи, можетъ дать свободный перевѣсъ позитивизму не только среди истинныхъ мыслителей, но также среди парижскаго народа, вернающаго судьбы всего Запада, и даже среди наиболее передовыхъ женщинъ. Слѣдующее-же поколѣніе, появившееся данному импульсу, сможетъ, еще до исхода вѣка, начатаго Конвентомъ, само собой дополнить это умственное и моральное движеніе, обнаруживая новый эстетическій характеръ возрожденнаго Человѣчества.

ГЛАВА XXV.

Позитивизмъ болѣе благопріятенъ для изящныхъ искусствъ, чѣмъ всякая другая философія.

Соображенія, изложенныя въ этой пятой и послѣдней части, позволяютъ разсматривать позитивную философію, какъ болѣе благопріятную, чѣмъ всякая другая философія, для непрерывнаго подъема всѣхъ изящныхъ искусствъ. Доктрина, призывающая челоуѣчество ко всеобщему совершенствованію, должна глубоко проникнуть во всѣ умозрѣнія, наиболее способными развивать шагъ истиннѣ совершенства. Она ихъ подчиняетъ систематическому изученію дѣйствительности лишь для того, чтобы дать идеальности объективное основаніе, необходимое для ея постоянства и достоинства.

Но организованная, такимъ образомъ, эстетическія функціи болѣе пригодны, чѣмъ научныя функціи, для природы и силъ нашего ума и, въ особенности, для его главнаго назначенія—построенія челоуѣческаго единства; ибо онъ непосредственно относится къ аффективному принципу этой систематизаціи. Послѣ прямого развитія чувства, искусство можетъ затѣмъ служить научнымъ средствомъ, чтобы сдѣлать насъ одновременно болѣе иными и болѣе благородными.

Вліяніе искусства на наше мышленіе можетъ выразиться даже въ усовершенствованіи нашей способности систематизировать, такъ какъ оно приучаетъ насъ съ

равныхъ лѣтъ понимать истинныя свойства всякаго человѣческаго построенія. Наука могла долгое время предпочитать аналитическій методъ; между тѣмъ какъ искусство, даже среди своей высшей аппаріи, стремится всегда къ синтезу, являющемуся необходимой цѣлью всѣхъ нашихъ размышленій. Когда оно, вопреки своей природѣ, работаетъ въ цѣляхъ разрушенія, оно можетъ вынудить свое дѣло только черезъ построеніе. Такимъ образомъ, вкусъ и привычка къ эстетическимъ построеньямъ должны насъ расположить лучше строить на стойкой почвѣ дѣйствительности.

Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ, искусство, руководимое чувствомъ, становится для позитивнаго главнѣйшимъ основаніемъ всеобщаго образованія, въ которомъ затѣмъ вступаютъ наука лишь для необходимой объективной систематизаціи.

Такое сдѣланіе науки съ искусствомъ обязываетъ новыхъ философовъ глубоко понимать всѣ явленія искусства. Хотя обычно эта способность пассивна, она должна будетъ развиваться у главныхъ философовъ до высшей активности въ эпохи философскаго зрѣнія и успешнаго поэтическаго движенія. Безъ этого труднаго дознанія ихъ дѣятельность не можетъ получить того свободнаго моральнаго возмѣненія, которому она доступна по своему характеру и котораго требуютъ ея назначения. Искрѣ Человѣчества обнаружитъ свое конечное превосходство надъ служителями Бога только тогда, когда его систематическій разумокъ надлежитъ образомъ сочетаться съ восторженностью поэта, а также съ женской симпатіей и съ энергіей пролетарія.

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Религія Человѣчества.

ГЛАВА I.

Основные черты новаго строя: любовь какъ принципъ, порядокъ какъ основаніе и прогрессъ какъ цѣль.

Любовь какъ принципъ, порядокъ какъ основаніе и прогрессъ какъ цѣль; таковы, согласно этому данному позитивному разсужденію, основной характеръ окончательнаго строя, который позитивизмъ начинаетъ устанавливать, приводя въ систему все наше личное и социальное существованіе посредствомъ невольнаго сочетанія чувства съ разумомъ и дѣятельностью. Эта окончательная систематизація удовлетворяетъ лучше, чѣмъ это было когда-либо возможно, всѣмъ главнымъ условіямъ, необходимымъ какъ для спеціальнаго развитія различныхъ сторонъ нашей природы, такъ и для ихъ общей связи. Первенствующее значеніе аффективной жизни здѣсь лучше установлена, чѣмъ раньше, такъ какъ позитивизмъ приводитъ въ всеобщее преобладаніе социальнаго чувства, которое можетъ непосредственно скрестить всякую мысль и всякое дѣяніе.

Не будучи никогда стѣснительнымъ по отношенію къ разуму, это господство сердца освѣщаетъ умъ, посвящая его отнынѣ безпрерывно служенію обществу, съ тѣмъ, чтобы онъ освѣтилъ эту дѣятельность и укрѣпилъ ея преобладающее значеніе. Такимъ образомъ, разумокъ, надлежаще подчиненный чувству, приобретаетъ авторитетъ, котораго онъ до сихъ поръ еще не могъ получить, какъ единственно способный открывать основной порядокъ, необходимо управляющей всѣмъ нашимъ существованіемъ, согласно естественнымъ законамъ различныхъ явленій. Это объективное основаніе истинной человѣческой мудрости глубоко дѣйствуетъ даже на наши страсти, которыя находятъ въ необходимости сообразоваться съ нимъ источникъ устойчивости, способный удерживать врожденное имъ неостоянство, и непосредственно пробуждать симпатическіе инстинкты. Присылаемый къ выполненію благородной роли, предохраняющей его отъ всякаго празднаго блужданія, научный гений находитъ самую обильную пищу въ единствѣ всѣхъ реальныхъ законовъ, влияющихъ на нашу судьбу, и, въ особенности, въ мученіи нашей собственной индивидуальной или коллективной природы. Преобладаніе социологической точки зрѣнія, далеко не прешаствуя даже наиболее отвлеченнымъ умозрѣніямъ, увеличиваетъ ихъ постоянство и ихъ достоинство, указывая единственно соответствующее имъ направленіе.

Обеспечивая разумку его справедливое влияние на человеческую жизнь, этот окончательный строй укрывает и развивает обычный посыл воображения, призванного отныне к выполнению своего главного назначения, именно, к постоянному идеальному воспроизведению действительности. Научная функция необходима лишь для построения высшего основания всех наших познаний. Но коль скоро эта операция совершена, эстетическая функция оказывается более подходящими для нашего ума, причем, однако, это необходимое основание, способное, сверх того, предупредить заблуждения постигающих, должно остаться неприкосновенным. Под этим единственным общим условием, эстетическая функция прямо поощряется позитивной систематизацией, как наиболее отбывающая ее аффективному приращению и как наиболее приближающая к ее активной цели. Глубоко связанная с новым образом жизни, она в ней обыкновенно составляет наиболее приятное и наиболее спасительное утешение вашего ума, который не мог бы более прямыми путями стремиться к культивированию чувств и к достижению совершенства.

Вытекал первоначально из активной жизни, окончательная систематизация возвращает к ней с притором энергии, когда, послѣ долгой умозрительной подготовки, она достигнет аффективного принципа, который станет тогда ее примым источником. Отнюдь не выходящая за пределы любви, служащая ей основанием, побуждая нас всегда к наиболее полной деятельности и к посвящению всей нашей жизни всеобщему совершенствованию. Аффективный принцип обязывает нас изучать естественный порядок только для того, чтобы лучше примѣнять наши индивидуальныя или коллективныя силы къ его искусственному улучшению. Если назначенное до сих пор даже относительно материальнаго мира, это нормальное назначение могло пока занять только ничтожную часть человеческих умов. Развитие этого принципа могло бы причинить вред лишь въ томъ случаѣ, если бы оно ограничилось достижениемъ низшихъ ступеней совершенства. Но какъ только наша умозрительная мудрость непосредственно обнимаетъ свою главную область, наша действительная мудрость начинаетъ преимущественно къ важнѣйшимъ измѣненіямъ, гдѣ естественный порядокъ и болѣе несовершененъ, и болѣе доступенъ увеличенію и систематизированъ, начнется стремленіе къ интеллектуальному улучшенію и еще болѣе къ моральному усовершенствованію, въ смыслѣ пріобрѣтенія какъ вѣжливости, такъ и мужества. Частная и общественная жизнь оказываются отнынѣ связанными одной и той же главной цѣлью, облагораживающей всѣ дѣйствія. Отнынѣ необходимо преобладаніе практики, отнынѣ не являясь враждебнымъ теоріи, будетъ предписывать ей, главнымъ образомъ, болѣе трудныя изслѣдованія, для раскрытія истинныхъ законовъ нашей личной и социальной природы, познаніе которыхъ всегда будетъ недостаточно для удовлетворенія нашихъ реальныхъ потребностей. Вместо того, чтобы вызвать моральную суровость, подобная постоянной дѣятельности будетъ насъ безпрестанно толкать къ лучшему пониманію того, что всеобщая любовь составляетъ не только наше главное счастье, но также самое могущественное средство, необходимое для дѣятельности всѣхъ другихъ.

ГЛАВА II. Гармонія между сердцемъ, разумомъ и характеромъ.

ГЛАВА II. Гармонія между сердцемъ, разумомъ и характеромъ.

Когда человеческое существованіе будетъ покоиться на позитивныхъ началахъ, сердце, разумъ и характеръ будутъ взаимно другъ друга укрѣплять и развивать, благодаря постоянной систематизации своихъ естественныхъ функций. Никогда общественная и частная жизнь не могли быть такъ тѣсно связаны, какъ при этомъ одинаково посвященіи въ одну и ту же существенную цѣль, при чемъ онѣ различаются только по обширности средствъ. Отсюда, по возможности, всегда переѣзъ общественности надъ личностью, какъ частная, такъ и общественная жизнь безпрестанно и во всѣхъ отношеніяхъ отдають ей всѣ аффективныя, умозрительныя и активныя силы.

ГЛАВА III.

Духовная и свѣтская власть.

Соотвѣтственно этой окончательной постановки великой человеческой проблемы, социальное искусство, непосредственно посвященное ея общему разрѣшенію, беретъ отнынѣ основными принципами нормальное раздѣленіе двухъ элементарныхъ властей, изъ которыхъ одна моральная, соитупная, другая политическая, управлющая. Необходимое преобладаніе послѣдней, всегда покоющаея на материальной силѣ, соотвѣтствуетъ врожденному переѣзу личности въ нашей несовершенной природѣ, въ которой самыя грубыя потребности оказываются болѣе настоятельными и болѣе постоянными. Безъ этой непреодолимой фатальности наша индивидуальная жизнь была бы лишена стойкости и направленія; но, въ особенности, наше коллективное существованіе не имѣло бы ни характера, ни активности. Вотъ почему моральная власть, покоющаея на убѣжденіи и увѣренности, должна оставаться всегда умѣряющей, не становясь никогда управлющей.

Опираясь на чувство и на разумку, она спеціально представляетъ общественность, которую только она непосредственно развиваетъ. Но уже въ силу того, что она соотвѣтствуетъ нашимъ болѣе возвышеннымъ свойствамъ, она не можетъ достигнуть практическаго преобладанія, принадлежащаго болѣе энергичнымъ. Уступая свѣтской власти въ силѣ, но превосходя ее въ достоинствахъ, она всегда протівоставляетъ свое предполагаемое распредѣленіе людей, сообразно ихъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, действительному распредѣленію по богатству, происхожденію или общественному положенію. Не достигая никогда того, чтобы ея принципы оцѣнки получали переѣзъ, она, тѣмъ не менѣе, приводитъ къ благо-

творному изменению естественного порядка всякого общества, способны распространению чуждого мироощущения и чувства долга, которая практическая деятельность стремится искоренять.

Это основное назначение умиротворяющей власти, потребность в которой чувствуется всюду, систематизируется благодаря характерной способности ее готовить нас к реальной жизни посредством правильного общего образования, сосредоточенного, главным образом, на морали, даже в своей интеллектуальной части. Посвященная, таким образом, умеренно и чувству, эта смягчающая власть может стать достойным и систематическим органом обществу, только оставаясь всегда непричастной к действию. Потому ее первая обязанность состоит в преодолении в своих собственных вкраях бесподобных стремлений к светскому господству, которые, не смотря на недостаточную чистоту их обычного источника, могут стать спасительными лишь у натур, действительно предназначенных к господству. Это торжественное отречение от богатства и почестей является первоначальным основанием настоящей теоретической власти и предварительным условием ее законного сопротивления значительным захватам практической власти. Таким образом она приобретает главную и постоянную поддержку, развивая естественное родство с социальными элементами, которые, как и она, по необходимости чужды политической власти.

ГЛАВА IV.

Роль женщины.

Женщина, представляющая первый самородный источник смягчающего влияния, вследствие своей в высшей степени аффективной природы, становится, в силу своего пассивного общественного положения, домашними сотрудниками истинной духовной власти. Она их тесно приобретает к своей существенной роли, вкраивая им все домашнее образование, а в позитивном строе общественное образование составляет только необходимое систематическое дополнение последнего. Как женщины, они еще более разделяют функции духовной власти, умиротворяя путем аффективного влияния стремление к материальному превосходству, которое она умиротворяет только посредством убеждения.

В той области общественной жизни, которая подходит к их природе, они, по собственному побуждению, помогают этой власти в выработке общественного поступка и в особенности лишь согласно принципам, которые она им внушает. Это тесное сотрудничество развивается лучше, когда все женщины, надеющиеся обладать ни богатством, ни властью, как им это столь часто чаблюдается среди пролетариев.

ГЛАВА V.

Роль пролетария.

Близость народа к философской власти, хотя и менее непосредственна, чем близость женщин, однако, естественным образом доставляет ей энергичную гражданскую поддержку в ее необходимом антагонизме с политической властью. Лишенные одновременно и материального досуга и индивидуальной силы, пролетарии не могут постоянно принимать участие в практическом управлении, философская власть которого обуславливается, главным образом, его сосредоточенностью. Напротив, моральная сила, вытекающая из свободного содействия, допускает и даже требует всеобщего участия. Пролетарии-же, избавленные от всякой серьезной практической ответственности, естественным образом приобретают к теоретической власти, благодаря своей умственной свободе и личной беззаботности, расположенности к ней, лучше чем образованные классы, к чуждому мироощущению и к великодушным чувствам.

Поэтому, когда общее образование, которое будет преимущественно для них предназначено, позволит им лучше формулировать свои желания, они создадут главное основание истинного общественного влияния. Их потребности, равно как и их наклонности, всегда будут их сближать с философской духовной властью, которая станет систематически отстаивать их интересы против покушений господствующих классов.

Взаимный обмен естественной услуги, духовная власть получить от них значительную помощь для выполнения своей великой социальной миссии—непрестанно подчинять светскую власть требованиям нравственности. В исключительных случаях, которые потребовали бы политического вмешательства умиротворяющей власти, активный характер ее народного элемента избавит ее философский элемент от неподходящей для него роли, которая отразилась бы на нем почти также вредно, как и на ее женском элементе.

ГЛАВА VI.

Разрешение великой человеческой проблемы.

Восстание слабого влияния разума на нашу несовершенную природу, новая духовная власть не могла бы непосредственно заставить уважать социальное достоинство истинной теории и ее справедливое отношение к практике. Но ее солидарность с женщинами и пролетариями обеспечит ей могущественную поддержку в каждом городе и даже в вкраях каждой семьи, для организации законного морального воздействия бедных на богатых. Всеобщее образование доставит ему, сверх

того, дополнительную поддержку среди управляющих классовъ, благодаря добровольному поступлению въ наиболее благородныхъ членовъ въ своего рода новое рыцарство.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на эту обширную организацію моральной силы, въ насъ такъ сильно и самопроизвольно развита личность, что дѣйствительное разрушеніе великой человѣческой проблемы всегда останется ниже нашихъ справедливыхъ пожеланій. Это соображеніе, распространяющееся на всѣ виды нашей истинной судьбы, должно только побудить насъ къ еще большому сосредоточенію всѣхъ нашихъ усилий для улучшенія естественнаго порядка въ его наиболее важныхъ отношеніяхъ, являющихся одновременно и наиболее измѣняемыми и наименѣе совершенными.

Нашъ главный прогрессъ, какъ коллективный, такъ и индивидуальный, состоитъ въ безпрестанномъ развитіи этой, исключительно намъ принадлежащей, власти надъ нашими собственными несовершенствами, въ особенности, моральными. Это характерное стремленіе не могло въ достаточной степени развиться въ древности, которая должна была только подготовитъ его проясненіе, путемъ созданія необходимой интеллектуальной и социальной почвы. Ея назначеніе было даже настолько несомнительно съ прямой постановкой великаго человѣческаго вопроса, что она требовала всегда, напротивъ, полного подчиненія морали политикѣ.

Но эта благородная цѣль такъ соответствуетъ нашему роду, что, начиная съ среднихъ вѣковъ, онъ къ ней открыто стремится, не взирая на препятствія, создаваемые недостаточнымъ выполненіемъ двухъ предварительныхъ условий. Господствующая доктрина не была ни достаточно реальна, ни достаточно познана; характеръ общности оставался еще слишкомъ военнымъ и слишкомъ аристократичнымъ, чтобы позволить установитъ окончательное преобладаніе морали надъ политикой. Тѣмъ не менѣе, неизбежная неудовлетворительность этой поразительной попытки не побуждала западныхъ народовъ опробовать этотъ основной принципъ, который пережилъ затѣмъ безвозвратное паденіе породившихъ его первоначально мѣстныхъ и правыхъ.

Дабы доставитъ ему рѣшительный перевѣсъ, нужно было, чтобы настоящей философскій умъ, долгое время ограничивавшійся простѣйшими изслѣдованіями, постепенно охватилъ всю область умозрѣнія и сталъ вполнѣ систематическимъ, достигнувъ, наконецъ, социального образа мышленія. Въ то же время было необходимо, чтобы промышленная дѣятельность окончательно одержала верхъ надъ военной дѣятельностью у всѣхъ народовъ, подготовленныхъ къ этому римской культурой и католическо-феодалнымъ режимомъ.

Это двойное основное наступленіе совершалось, наряду съ общимъ разложеньемъ стараго порядка въ теченіе долгаго переходнаго періода, отдѣляющаго насъ отъ средняго вѣкова. Рѣшительное потрясеніе ¹⁾ побудило затѣмъ передовую часть человечества вновь непосредственно предпринять, на лучшихъ теоретическихъ и социальныхъ основаніяхъ, изслѣдованіе великой проблемы, поставленной нашими благородными и рыцарскими предками, чтобы придти, наконецъ, къ ея коренному рѣшенію, которое позитивизмъ теперь систематизировалъ и формулировалъ.

¹⁾ Революція 1789 г.

ГЛАВА VII.

Человѣчество есть истинное Великое Существо.

Всѣ главные фазисы этого коллективнаго подготовленія требуютъ, чтобы отдѣльная личность, сама собой или систематически, получала разностороннюю подготовку, иначе преусиленіе оказалось бы лишь поверхностнымъ. Даже необходимо, чтобы эти различныя формы и степени человѣческаго перерожденія, помимо ихъ тѣсной связи, всѣ естественнымъ образомъ стремились бы къ одному и тому же центру, способному непосредственно установитъ основное единство окончательнаго порядка вещей. Безъ этого сосредоточенія позитивная систематизація не можетъ всецѣло захватить систематизацію теологической философіи, несмотря на болѣе высокую однородность и солидарность ея болѣе реальныхъ и болѣе стойкихъ элементовъ.

Итакъ, къ своему аффективному принципу, рациональному основанію и активной цѣли позитивизмъ долженъ добавитъ единый центръ, который охватывалъ бы одновременно чувство, разумъ и дѣятельность. Таково послѣднее условіе его частнаго и общаго возобладавшаго.

Это условіе вполнѣ выполняется, благодаря тому, что всѣ позитивистскіе взгляды естественно сходятся въ великомъ понятіи Человѣчества, которое навсегда замѣнило понятіе Бога и установило окончательное единство, болѣе полное и болѣе прочное, чѣмъ временное единство первоначальнаго порядка. Такимъ образомъ, распространеніе и примѣненіе новой общей доктрины становится доступнымъ всѣмъ сердцамъ и, следовательно, всѣмъ умамъ, при чемъ они извлекаются теперь отъ долгаго и труднаго усвоенія ея научнаго введенія, остающегося необходимымъ только для ея систематическихъ органовъ.

Въ виду своей еще болѣе моральной, чѣмъ интеллектуальной природы, всеобщій центръ позитивизма тотчасъ напоминаетъ аффективный принципъ окончательной систематизаціи. Ибо, такъ какъ характерная особенность этого новаго Великаго Существа состоитъ въ томъ, что оно необходимо состоитъ изъ отдѣльныхъ элементовъ, то все его существованіе покоится поэтому на взаимной любви и дружбѣ постоянно его различныя части, при чемъ никакой расчетъ никогда не могъ бы замѣнить этого инстинктивнаго чувства.

Этому прямому преобладанію социальнаго чувства соответствуетъ непрерывное развитіе цѣльнаго міросозерцанія, которое одно только позволяетъ разсматривать общее самопроизвольное участіе, результатомъ котораго является этотъ необычный организмъ, а не останавливаться на частныхъ столкновеньяхъ. Такъ что, разумъ также, какъ и любовь, участвуетъ въ этомъ окончательномъ сосредоточеніи нашихъ воззрѣній вокругъ одного понятія. Кроме того, только онъ дополняетъ это понятіе воззрѣній вокругъ одного понятія. Кроме того, только онъ дополняетъ это понятіе настоящаго Верховнаго Существа, открывая всѣ высшія и внутреннія условія его реального существованія.

Но дѣятельность не менѣе, чѣмъ чувство и разумъ, присуща природѣ позитивистскаго единства. Ибо самый сложный организмъ долженъ болѣе всякаго другого

беспреданно воздѣйствовать на соответствующую среду, дабы, приспособляясь къ ней, видоизмѣнить ее. Отсюда рождается необходимый прогрессъ, являющийся всегда только развитіемъ порядка, вытекающаго изъ любви.

Такимъ образомъ, въ Человѣчествѣ скаго и непосредственно представлены три главныхъ характерныя черты позитивизма: субъективный двигатель, объективный догматъ и активная дѣяль. Въ этому единственному Великому Существо, необходимымъ членамъ котораго мы, безъ сомнѣнія, являемся, будемъ отнынѣ относиться всѣ стороны нашего индивидуальнаго или коллективнаго существованія: наши размышленія, чтобы его познать, наши страсти, чтобы его любить и наши дѣйствія, чтобы ему служить.

Вотъ какимъ образомъ позитивисты могутъ, лучше чѣмъ какіе бы то ни были богословы, разсматривать жизнь, какъ истинный культъ, столь же интимный, сколь и общедоступный. Это постоянное поклонение Человѣчеству воспламенитъ и очистишь всѣ наши чувства, возвыситъ и освѣтитъ наши мысли, облагородитъ и укрѣпитъ всѣ наши дѣйствія. Великая проблема, поставленная въ среднѣ вѣка, оказывается, поскольку это возможно, прямо разрѣшенной, такъ какъ подчинение политики морали здѣсь необходимо вытекаетъ изъ святаго преобладанія общечеловѣческой надъ личностною.

Такимъ-то путемъ позитивизмъ становится, наконецъ, настоящей религіей, единственно полною и реальною, назначенной одержать верхъ надъ всеми несовершенными и временными систематизаціями, вытекающими изъ первоначальнаго теологизма.

Единство древнихъ теократій было недостаточно, такъ какъ его чисто субъективная природа не могла никогда охватить вполнѣ практическое существованіе, всегда подчиненное объективной дѣятельности. Ограниченная чувствомъ и разсудкомъ, эта первоначальная систематизація потеряла значительную часть своей интеллектуальной области, когда эстетическій духъ безвозвратно освободился отъ теократической опеки, дабы лучше приспособиться къ реальной жизни, сообразно своему саморазумному призванію. Оставшіеся единственными судьями въ области науки и нравственности, жрецы пережили затѣмъ паденіе своего теоретическаго авторитета, вскорѣ послѣ того, какъ развитіе простѣйшихъ эмпирическихъ позитивныхъ теорій создало почву для зарожденія философіи въ собственномъ смыслѣ слова.

Хотя эта философія могла быть тогда только метафизической, она, тѣмъ не менѣе, сдѣлала попытку дать анти-жреческую систематизацію, которая, хотя и не обладала никакими органическими достоинствами, разрушила политеизмъ и, въ концѣ концовъ, превратила его въ монотеизмъ. Въ этой крайней формѣ теологической философіи умерительный авторитетъ духовенства пострадалъ такъ же сильно, какъ и принципъ ея доктрины. Духовенство потеряло тогда свое научное господство, такъ оно раньше потеряло свое первенство въ области эстетики. Оно сохранило только моральный авторитетъ, вскорѣ попорванный умственной эмансипаціей, реальнымъ источникомъ которой былъ позитивный духъ, хотя метафизическій духъ послужилъ ему еще систематическимъ органомъ.

ГЛАВА VIII.

Жрецы Человѣчества.

Когда наука достаточно расширилась, чтобы, въ свою очередь, отдѣлиться отъ философіи, она не замедлила обнаружить свое необходимое стремленіе къ новому цѣльному миропониманію, столь же противорѣчающему всякой метафизикѣ, какъ и всякой теологіи. Это окончательное построеніе, естественнымъ образомъ связанное съ непрерывнымъ и длиннымъ рядомъ предварительныхъ работъ, въ которыхъ философія и теологія не нуждались, привело позитивный духъ къ систематизаціи активной жизни, служившей для него опорнымъ пунктомъ въ его зашедшей области умовренія.

Но это двоякое развитіе могло завершиться только послѣ недавняго созданія истинной социальной науки, основанной на моральной философіи, необходимо будутъ стремиться принять жреческій характеръ, потому что эта окончательная научная разработка приводитъ къ систематическому преобладанію аффективнаго принципа, въ результатѣ чего получается полное и однородное построеніе.

Возведенные такимъ образомъ въ жрецы Человѣчества, новые философы должны получить интеллектуальное и моральное значеніе, болѣе обширное и лучше укорененное, чѣмъ превосходство жреческой корпораціи въ древности. Ихъ необходимое отреченіе отъ всякаго свѣтскаго авторитета становится основнымъ условіемъ этого духовнаго первенства, обеспечивающимъ систематическое раздѣленіе между теоріей и практикой. Никакое теократическое вырожденіе не можетъ имѣть мѣста въ стрѣхъ, гдѣ свѣтъ и покаяніе никогда не могутъ исходить отъ однихъ и тѣхъ же лицъ.

Благодаря этому полному отреченію какъ каждаго въ отдѣльности, такъ даже всей корпораціи, отъ почестей и богатства, жрецы Человѣчества приобретутъ немалое значеніе, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ интеллектуальное главенство, какъ эстетическое, такъ и научное и моральное превосходство, которыя оставались раздѣльными со времени паденія теократіи. Такимъ образомъ, разсудокъ, воображеніе и чувство сочетаются вмѣстѣ, чтобы глубоко измѣнить необходимое господство практической дѣятельности сообразно съ истинными законами всеобщей морали, отъ которыхъ она постоянно уклоняется.

Эта новая укрѣпляющая власть приобрететъ тѣмъ болѣе вліянія, что ея систематизація будетъ предшествовать и подготовитъ прямое установленіе окончательнаго строя; между тѣмъ какъ теологія достигла единства только въ эпоху своего упадка. Позитивное же духовенство должно передернуть одновременно всѣ функціи, относящіяся къ нашему собственному совершенствованію, принявъ науку изучать Человѣчество: познать—его воспитывать и мораль—внушать къ нему любовь, дабы, благодаря этому свѣтскому воздѣйствію, политика не преставало стараться служить ему.

Подобная миссія доставляетъ реальной наукѣ неизвѣстную ей доселѣ вѣличіе и прочность, такъ какъ она одна только позволяетъ намъ познать природу и со-

стояние подлинного Великого Существа, поклонение которому должно направлять все наше существование. Хотя кажется, что это основное предназначение вытекает непосредственно только из социологических изысканий, оно, однако, необходимо покоится на двойном логическом и научном введении, относящемся сначала к высшему миру и затем к индивидуальному человеку и дающем возможность оценить среду и действующую силу, проявляющуюся в этих важных явлениях.

ГЛАВА IX.

Статический взгляд на Человѣчество.

Культу позитивизма не обращается, подобно культуре теологов, к существу абсолютному, изолированному, недоступному, бытие которого принимается на веру без всяких доказательств и не допускает никакого реального сравнения. Никакая тайна не должна затенять самородную очевидность, характеризующую новое Верховное Существо. Оно будет достойно восхвалено, любимо и служимо, лишь послѣ достаточно познания всѣх естественных законов, управляющих его существованіем, представляющим собой самое сложное из доступных нашему пониманію явленій.

Въ виду своей чрезвычайной сложности, оно обладает еще болѣе, чѣм всякій другой организмъ, двумя свойствами: внутренней солидарностью и высшей приспособляемостью, присущими всякому живому тѣлу. Но възрван на его необъятное распространѣніе во времени и пространствѣ, точная оцѣнка каждого изъ обуславливаемых имъ явленій показывають намъ его всеобщую согласованность (consensus). Его существованіе также чрезвычайно зависитъ отъ высшей необходимости, вытекающей, относительно каждаго реального существа, изъ совокупности иныхъ законовъ. Но всѣмъ обыкновеннымъ необходимымъ явленіямъ: математическимъ, астрономическимъ, физическимъ, химическимъ и биологическимъ присоединяются еще явленія социологическія, чуждая натуральн, недостаточно возвышеннымъ. Но въ силу великой другой, на весь реальный миръ, истиннымъ главой котораго онъ является. Такимъ образомъ, научное опредѣленіе представляеть его какъ истинно-верховное существо, наилучшимъ образомъ обнаруживающее себѣ свойства *знанности*.

Но еще одна существенная черта, принадлежащая только ему, должна дополнить его основное понятіе, систематически показывая необходимую независимость его собственныхъ элементовъ. Въ то время, какъ различныя части всякаго другого организма не могутъ жить самостоятельно, великое тѣло складается изъ реально-отдельныхъ живыхъ. Хотя эта независимость не мѣшаетъ согласованности, она также, какъ и общая работа, необходимо вытекаетъ изъ природы этого существа, которое потеряло бы все свое превосходство, если бы его элементы стали неотдѣльными. Трудность согласовать эти два одинаково основныхъ условия достаточно объяснить медленность этой высшей эволюціи.

Однако, познание новаго Великаго Существа не требуетъ, подобно познанію стараго, чисто субъективнаго отвлеченія. Понятіе о немъ вытекаетъ, напротивъ, изъ точной объективной оцѣнки: ибо человекъ, въ собственномъ смыслѣ слова, существуетъ только въ слишкомъ абстрактномъ мозгу нашихъ метафизиковъ. Въ сущности, реальнымъ является только челоѣчество, хотя сложность его природы прелатстрировала намъ до сихъ поръ систематизировать это понятіе, составляющее необходимый предѣлъ нашего научнаго познания.

Эта послѣдняя оцѣнка приводитъ къ дополненію систематической концепціи Верховнаго Существа, различая въ немъ два рода основныхъ функций, изъ которыхъ одна относится къ дѣятельности, другая же къ связи между отдѣльными частями. На самомъ дѣлѣ, непосредственно дѣйствующими въ немъ являются только отдѣльныя части, но успѣшность ихъ операций зависитъ отъ ихъ непрорывной или обдуманной согласованности.

Такимъ образомъ, для существованія этого организма необходимо одновременно высшія функціи, главнымъ образомъ относящіяся къ его материальному бытію, и функціи внутреннія, спеціально служащія для сочетанія его подвижныхъ элементовъ. Это необходимое раздѣленіе функцій, въ сущности, сводится къ распространенію на коллективный организмъ заимствованной теоріи неравнаго Бина о различіи во всякомъ индивидуальномъ организмѣ двухъ живей: питанія и связыванія. Здѣсь же открывается истинный и систематическій источникъ нормальнаго раздѣленія двухъ социальныхъ властей. Свѣтлая власть, одна только управляющая, вытекаетъ изъ личности и развиваетъ дѣятельность, результатомъ которой является основной порядокъ; между тѣмъ какъ духовная власть, чисто умѣряющая, непосредственно представляеть общественность и устанавливаетъ кооперацію, опредѣляющую прогрессъ. Такимъ образомъ, въ концепціи Великаго Существа первая соответствуетъ аппарату питанія, а вторая—нервной системѣ индивидуальнаго организма.

ГЛАВА X.

Динамическій взглядъ на Человѣчество.

Предшдущее статическое изысканіе позволяетъ наукѣ прямо оцѣнить соответственное динамическое существованіе, прибѣгая мою основную теорію челоѣческой эволюціи, какъ это будетъ показано въ третьемъ томѣ этого трактата.

Наше Великое Существо не является ни неподвижнымъ, ни абсолютнымъ; его релятивная природа дѣлаетъ его въ высшей степени доступнымъ развитію: однимъ словомъ, оно наиболѣе живое изъ всѣхъ известныхъ существъ. Оно все болѣе и болѣе распространяется и усложняется, благодаря безпрерывному накопленію челоѣческихъ поколѣній.

Но его необходимыми измѣненія, также какъ его основныя функціи, подчинены неизмѣннымъ законамъ. Всѣ эти законы, отнынѣ доступные оцѣнкѣ, составляютъ

болѣе внушительное зрѣлище, чѣмъ возвышенная кость прежняго Верховнаго Существа, пассивное существованіе котораго прерывалось только необъяснимыми прихотями.

Итакъ, одна только реальная наука можетъ намъ дать повѣсть эту высшую форму жизни, обнимающую всѣ наши жизни и господствующую надъ ними. И въ этомъ случаѣ, совершенно такъ же какъ и относительно протѣйшихъ извѣстій, только посредствомъ систематическаго изученія прошлаго можно опредѣлить будущее и характеризовать настоящее. Такимъ образомъ, отъ нормальной концепціи Великаго Существа мы переходимъ къ исторіи его непрерывнаго образованія, которая въ цѣломъ представляеть краткій обзоръ всѣхъ успѣховъ, достигнутыхъ во всѣхъ областяхъ.

Въ древности познаніе его было несомнѣнно какъ съ вліяніемъ теологическаго духа, такъ и съ развитіемъ военной дѣятельности, покоящейся на работѣ производителей. Идея отечества, первоначально чрезвычайно ограниченная, одна только могла составить тогда необходимое введеніе къ идѣ Человѣчества.

Изъ этого первобытнаго націонализма возникаетъ въ средніе вѣка чувство всеобщаго братства, вслѣдствіе оборонительнаго характера новой военной дѣятельности и свободнаго свѣженія сверхъестественныхъ вѣрованій въ монотеистическую религію, исповѣдаемую всѣмъ Западомъ. Развитие рыцарскихъ правовъ и первая попытка нормальнаго отдѣленія свѣтской власти отъ духовной указывали уже въ непосредственную дѣятельность великаго организма, выражающуюся въ подчиненіи политики морали.

Но химерическая и эгоистическая природа господствовавшихъ вѣрованій и военно-аристократическій характеръ этого переходнаго режима позволяли совершить въ этомъ направленіи только подготовительный трудъ, а именно—уничтожить всякое личное рабство, что и было главнымъ результатомъ этой великой эпохи. Такъ какъ промышленные нравы начали такимъ образомъ преобладать, то чувство братства могло опереться на дѣйствительно всеобщую дѣятельность. Въ то же время рѣшительное развитіе рациональной позитивности подготовило окончательную разработку социальной науки, единственно способной систематизировать подобныя предварительныя работы, чтобы прямо приступить къ построению понятія о настоящемъ Великомъ Существомъ.

Это понятіе систематизировалось сначала въ умозрительныхъ функціяхъ, особенно въ научныхъ, давшихъ два вѣка тому назадъ первую формулу ¹⁾, отождѣленія теологико-военной системы, возвышенія эволюціи, пользуюсь всей предварительной органической работой, породила реальное понятіе непрерывнаго прогресса, характеризующаго эту коллективную жизнь.

Но идея Человѣчества могла построить новое основное единство лишь послѣ рѣшительнаго потрашенія ²⁾, которое, съ одной стороны, показало безотлагательность

¹⁾ Авторъ имѣетъ въ виду слѣдующую мысль Паскаля: «всѣхъ рядъ людей, идущихъ черезъ столько вѣковъ, слѣдуетъ разсматривать какъ единого человѣка, вслѣдъ существующаго и безпрестанно познающаго».

²⁾ Революція 1789 г.

необширо преобразования и, съ другой, вызвало созданіе философіи, способной его систематизировать. Такимъ-то образомъ, созерцаніе новаго Великаго Существа всегда сопровождало его постепенное образованіе. Его вышняя концепція вѣрнѣе выражаетъ какъ всѣ наши социальные подготовленія, такъ и всѣ наши позитивныя умозрѣнія.

ГЛАВА XI.

Наука и ученые.

Послѣ такой характеристики прямого назначенія преобразованной науки, было бы излишне долго доказывать важность ея необходимаго неорганическаго и биологическаго введенія, отнынѣ тѣсно связаннаго съ окончательнымъ догматомъ. Ибо также, что самая низшая ея часть получаютъ, благодаря этому, высшее социальное значеніе, какъ вслѣдствіе ихъ логическаго превосходства, такъ и въ силу ихъ научной необходимости.

Правда, религія Человѣчества требуетъ въ настоящее время кореннаго измѣненія академическаго метода, такъ какъ онъ одновременно и безнравствененъ и не разуменъ, въ особенности въ Франціи. Этотъ двойной недостатокъ на самомъ дѣлѣ обусловленъ: у геометровъ тѣмъ, что они остановились на порогѣ позитивизма, у биологовъ—эмпирической тенденціей работать безъ системы. Здравый смыслъ и мораль вскорѣ осудятъ всякую теоретическую спеціальность, которая не будетъ разсматриваться и разрабатываться сообразно эмпирическимъ взглядамъ, способнымъ связать ее съ совокупностью нашего существованія. И только такимъ путемъ можно бороться съ идолопоклонствомъ и эгоизмомъ, пустившимъ уже очень глубокіе корни и не обходимо вызванными современной анархіей.

Но это необходимое очищеніе обезпечить затѣмъ общественное признаніе всѣхъ истиннымъ научнымъ трудомъ, даже касающимся самыхъ маловажныхъ вопросовъ. Математическія знанія, извлеченныя отъ ихъ пагубной сухости, обнаружатъ свою тайную моральную способность, какъ единственное реальное основаніе истинно непоколебимыхъ убѣжденій, которыхъ не въ состояніи достигнуть никакіе другие умозрѣнія тѣ, кои не могутъ ихъ составить себѣ относительно высокихъ умозрѣній.

Когда тѣсная связь всѣхъ нашихъ понятій будетъ достаточно очевидна, Великое Существо отвергнетъ какъ публициста, чуждаго геометріи, такъ и геометра, пренебрегающаго социологіей. Точно также биологическія изслѣдованія, очищенныя отъ ихъ опаснаго матеріализма, приобретутъ важное значеніе благодаря своимъ теоріямъ, наиболее близкимъ къ окончательной наукѣ и наиболее способнымъ подготовить основную догмату. Умъ, который пожелалъ бы познать Верховное Существо, не отынивъ сперва низшія формы жизни, не менѣе достоинъ порицанія, чѣмъ тотъ, который отказался бы искать въ биологіи ея единственнаго нормальнаго назначенія.

Ставъ необходимыми для моральныхъ доказательствъ и надеждающимъ образомъ подчиненныя внутреннимъ сердца, всѣ здравыя научныя теоріи окажутся отнынѣ глубоко связанными съ священнослуженіемъ Человѣчества. Царство истиннаго чувства

вызвать подъём справедливого разсудка, который, въ свою очередь, укрѣпитъ это царство доводами ума. Помимо своей очевидной необходимости для регулированія непосредственной дѣятельности Великаго Существа, естественная философія стремится затѣмъ къ его совершенствованію, черпая во внѣшнемъ мірѣ единственное прочное основаніе, совмѣстимое со всеми нашими чувствами.

Непреложно посвященная прямому или косвенному изученію Человѣчества, наука пріобрѣтаетъ истинно-священный характеръ, какъ систематическое основаніе всеобщаго культа. Лишь она одна можетъ намъ помочь правильно познать не только природу и состояніе Великаго Существа, но также его судьбы и его послѣдовательныя стремленія. Исполняя это священное служеніе, неодолимая трудность котораго требуетъ постоянного сочетанія всѣхъ нашихъ умозрительныхъ силъ, наши малѣйшіе научные процессы облагораживаются, вслѣдствіе своей постоянной связи съ наиболее высокими функциями. Строгая точность и сугубая осторожность позитивнаго метода, зачастую кажуціяся ребяческими, вслѣдствіе ихъ безпосреднаго приложенія, будутъ уважаемы и рекомендуемы какъ необходимыя гарантіи дѣлсообразности труда, относящагося къ нашимъ главнымъ потребностямъ. Будетъ признано, что далеко не являясь несовмѣстимымъ съ истиннымъ чувствомъ, настоящая рациональность можетъ значительно способствовать его укрѣпленію и развитію, лучше раскрывая всѣ реальныя и, въ особенности, социальныя отношенія.

ГЛАВА XII.

Религія Человѣчества болѣе благопріятствуетъ искусству, чѣмъ науцѣ.

Но какъ бы внушительно ни было величіе, которое пріобрѣтаетъ образованная наука благодаря новому культу, значеніе, которое она необходимо придаетъ поэзіи, будетъ еще ярче и полнѣе, соответственно ей болѣе дѣятельному и болѣе общему назначенію. Посвятивъ себя отнынѣ воспѣванію Человѣчества, эстетическій гений почувствуетъ себя непосредственно призваннымъ къ выполненію своей естественной миссіи, къ которой все его предшествовавшее развитіе было только необходимымъ вступленіемъ, которое почти всегда нетерпѣливо совершается искусствомъ, освобожденнымъ раньше науки отъ теоретическаго ига. Оно вполне мирилось только съ политестическимъ режимомъ, который позволялъ ему свободно идеализировать всѣ наши элементарныя чувства и навивно изображать боговъ соответственно человѣческому типу. Тайно возмущаясь противъ монотеизма, значительно ограничившаго его своимъ истинной областью, подчиненной до того времени туманнымъ суевѣріямъ. Культъ настоящаго Великаго Существа откростъ ему вскорѣ неисчерпаемое поле дѣятельности, признавая его идеализировать, главнымъ образомъ, напу коллективную жизнь, лишь слабыя черты которой могла ему показать древность, мало благопріятная для высокой поэзіи.

ГЛАВА XIII.

Поэтическое изображеніе новаго Вѣрховнаго Существа.

Прежде всего, искусство должно принять большое участіе въ построеніи основнаго типа при одномъ лишь условіи—собразоваться всегда съ важными научными данными. Ибо наука не можетъ опредѣлить природу и назначеніе новаго Вѣрховнаго Существа настолько, чтобы удовлетворить потребностямъ культа, объ объектѣ котораго должно быть ясное представленіе, дабы можно было любить его безъ усилія и усердно служить ему. Эстетическому гению надлежитъ заполнить неизбежныя пробѣлы, оставляемые въ этомъ отношеніи научными данными, и въ подобномъ вопросѣ. Его собственный характеръ болѣе эстетиченъ, чѣмъ научно. Независимость и объединенность, сочетаніе которыхъ отличаетъ Великое Существо отъ всѣхъ другихъ живыхъ организмовъ, являются также врожденными свойствами поэзіи. Хотя ея природа болѣе симпатическая, чѣмъ природа науки, тѣмъ не менѣе, ея произведенія болѣе индивидуальны, такъ какъ въ нихъ особенно дарованія каждаго автора болѣе пылко выступаютъ, ибо они или менѣе обязаны своимъ предшественникамъ и современникамъ.

Такимъ образомъ, основной синтезъ, устанавливавшій окончательный культъ, можетъ исходить отъ искусства болѣе, чѣмъ отъ науки, которая создастъ ему только необходимый фундаментъ. Поэзія приметъ здѣсь еще большее участіе, чѣмъ при первоначальной разработкѣ политическаго типа, гдѣ ея столь превосходное сотрудничество было болѣе кажущееся, чѣмъ реальное, и, въ сущности, сводилось къ украшенію созданныхъ творчествъ и мнѣній. Только поэзія, въ концѣ концовъ, поставитъ на истинную человѣческую точку зрѣнія, объяснитъ намъ надеждамъ образъ всѣхъ существенныхъ свойствъ Великаго Существа, въ составъ котораго мы входимъ. Она будетъ воспѣвать и его материальную силу, и его физическое совершенствованіе, и его умственное преуспѣваніе, и, въ особенности, его моральное совершенствованіе. Чуждою анализу, искусство объяснитъ намъ природу и состояніе Человѣчества, изображая его истинное назначеніе, его безпрестанную борьбу противъ прискорбныхъ гоненій рока, ставящую источниковъ счастья и славы, его медленную предварительную эволюцію и ожидающее его прекрасное будущее. Уже одна исторія всеобщей любви—необходимой души новаго Великаго Существа—доставитъ обновленной поэзіи неистощимый матеріалъ для изображенія въ индивидуѣ и, въ особенности, въ родѣ поразительную непрерывную профессію, которая, отправляясь отъ самой грубой похоти, постепенно приводитъ насъ къ самой чистой вѣжости.

ГЛАВА XIV.

Человѣчество и божество.

Соціальное служеніе искусства часто приметъ сравнительную форму, благодаря которой, безъ какой бы то ни было специальной критики стараго культа, само собой обнаружится превосходство новаго культа. Чтобы лучше подчеркнуть главные свойства истиннаго Великаго Существа, искусству зачастую придется, въ особенности вначалѣ, сопоставлять ихъ съ необходимымъ несовершенствомъ всѣхъ его предшественниковъ. Абсолютная, безконечная и неизмѣняемая природа теологическихъ типовъ не согласна съ существенными условиями благодати, мудрости и могущества, сочетание которыхъ становится для насъ понятнымъ только относительно реальнаго существа, подчиненнаго непреодолимымъ законамъ. На мѣсто боговъ, дѣятельныхъ и симпатическихъ, но не отвлеченныхъ ни достоинствомъ, ни нравственностью, мы поставимъ божество то косное и безстрастное, то непроницаемое и непреложное, но всегда величественное.

Реальности, характеризующія новое Верховное Существо, его относительная и измѣняемая природа позволяютъ намъ сдѣлать болѣе полную оцѣнку, которая къ тому же болѣе способна насъ возвысить, не переставая господствовать надъ нами. Каждый видитъ въ немъ высшее существо, отъ котораго зависитъ во всѣхъ отношеніяхъ его собственная судьба, всегда подчиненная коллективной эволюціи. Но это господство не подавляетъ насъ, подобно древнему всемогуществу, потому что каждый достойный индивидъ сознаетъ, что онъ, въ свою очередь, необходимъ для великаго организма. Онъ верховенъ, только благодаря нашему содѣйствію, и его власть лишь выше власти другихъ известныхъ существъ. Никакой унижающій страхъ не смущаетъ нашу любовь къ нему и, однако, онъ намъ внушаетъ всегда искреннее благоуміе. Далеко отъ того, чтобы считать его совершеннымъ, мы тщательно изучаемъ его естественныя несовершенства, дабы ихъ, по возможности, исправить. Наша любовь къ нему благородна и нѣжна, и побуждаетъ насъ не къ позорному искательству, а къ дѣятельной заботливости и о совершенствованіи.

Но всѣ эти преимущества новаго культа, указанныя сначала философией, могутъ быть достаточно развиты только поэзіей. Уже Гете и, въ особенности, Байронъ сдѣлали. Однако, они могли создавать только матежныя типы, сообразно ихъ революціонному служенію. Нужно выйти изъ отрицательнаго состоянія, въ которомъ послѣднее положеніе вещей удерживало ихъ гений, и возвыситься до позитивнаго созерцанія совокупности реальныхъ законовъ, въ особенности социологическихъ, дабы достойно воспыть новаго человѣка въ присутствіи новаго бога.

ГЛАВА XV.

Культъ Человѣчества.

Трехчасная миссія обновленнаго искусства вылетаетъ еще въ третью общую форму, именно, въ руководство общественными или частными празднествами, которыя составятъ большую часть обрядовъ культа. Для выполненія этой службы, жрецы Человѣчества должны будутъ, на самомъ дѣлѣ, примѣнять болѣе свою эстетическую способность, чѣмъ свой научный талантъ. Ибо эта важная функція должна, въ сущности, состоять въ лучшемъ выявленіи статической и динамической природы великаго организма путемъ идеализаціи его различныхъ характерныхъ чертъ.

Такимъ образомъ, нужно будетъ установить два рода праздниковъ, относящихся къ двумъ необходимымъ свойствамъ основнаго существа, и чествовать то его бытіе, то его дѣятельность, чтобы развивать въ необходимыхъ элемента истиннаго социальнаго чувства. Статическія празднества будутъ служить для изображенія порядка и тѣмъ самымъ будутъ возбуждать истинную солидарность; празднества-же динамическія будутъ характеризовать прогрессъ, чтобы дать лучше понять непрерывность.

Въ этомъ двойномъ періодическомъ пополненіи общаго образованія, всѣ установленныя послѣдніи принципы окажутся развитыми и укрѣпленными, но безъ всякаго стремленія къ поученію, всегда противному истинному гению искусства, который долженъ просвѣщать только улаживая. Впрочемъ, указанное постоянное содержаніе этихъ торжествъ не помѣшаетъ позитивистскому духовенству примѣнять ихъ, при удобномъ случаѣ, къ главнымъ событіямъ каждаго реальнаго положенія.

Празднества, относящіеся къ порядку, конечно, будутъ менѣ конкретны и болѣе строгі, чѣмъ празднества, касающіяся прогресса. Они должны будутъ характеризовать статическую солидарность великаго организма, проявляющуюся въ различныхъ основныхъ функціяхъ одушевляющей его любви. Наиболее-же общимъ и наиболее-величественнымъ будетъ чествованіе Человѣчества, которое будетъ совершаться во всемъ Западѣ въ первый день новаго года, который въ настоящее время является единственнымъ всеобщимъ праздникомъ, скрашивающимъ наше прозаическое существованіе.

Это начинающее годъ торжество должно непосредственно обнаруживать самую широкую солидарность для того, чтобы впоследствии къ нему могли примкнуть всѣ развѣтвленія нашего рода. Оно будетъ дополняться въ томъ же мѣсяцѣ тремя второстепенными праздниками, относящимися къ нашимъ ступенямъ ассоціаціи, къ націи, провинціи и городу. За этимъ первымъ примымъ празднованіемъ социальной связи послѣдуетъ, въ началѣ каждаго изъ четырехъ слѣдующихъ мѣсяцевъ, празднованіе четырехъ семейныхъ отношеній: супружескихъ, родителейскихъ, дѣтскихъ и братскихъ, а въ слѣдующій мѣсяць — справедливое чествованіе присаги, въ собственномъ смыслѣ слова.

Эта статическая система представить одновременно истинную теорию нашей, как коллективной, так и индивидуальной природы, и соответственные правила нравственной морали. Чисто личные побуждения, не смотря на их преобладание, не должны тутъ отдѣльно изображаться, такъ какъ назначеніе этого культа, главнымъ образомъ, состоитъ въ подчиненіи ихъ симпатическимъ инстинктамъ. Хотя позитивное образованіе придастъ большое значеніе соответственнымъ добродѣтелямъ, онѣ не заслуживаютъ особаго прославленія, которое могло бы пробудить эгоизмъ. Онѣ должны быть восхваляемы только косвенно во всѣхъ частяхъ человѣческаго культа, въ виду ихъ реальнаго вліянія на великодушныя страсти.

Такимъ образомъ, въ эстетической картинѣ нашихъ свойствъ и обязанностей дѣйствительно нѣтъ ни одного пробѣла. Эта картина не требуетъ также особаго указанія на необходимое подчиненіе Великаго Существа совокупности явленій внѣшняго міра. Дѣйствительно, эта необходимость дѣлаетъ себя явственно: прославляется-ли направляемая ею наша склонность, или опредѣляется ею наша умѣренность, или обуславливается ею наша дѣятельность. Сама периодичность нашихъ торжествъ согласно движеньямъ обитаемой нами планеты, достаточно напоминая о нашей неизбежной подчиненности внѣшнимъ ровнымъ явленіямъ.

ГЛАВА XVI.

Культъ великихъ людей. Позитивистскій календарь.

Что касается динамическихъ празднествъ, предназначенныхъ прославлять прогрессъ, то всѣ они вмѣстѣ взятыя должны представлять исторію, подобно тому, какъ статическія представляютъ мораль. Эстетическій культъ Человѣчества становится здѣсь болѣе конкретнымъ и болѣе оживленнымъ, состоя, главнымъ образомъ, въ восхваленіи наидикущихъ индивидуальныхъ типовъ, относящихся къ различнымъ фазамъ великой эволюціи. Между тѣмъ, нужно также, чтобы главныя этапы поступательнаго социальнаго движенія прославлялись отвлеченно, независимо отъ всякаго личнаго чествованія. Посвятить этому мѣсяцы, оставшіеся незавятыми статическимъ культомъ, можно будетъ установить четыре праздника съ равными промежутками для восхваленія трехъ великихъ состояній прошлаго: идеолокопчества, многобожія и единобожія, и, наконецъ, будущаго состоянія, являющагося нормальнымъ предѣломъ этого чествованія.

Такъ какъ общая связь эпохъ будетъ тогда установлена, то каждый мѣсяць будетъ посвященъ одному изъ главныхъ представителей различныхъ эволюцій Великаго Существа. Но я не буду здѣсь повторять спеціальныя указанія по данному вопросу, данныя мною въ раннемъ изданіи этого «Обзора», выходящимъ отдѣльными частями, когда я еще не различалъ достаточно культа конкретнымъ отъ культа абстрактнаго. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, безотлагательная потребность нашего республиканскаго состоянія побудила меня выработать подъ названіемъ позитив-

вистскаго календаря полную систему поминовенія великихъ людей Запады, догматическое изложеніе которой найдеть естественнымъ образомъ мѣсто въ послѣднемъ томѣ настоящаго трактата. Успѣхъ этой отдѣльной книжки вполнѣ подтвердилъ своевременность подобаго выступленія. Въ этой книжкѣ я и отсылаю читателя, прося его ознакомиться такимъ путемъ съ временнымъ распредѣленіемъ западнаго года, принятымъ теперь среди большинства позитивистовъ.

ГЛАВА XVII.

Культъ усопшихъ.

Эта западная система индивидуальнаго прославленія распространится затѣмъ на различныя мѣстные случаи и, наконецъ, на частную жизнь; семейныя чествованія войдутъ въ тѣсную связь съ наиболее обширными общественными манифестациями черезъ посредство двойнаго учрежденія, которое позитивизмъ почитаетъ для себя целью поаннигилировать у католицизма. Съ одной стороны, трогательное празднество, которое я перенесъ на послѣдній день нашего года, будетъ продолжать призывать всѣ западно-европейскіе народы одновременно оплакивать своихъ дорогихъ покойниковъ, облегчая свои страданія путемъ этого общаго изліянія. Благородные парижскіе пролетаріи ежегодно доказываютъ, что наиболее полная эмансипація насколько не мѣшаетъ необходимому культу смерти, даже теперь, когда его новая систематизація еще не завершена.

Во-вторыхъ, окончательное преобразование сумѣетъ сохранить и усовершенствовать слишкомъ мало одобренный обычай давать крестныя имена, съ помощью котораго старый режимъ столь благотворно связывалъ частную жизнь съ общественной, призывая каждое подражать въ своихъ поступкахъ которому-нибудь изъ святыхъ. Въ этомъ индивидуальномъ дополненіи обнаружится высшая способность новаго культа ко всякому поминовенію, изъ котораго ни одна эпоха и ни одно мѣсто не будутъ исключены; между тѣмъ, какъ абсолютный духъ католицизма былъ не совместимъ, въ особенности въ этомъ отношеніи, съ его стремленіями къ всеобщности.

Несмотря на краткость предшествующаго указанія, оно достаточно характеризуетъ двойную систему позитивистскихъ празднествъ, соорбано которой на обновленномъ Западѣ будетъ назначено на каждую недѣлю особое общественное прославленіе порядка или человѣческаго прогресса, которое будетъ тѣсно связано съ частнымъ культомъ черезъ достойное обожаніе женщинъ. Вся эта эстетическая часть всеобщаго культа будетъ непосредственно стремиться развивать основу всего—любовь, открывая ей пути для правльнаго развитія, надеждающимъ образомъ установленнаго позвлей, къ которой затѣмъ присоединяются различныя спеціальныя искусства, относящіяся къ звукамъ и формамъ. Господствующая maniera выраженія будетъ всегда носить характеръ искренней оцѣнки, мотивирующей глубокую привязанность, безъ

применя тайны или аффектации. Стараясь превосходить всех своих предков, обновленные народы сумели водить должное их заслугам и относиться с уважением к созданным ими различным формам общественности. Мечтания, некогда утешительны, а ныне увязательны, перестанут отвлекать от соединения с Великим Существом, приобщиться к которому, поскольку это возможно, каждый по необходимости желает.

Система поминования будет, главным образом, иметь в виду развитие у всех естественного желания увековечивать наше существование единственным реально возможным для нас способом. Когда один и тот же основной закон обнимает совокупность человеческих отношений, то каждый призван жить настоящей жизнью в прошлом и даже в будущем; но она недоступна для тех, кои приписывают явлению непроницаемой воли. Благоприятное соперничество, вызываемое постоянным восхвалением наших достойных предшественников, побудит каждого заслужить также это неотъемлемое присоединение к неотъемному и вечноному Существо, слагающемуся более из усопших, чем из живущих.

Когда система поминования будет вполне развита, ни один достойный человек не будет из нее исключен, как бы скромны ни были его заслуги перед семьей, городом, нацией или всем Западом. Новое общее образование вскоре позволит всем позитивистам понять, что подобная награда за всякое достойное поведение может вполне заменить все те награды надежды, которыми возмущивали их предшественников.

Существование в других представляет весьма реальную форму жизни, так как, в сущности, именно таким образом протекает лучшая часть нашей жизни. Лишенные до сих пор возможности систематически подниматься на социальную точку зрения, мы не могли обнять этой истины. Но полный синтез, который эстетической культуре Человечества должен сдѣлать привычным для всех, вскоре откроет путь к высоким моральным наслаждениям, непосредственно развивающим чувства солидарности и, в особенности, непрерывности.

Эта способность свободно удлинить нашу жизнь, связывая ее с прошлым и будущим, дабы ее лучше развивать в настоящем, составляет необходимое условие ребяческих иллюзий, которыя мы безвозвратно потеряли. Та самая наука, которая, достигнув, наконец, зрѣлого состояния, лишила нас этих субъективных утѣшений, строит теперь объективное основание дотогъ невозможного вознаграждения и позволяет каждому нагнаться на полное присоединение к Великому Существо, статические и динамические законы котораго она нам открывает.

На этомъ непоколебимомъ фундаментѣ одна только поэзія можетъ организовать общественный и частный культъ, который тѣсно приобщитъ насъ къ этому всеобщему существованию, неопытному для умовъ, не освободившихся отъ предрассудковъ. Воображеніе, просвѣщаемое разсудкомъ, получить возможность развѣрнуть свои силы болѣе полно и болѣе цѣлесообразно, чѣмъ при своемъ первомъ позитивистическомъ выступленіи. Жрецы Человѣчества сумѣютъ свести науку къ построению основной области искусства, какъ эстетическаго, такъ и техническаго.

Но въ такомъ видѣ поэзія, соответственно нашей природѣ, станетъ главнымъ предметомъ активнаго или пассивнаго приобщенія нашихъ умозрительныхъ способ-

ностей. Призванная непосредственно выполнять свое истинное назначеніе, она украситъ и облагородитъ всю нашу жизнь, раскрывая намъ нашу связь съ Великимъ Существомъ. Съ ея помощью новое духовенство, еще лучше, чѣмъ старое, установитъ торжественные обряды для всехъ важныхъ моментовъ индивидуальной жизни, въ особенности для рожденія, брака, смерти; въ этихъ обрядахъ будетъ, главнымъ образомъ, указываться на эту необходимую связь, столь же свойственную частной жизни, сколь и общественной. Вынужденные отнынѣ сосредоточивать на реальной жизни все наши желанія и все наши усилія, мы съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе будемъ понимать, насколько для насъ важно прилагать къ ней все средства нашего воображенія, разсудка, чувства и дѣятельности.

ГЛАВА XVIII.

Содѣйствіе различныхъ изящныхъ искусствъ.

Это высокое назначеніе основного искусства вскоре распространится на другія изящныя искусства, замѣстующія у него идеи, которымъ онѣ посредствомъ звуковъ и формъ придадутъ болѣе выразительности. Призванныя, какъ и поэзія, прославлять настоящее Высшее Существо, они пріобрѣтутъ, такимъ образомъ, вѣнечнаемую область, которая позволитъ имъ не сожалѣть объ устарѣвшихъ химерахъ, считающихся еще, въ силу господствующаго эмпиризма, необходимыми.

Современная музыка, преимущественно занятая изображеніемъ чувствъ, касающихся частной жизни, отразила вполнѣ общественную жизнь только въ знаменитой и единственной гѣснѣ, которая всегда явится краткой характеристикой нашего великаго революціоннаго импульса. Именно культу Человѣчества, основанному на позитивномъ образованіи и установленному поэзіей, должно быть посвящено наиболѣе общественное изъ всехъ специальныхъ искусствъ, которое будетъ достойно восхвалять нашъ родъ и его судьбу, и прославлять всехъ нашихъ историческихъ личностей. Въ этомъ общемъ эстетическомъ назначеніи живопись и скульптура благополучно используютъ свойственную имъ способность и придаютъ изображенію Великаго Существа болѣе ясности и точности, чѣмъ это могла сдѣлать поэзія даже съ помощью музыки.

Всѣ поразительныя поэмки, сдѣланныя художниками, начиная съ среднихъ вѣковъ, для изображенія христіанскаго типа женщины, будутъ разсматриваться какъ безознательная подготовка къ символическому изображенію Человѣчества въ образъ женщины, единственно ему соотвѣствующему. Этотъ социальный толчокъ позволитъ скульптурѣ преодолѣть техническія трудности, представляемыя групповыми изображеніями, которыя вскоре станутъ ея главнымъ полемъ дѣятельности. Въ настоящее время она создаетъ только барельефы изображенія; но въ барельефѣ гнѣй формы сближаются оба свойственные ему способа. Нѣкоторыя исключенія позволяютъ предвидѣть, насколько скульптура расширится и облагородится,

когда она поднимается такимъ образомъ до своего окончательнаго назначенія—создавая сложныя произведенія, состоящія изъ одной или нѣсколькихъ группъ, что даетъ ей возможность успѣшно разрабатывать великіе сюжеты, оставшіеся до сихъ поръ чуждыми ея области.

Хотя архитектура должна послѣдней примкнуть къ новому культу, ея нормальное участіе будетъ не менѣе важно, чѣмъ участіе другихъ изящныхъ искусствъ. Новое Верховное Существо не можетъ всегда довольствоваться храмами, возведенными древнему богу, подобно тому, какъ и монотеизмъ не ограничился политеистическими сооруженіями, которыя доставались ему по мѣрѣ того, какъ падали соответственныя иероглифы. Въ настоящее время трудно сказать, какія зданія окажутся пригодными для культа, въ которомъ различныя функціи преподаванія и посвященія будутъ въ корнѣ преобразованы. Менѣе опредѣленное, чѣмъ всякое другое искусство, это монументальное призваніе великаго единства сможетъ стать характернымъ, только когда Западъ, уже усвоившій новое образованіе, въ достаточной степени освѣтится съ культами, установившимъ поэзію, восполняемой музыкой и дополняемой двоякимъ графическимъ искусствомъ. Тогда передые народы породятъ зданія, отвѣчающія ихъ окончательнымъ убѣжденіямъ.

Такимъ образомъ, настоящіе храмы Человѣчества начнутъ возникать только съ покаяніемъ, непосредственно призваннымъ прибавить умственное и нравственное обновленіе къ новому политическому преобразованію. До тѣхъ поръ новый культъ, по возможности, не используетъ зданія, построенныя для стараго культа, по мѣрѣ того, какъ ихъ будутъ покидать бывшіе приверженцы этого культа.

ГЛАВА XIX

Позитивизмъ выше католицизма.

Основное единство, которое любовь сама собой придаетъ окончательному строю, способно обновить какъ эстетическаго гения, такъ и гения научнаго, призывая ихъ къ выполненію ихъ нормальнаго назначенія—изучать и прославлять единственное истинное Великое Существо, съ тѣмъ, чтобы вызвать въ нему любовь и все болѣе и болѣе способствовать его совершенствованію. Принужденный, такимъ образомъ, непременно служить сердцу, разумъ не только не испытываетъ стѣсненія отъ этого необходимаго подчиненія, но получаетъ одновременно нестерпаемую нишу и важное назначеніе.

Въ этомъ прямоцъ развитіи всѣхъ нашихъ содерзательныхъ функцій каждая изъ нихъ находитъ вполнѣ соответствующее ея собственной природѣ призваніе. Систематическій культъ Человѣчества долженъ быть построенъ поэзіей, но не испоконвѣкомъ основаніи, которое одна только наука можетъ создать, сообразовавшая съ реальнымъ порядкомъ. Отнюдь не вторгаясь въ область разсудка, воображеніе здѣсь достойно равняется свое самородное преобладаніе, которое новая философія санкціонируетъ, признавая его столь же благотворнымъ, сколь и естествен-

нымъ. Такимъ-то путемъ, благодаря истинному господству чувства, дѣятельно направляющаго всѣ наши функціи къ ихъ истинному общему назначенію, наша жизнь достигаетъ, наконецъ, полной гармоніи, къ которой она всегда стремилась. Всѣ прежнія успѣхи воображенія и разсудка, даже самыя нестройныя, отбываются теперь въ томъ смыслѣ, что они равняли наши силы, указали условія ихъ равновѣсія и обнаружали ихъ способность содѣйствовать нашему счастью, если онѣ мудро систематизированы. Мы, въ особенности, преклоняемся передъ огромной заслугой средняго вѣкова, сдѣлавшихъ благородную попытку построить полный синтезъ, необходимое подготовленіе къ которому не было еще завершено, несмотря на интеллектуальныя и социальныя результаты политеистическаго режима.

Вновь предпринимаемая на лучшихъ основаніяхъ это поразительное построеніе, которое теперь не можетъ уже не удалиться, основатели культа Человѣчества, несмотря на различіе времени и средствъ, будутъ разсматривать себя какъ истинныхъ преемниковъ великихъ людей, выдвинутыхъ прогрессивнымъ католицизмомъ. Умственное и социальное наслѣдство дѣятельно принадлежить тѣмъ, кои продолжаютъ или осуществлять прежнія предпріятія, а отнюдь не выирческииъ приверженцамъ устарѣвшихъ доктринъ, которыя уже противоборчатъ своему первоначальному назначенію и потому оставлены своими собственными основателями.

Но постоянное сознаніе этой необходимой преемственности не можетъ, однако, помышлять сравненію, могущему лучше характеризовать окончательный синтезъ. Достойно прославляя заслуги и благодаренія католицизма, совокупность позитивистскаго культа дастъ ясно понять, насколько единство, основанное на любви къ Человѣчеству, превосходитъ во всѣхъ отношеніяхъ единство, опиравшееся на любовь къ Богу.

Христіанскій синтезъ обнималъ въ дѣятельности только аффективную жизнь; онъ отвергалъ воображеніе и боялся разсудка; въ силу этого его превосходство не могло быть достаточно очевиднымъ и прочнымъ. Въ его собственной области его принципъ не принялъ социальнаго направленія, которое съ поразительной настойчивостью имѣлось ему придать католическое духовенство. Несбыточныя и эгоистическая цѣль не могла соответствовать реальному и симпатическому существованію. Всеобщее господствующее чувство составляло настоящую козенную связь, только когда оно не противорѣчило истинному социальному чувству. А сама природа такого культа дѣлала этотъ конфликтъ нормальнымъ явленіемъ, и согласіе могло быть только случайнымъ, такъ какъ любовь къ Богу почти всегда требовала, даже отъ наилучшихъ людей, полнаго пожертвованія всякой другой страсти.

Такимъ образомъ, этотъ синтезъ способствовалъ подъему нравственности только въ томъ смыслѣ, что устанавливалъ хоть какую-нибудь моральную дисциплину, предпочтительную анархію, при которой могли взять верхъ наши самыя грубыя инстинкты. Сверхъ того, несмотря на успѣхи главныхъ инстинктовъ, привязанность къ Богу не пользовалась истинной взаимностью. Наконецъ, удручающія наказанія и чрезвычайныя волеизъявленія, связанныя въ этой искусственной систематизаціи съ каждымъ предпріятіемъ, унижали нашъ характеръ и окверняли наши лучшія побужденія. Основная заслуга этой попытки состояла въ томъ, что она впервые согласовала всѣ наши чувства; между тѣмъ, какъ политеистическая дисциплина обнимала обы-

повенно только дѣйствія, иногда привычки, но никогда не достигала страстей, являющихся источникомъ тѣхъ и другихъ. Хотя этотъ христіанскій синтезъ былъ построенъ на единственномъ принципѣ, который возможно было примѣнить, его реальный успѣхъ могъ выразиться только въ косвенномъ содѣйствіи развитію нашихъ лучшихъ наклонностей. Онъ могъ быть настолько целесообразнымъ, несмотря на свою неопредѣленность и абсолютность, лишь благодаря мудрости духовенства, безпрестанно умѣрившаго опасныя послѣдствія этого режима, основаннаго на произволѣ. Когда это духовенство, ставъ къ концу среднихъ вѣковъ ретрограднымъ, потеряло свои нравственныя достоинства и свою независимость, христіанская доктрина, представлявшая своимъ собственнымъ недостаткамъ, вскорѣ выродилась въ возрастающій источникъ упадка и раздора.

ГЛАВА XX.

Высшимъ счастьемъ будетъ жить для другихъ.

Синтезъ, основанный на любви къ Человѣчеству, въ силу характеризующей его реальности, оказывается предохраненнымъ отъ подобнаго упадка, и его вліяніе все будетъ увеличиваться по мѣрѣ того, какъ нашъ родъ будетъ развиваться. Новое Великое Существо нисколько не боится критики и не препятствуетъ развитію изображенія. Всякое глубокое изслѣдованіе по необходимости пріобрѣтаетъ каждый шагъ пониманію его бытія и къ лучшей оцѣнкѣ совокупности его благодѣяній съ тѣхъ поръ, какъ его естественныя законы стали, наконецъ, извѣстны. Оно вызываетъ самый широкій полетъ воображенія, дабы по возможности пріобрѣсти каждаго изъ насъ къ своей общей жизни во времени и пространствѣ, достигнутой нашимъ здравымъ размышленіемъ. Его культъ единственно можетъ систематизировать всѣ наши умозрительныя построенія, какъ эстетическія, такъ и научныя, образуя единую вѣчную связь, которую допускаютъ наши мысли и наши чувства. Никакой другой строй не могъ бы установить, не прибѣгая къ хитрости и стѣснительнымъ предписаніямъ преобладаніе чувствъ надъ разсудкомъ и надъ дѣятельностью. Онъ прямо возводитъ общественность въ единый принципъ истинной морали, которая, однако, принимаетъ въ уваженіе и врожденное вліяніе личности.

Такимъ образомъ, жить для другихъ становится высшимъ счастьемъ. Тѣсно слѣдуетъ съ Человѣчествомъ, сочувствовать всѣмъ его бывшимъ превратностямъ, предугадывать его будущія судьбы, дѣятельно способствуя ихъ подготовленію, — таково обыкновенно будетъ цѣлью каждаго существованія.

Всѣмъ соответствующій этому культу строй мыслей расматриваетъ эгоизмъ, какъ нашъ главный недостатокъ, который вѣдающее индивидуальное или коллективное воспитаніе можетъ значительно уменьшить, но никогда не можетъ совершенно исправить. Эта возрастающая власть надъ нашей собственной природою становится наилучшимъ способомъ частнаго или общественного совершенствованія, въ виду ея непосредственнаго отношенія къ жизни Великаго Существа и къ счастью его элементовъ.

ГЛАВА XXI.

Новая форма молитвы.

Вдохновенный дѣятельной признательностью, которую всякое изслѣдованіе еще болѣе усиливаетъ, новый культъ суждетъ избгнуги всякой корыстной просьбы, которая всегда унижаетъ наши чувства. Мы будемъ обращаться съ молитвой къ истинному Верховному Существу только для того, чтобы ему свидѣтельствовать нашу искреннюю благодарность за его настоящія и прошедшія благодѣянія, возбѣждающія насъ въ его будущемъ прогрессѣ. Хотя, согласно законамъ нашей природы, это постоянное изысканіе непрестанно производитъ глубокое моральное улучшеніе, эта благородная награда не можетъ вызывать никакого личнаго расчета, такъ какъ она зависитъ отъ бесконечной силы чувства. Наше счастье будетъ, главнымъ образомъ, состоять въ томъ, чтобы любить; и мы поймемъ, что любовь, болѣе чѣмъ всякое другое чувство, развивается путемъ упражненія, и только одна любовь можетъ оказаться одновременно и въ одинаковой степени подходящей для всѣхъ индивидуумовъ и возростать отъ такого содѣйствія. Новое Великое Существо, внушая намъ неизмѣнное благоговѣніе, станетъ для насъ болѣе близкимъ, чѣмъ были когда-либо наши первобытные боги, даже когда они потеряли свое достоинство. Чуждо всякой притихи, оно также дѣятельно, какъ и мы, участвуетъ въ воздаваемыхъ ему почестяхъ, такъ какъ оно уважаетъ все то, что содѣйствуетъ его величію. Въ то время, какъ старый богъ не могъ принимать наши изысканія благодѣянія, не унижая самого себя ребяческимъ тщесавіемъ, новому будутъ возсыпаться всегда лишь заслуженныя похвалы, которыя послужатъ къ его улучшенію, также какъ и къ нашему. Эта полная взаимность между чувствомъ и воздѣйствіемъ можетъ быть принадлежностью только окончательнаго культа, имѣющаго предметомъ существо, относительное, видоизмѣляемое и доступное совершенствованію, представляющее собой совокупность своихъ собственныхъ поклонниковъ, и лучше чѣмъ каждый изъ нихъ подчиненное опредѣленнымъ законамъ, позволяющимъ предвидѣть его желанія и стремленія.

ГЛАВА XXII.

Позитивистская мораль.

Позитивистская мораль соединяетъ въ себѣ всѣ свойства спонтанности и всѣ преимущества доказательства. Тѣсно связанная со всей нашей жизнью, она не допускаетъ никакой уловки, которая могла бы заглушить или забыть отъ угрызений совѣсти, связанныхъ съ каждымъ реальнымъ преступленіемъ. Во всякомъ индиви-

дуальном явлении она нам показывает свое истинное, прямое или косвенное, социальное воздействие, обязывающее нас судить себя без снисхождения.

Хотя с первого взгляда кажется, что она больше отличается иждивенностью, чѣм энергіей, однако, вдохновляющая ее любовь никогда не бывает инертной и усленно побуждает нас къ наибольшей дѣятельности, какую только допускает осуществление преследуемаго ею всегда блага. Просвѣщенная настоящей наукой, она неизменно чувствует, что мы должны сами создать единственное Провидѣніе, которое могло бы улучшить нашу жестокою судьбу.

Нашъ великій организм, хотя онъ превосходитъ всѣ нѣбѣтныя существа, признаетъ, что его существованіе, подчиненное непреложнымъ законамъ, не допускаетъ ни въ какомъ отношеніи ни абсолютнаго удовлетворенія, ни даже абсолютной безопасности. Всѣ внѣшнія или внутреннія реальныя условія нашей жизни могутъ оказаться нарушенными, не исключая нашей нравственности и нашего разсудка, являющихся нашими главными источниками. Именно среди подобныхъ случайностей, всегда возможныхъ, нужно находить силу достаточно жить, т.-е. любить, мыслить, дѣйствовать въ интересахъ истиннаго Великаго Существа, отгоняя урчащія тревоги и напрасныя утѣхи.

Но тотъ же самый строй мыслей, который требуетъ отъ насъ этого мужества и этой покорности, постоянно даетъ намъ и средства, облегчающія нашъ жизненный путь. Ибо онъ внушаетъ намъ постоянное сознаніе нашего истиннаго превосходства и охраняетъ насъ отъ унижительныхъ ошибокъ, благодаря чему мы чувствуемъ живое удовлетвореніе даже при неудачной борьбѣ съ жестокой судьбой, которая не всегда можетъ быть измѣнена. Чувство этой необходимости становится новымъ источникомъ глубокаго совершенствованія, устранивъ, какъ чреватую предуметельность, такъ и глубокое равнодушіе, въ особенности по отношенію къ личности, которую теологическая и метафизическая мораль держали всегда въ разслабляющей тревогѣ, требуя отъ нея постоянныхъ жертвъ. Съ благородствомъ покоряется всѣмъ непреодолимымъ бѣдствіямъ и мудро и энергично дѣйствуетъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ измѣненіе возможно,—такимъ практическій характеръ индивидуальнаго или коллективнаго позитивистскаго существованія.

Несмотря на коренной недостатокъ христіанской доктрины, католицизмъ, потъ вліаніемъ времени, стремился, съ конца среднихъ вѣковъ, къ преобразованію въ этомъ духѣ, но систематическое освѣщеніе такого преобразованія было, однако, несовмѣстимо съ его собственными принципами. Эти тщетныя стремленія, гдѣ духовенство борется противъ своей собственной теоріи, оставляютъ сады только среди народовъ, не принявшихъ протестантства. Ихъ Богъ сталъ бы все болѣе и болѣе смутнымъ и недостаточнымъ символомъ Человѣчества, если бы социальный упадокъ духовенства не мѣшалъ ему участвовать въ общемъ самопроизвольномъ движеніи. Хотя это постепенное измѣненіе всегда будетъ слишкомъ слабымъ, оно, тѣмъ не менѣе, служитъ неопровержимымъ признакомъ новаго направленія, невольно принимаемаго сердцами и умами тѣхъ западныхъ народовъ, которыхъ считаютъ наиболѣе чуждыми современному свободомыслію.

Этотъ безсознательный симптомъ пріобрѣтаетъ въ особенности рѣшающее значеніе по отношенію къ культу женщины, являющемуся характернымъ введеніемъ

въ истинный культъ Человѣчества. Съ двенадцатаго вѣка, Св. Дѣла пріобрѣтаетъ, главнымъ образомъ, въ Испаніи и Италіи, все возрастающее вліаніе, противъ котораго духовенство часто тщетно протестовало и которое оно, чтобы сохранить свою собственную популяриность, вынуждено было иногда санкціонировать. Такое прямое и преимущественное обоженіе этого иждивнаго созданія эстетическаго чувства не могло не измѣнить существенно породившаго его культа. Оно способно служить промежуточнымъ звеномъ между моралью нашихъ предковъ и нравственнымъ строемъ нашихъ потомковъ, превращаясь мало-по-малу въ олицетвореніе Человѣчества. Но этотъ счастливый переходъ не можетъ совершиться подъ руководствомъ официальнаго, даже итальянскаго или испанскаго, духовенства. Онъ найдетъ болѣе чистыхъ дѣлателей въ лицѣ женщинъ, которыя должны распространить позитивизмъ среди нашихъ южныхъ братьевъ.

Итакъ, необходимое превосходство доказанной морали надъ откровенной кратко выражается въ окончательной замѣнѣ любви къ Богу любовью къ Человѣчеству. Этотъ новый принципъ одинаково исключаетъ какъ метафизику, такъ и теологию, ибо онъ отвергаетъ великій личный расчетъ и полагаетъ частное или общественное счастье въ прямомъ и непрерывномъ развитіи добродѣтельныхъ чувствъ. Любить Человѣчество—вотъ, въ сущности, вся здравая мораль, если правильно понимать истинный характеръ подобной любви и условія, требуемая ея постояннымъ преобладаніемъ. Это дѣятельное преобладаніе общественности надъ нашей основной личностью можетъ явиться результатомъ только медленнаго и труднаго воспитанія сердца при содѣйствіи разума. Главное подготовленіе состоитъ въ развитіи взаимной иждивенности двухъ половъ, предшествуемой и соутствующей другимъ семейными привязанностями.

Но всѣ какія бы то ни были требованія морали, даже личной, могутъ также быть связаны съ любовью къ Великому Существу, которая является наилучшимъ иррациональнымъ ихъ действительной важности и наиболее иррациональнымъ средствомъ для установленія бесспорныхъ заповѣдей. Такимъ образомъ, принципъ сознательной систематизаціи совпадаетъ съ принципомъ бессознательнаго развитія, что дѣлаетъ всюобщую доктрину одинаково доступной для всѣхъ.

ГЛАВА XIII.

Новая духовная власть.

Преобразованія одной и той же религіи наука, поэзія и мораль стремятся образовывать прочное сочетаніе, на которомъ будетъ покоиться наша новая жизнь. Это постоянное посвященіе разсудка и воображенія на службу чувству всегда само собой имѣло мѣсто у женщинъ, у этихъ первыхъ естественныхъ носительницъ умѣряющей власти. Но оно могло получить высокое социальное значеніе, лишь будучи систематизировано согласно общей доктринѣ. Именно это и было предпринято

въ среднѣ вѣка, когда установилось теологическое единство. Тогда умбрюющая власть начала складываться изъ сплота двухъ необходимыхъ элементовъ, изъ которыхъ одинъ былъ симпатическій и частный, а другой систематическій и общественный.

Несмотря на благотворное вліаніе, которое долгое время оказывалъ этотъ первый опытъ, онъ могъ явиться только простымъ подготовленіемъ для окончательной систематизаціи, потому что онъ покоился на недостаточномъ и временномъ синтезѣ. Католическія доктрина и культъ дѣйствительно обнимали только аффективную жизнь и къ тому же на основаніи искусственного и непрочнога принципа. Вся область умозрѣнія, какъ эстетическая, такъ и научная, почти такъ же ускользала отъ ихъ вліанія, какъ и практическая жизнь; личное же вліаніе духовенства страдало отъ того, что его социальная независимость постоянно угрожала военной средѣ, въ которой произволилась эта ранняя попытка. Прежде чѣмъ промышленная жизнь начала развиваться, эстетическій и метафизическій подъемъ среднихъ вѣковъ уже расшаталъ эту хрупкую систематизацію, ставшую вкорѣй несовѣстимой съ прогрессомъ, которымъ она вначалѣ руководила. Безъ содѣйствія интеллектуальнаго превосходства, моральное вліаніе не можетъ составить настоящей духовной власти, способной реально умбрють сильное преобладаніе матеріальной силы. Вотъ почему основное условіе истиннаго преобразования состояло въ прекращеніи полнаго возмущенія разума противъ сердца, которое началось въ концѣ среднихъ вѣковъ и источникъ котораго восходитъ даже до эпохи наибольшаго развитія греческой метафизики.

Позитивизмъ предлѣгаетъ это огромное затрудненіе, построивъ социальную науку на основаніи всѣхъ предварительныхъ наукъ и установивъ, такимъ образомъ, умбрюющее единство. Его принципъ согласованія, обнимавшій дѣятельность, распространяется затѣмъ на чувство и строитъ цѣльный синтезъ, столь же самородный, сколь и систематическій, способный все преобразовать черезъ посредство культа истиннаго Великаго Существа. Такимъ образомъ, должна возникнуть новая умбрюющая власть, однородная и полная, прочная и прогрессивная въ одно и то же время, и обеспеченная лучше, чѣмъ старая, женской помощью, необходимой для ея социального значенія.

Если бы не было матеріальныхъ необходимостей, господствующихъ надъ нашимъ существованіемъ, эта двоякая сила была бы достаточной для того, чтобы его всецѣло регулировать. Избавленные отъ некакого тяжелаго труда, мы тогда прямо преслѣдовали бы высшее благо, всеобщую любовь, которая потребовала бы только интеллектуальнаго развитія, способнаго усиливать ея вліаніе съ помощью чуждаго примѣненія разсудка и, въ особенности, воображенія. Несмотря на свою фантастичность, эта гипотеза можетъ имѣть большое значеніе, такъ какъ она намъ указываетъ идеальный предѣлъ, къ которому мы будемъ стремиться все болѣе и болѣе приближать реальную жизнь. Когда эта утопія будетъ достаточно разработана эстетическимъ гениемъ, она доставитъ новому культу средства, превосходящаго тѣ, которыя старый культъ извлекалъ изъ смутнаго и неоплаго изображенія будущаго счастья. Только при ней возможна социальная классификація, основанная на интеллектуальномъ и моральномъ достоинствѣхъ, независимая отъ всякаго матеріальнаго могущества. Дѣйствительно, люди будутъ тогда оцениваться только по ихъ способности любить и услуживать Человѣчеству.

Дуализмъ между моральной іерархіей и практической іерархіей.

Хотя вышеуказанное распредѣленіе никогда не можетъ получить преобладанія, ни даже установиться, тѣмъ не менѣе должно его всегда рассматривать, какъ возможное, дабы мудро противопоставлять его дѣйствительной іерархіи, въ которой матеріальное могущество, даже случайное, имѣетъ большее значеніе, чѣмъ собственныя заслуги. Жрецы Человѣчества, надлежащимъ образомъ воспособленные женщинами, привнѣять для измѣненія существующаго порядка это противопоставленіе, указывающее на неопровержимый контрастъ, при чемъ она найдутъ непосредственную поддержку во всеобщемъ образованіи и въ соответственномъ культѣ. Основная реальность этой отдаленной іерархіи, не удовлетворяющая только практическія требованія, должна доставлять ей значеніе, котораго не имѣло теологическое осужденіе, основанное на неясномъ и сомнительномъ распредѣленіи людей по классамъ.

Когда общество будетъ признавать только свое собственное Провидѣніе, оно, въ большинствѣ случаевъ, будетъ достаточно расположено установить подобную іерархію, чтобы воздѣйствовать на тѣхъ, кои особенно считаютъ ее невозможной. Однако, это нормальное воздѣйствіе должно будетъ всегда считаться съ естественными законами, относящимися къ распредѣленію почестей и богатства, стараясь улучшить ихъ естественное осуществленіе, но не измѣняя ихъ практическаго назначенія.

Это необходимое согласованіе требуетъ, чтобы отдаленная классификація ограничивалась индивидами и не вышивалась въ конкретную зависимость, существующую между различными должностями. Истинное личное превосходство настолько рѣдко, что социальная жизнь тратилась бы на безцѣльное и нескончаемое споры, если бы захотѣли всегда вѣрить каждую функцію ея низшему исполнителю, и при этомъ отрывать отъ должности старыхъ служащихъ, хотя бы отъ этого могло пострадать дѣло. Подобная тенденція вѣсна бы чрезвычайный безпорядокъ даже въ духовную іерархію, гдѣ способности могутъ быть лучше оценены. Но весьма важно въ нравственномъ отношеніи и не сопряжено ни съ какой политической опасностью показывать при каждомъ удобномъ случаѣ, насколько порядокъ, опирающійся на слагу, отличается отъ порядка, основаннаго на достоинствѣ. Уваженіе, оказываемое, такимъ образомъ, наиболее достойному, не задѣнетъ авторитета болѣе сильнаго.

Хотя св. Бернардъ пользовался болѣшимъ почтеніемъ, чѣмъ любой изъ современныхъ папъ, тѣмъ не менѣе, онъ всегда, какъ простой аббатъ, уважалъ церковную іерархію. Св. Павелъ еще лучше указалъ на этотъ долгъ, признавъ официальное превосходство апостола Петра, который, какъ это было известно, стоялъ значительно ниже его какъ по уму, такъ и по сердцу. Все правильно организованная гражданскія или военныя корпорація представляютъ, въ меншей степени, частые примѣры подобнаго примиренія между отдаленной оцѣнкой лицъ и конкретнымъ порядкомъ занимаемыхъ ими должностей. Противоположность двухъ классификацій перестаетъ

быть пагубной и способствуетъ моральному совершенствованію всѣхъ, и въ то же время оправдываетъ необходимое несовершенство столь сложнаго организма.

Итакъ, религія Человѣчества порождаетъ интеллектуальную и моральную власть, которая была бы достаточна, чтобы управлять нами, если бы наше существованіе избавилось отъ всякой тяжелой матеріальной нужды. Несмотря на дѣйствительное несовершенство нашей природы, общественность возобладали бы уже въ силу присутствующаго ей очарованія, если бы непродолимыя потребности не пробуждали непрестанно личность. Испытывая ихъ преобладающее давленіе, наше существованіе по необходимости находится подъ господствомъ этичической дѣятельности, которая подчиняетъ себя непосредственное развитіе разсудка, воображенія и даже чувства.

Поэтому, двойная власть, которая казалась назначенной управлять, должна стремиться только видоизмѣнить. Ея аффективный элементъ легко переноситъ эту необходимость, потому что сердце всегда старается осуществить благо, когда оно знаетъ его истинныя условія. Но разумъ не можетъ быть столь же мудрымъ, и онъ весьма неохотно соглашается служить вышнему тому, чтобы царствовать. Его напрасное честолюбіе вноситъ больше безпорядка въ міръ, чѣмъ честолюбіе, въ которомъ онъ такъ упрекаетъ знатность и богатство.

Наше главное затрудненіе состоитъ теперь въ томъ, чтобы найти способъ его регулировать и обеспечить ему законное удовлетвореніе, дабы теоретическая власть была дѣйствительно умѣряющей и никогда не стремилась стать управляющей.

Это основное превращеніе, невозможное въ древности, когда разумъ либо подавлялъ, либо былъ подавленъ, должно было неудаться и въ средніе вѣка, при военно-теологическомъ строѣ. Позитивизмъ, благодаря характеризующей его реальности, можетъ выполнить эту операцію въ средѣ, гдѣ преобладаетъ промышленная дѣятельность. Сообразаясь съ давной имъ точной оцѣнкой нашего истиннаго назначенія, позитивизмъ долженъ, наконецъ, преобразовать политику и свести ее къ дѣятельному культу Человѣчества, подобно тому, какъ мораль составляетъ его аффективный культъ, а наука и поэзія—культъ умеротворенія. Такова будетъ главная миссія новаго западнаго духовенства, подражающимъ образомъ воспевающимъ женщины и пролетаріи.

ГЛАВА XXV.

Права и обязанности. Никто не обладаетъ другимъ правомъ, кромѣ права выполнять свои обязанности.

Окончательное преобразованіе заключается, главнымъ образомъ, въ замѣнѣ правъ обязанностями, дабы лучше подчинить личность общественности. Слово право должно быть такъ же строго изгнано изъ политическаго языка, какъ слово случай изъ истиннаго философскаго языка. Первое изъ этихъ двухъ теологико-метафизическихъ понятій будетъ считаться безправственнымъ и аваричнымъ, а второе—

нерациональнымъ и софистическимъ. Будучи одинаково несомнѣными съ окончательнымъ состояніемъ, они годились для современныхъ народовъ только въ эпоху революціоннаго перехода, въ виду ихъ разлагающаго дѣйствія на старую систему. Настояція права могли существовать лишь, пока духовная власть исходила отъ сверхъестественной воли. Чтобы бороться противъ этихъ теократическихъ авторитетовъ, метафизика послѣднихъ пяти вѣковъ ввела мнимыя человѣческія права, которыя могли приносить только отрицательную пользу. Когда же попытались имъ дать истинно-органическое назначеніе, они тотчасъ же обнаружали свою противъобщественную природу, выражавшуюся въ стремленіи всегда поддерживать индивидуальность.

Въ позитивномъ строѣ, недопускающемъ небесныхъ уполномочій, идея права безвозвратно исчезаетъ. Каждый имѣетъ обязанности и относительно всѣхъ людей, но никто не имѣетъ права, въ собственномъ смыслѣ слова. Справедливыя индивидуальныя гарантіи вытекаютъ только изъ всеобщей взаимности обязательствъ, которая является моральнымъ эквивалентомъ прежнихъ правъ, но не представляетъ серьезныхъ политическихъ опасностей, сопряженныхъ съ послѣдними. Другія слова, единственное право, которымъ каждый человекъ обладаетъ—это право исполнять свой долгъ. Только такимъ путемъ политика можетъ, наконецъ, дѣйствительно побдѣнить морали, согласно поразительной программѣ среднихъ вѣковъ. Католицизмъ могъ лишь смутно поставить этотъ огромный социальный вопросъ, разрѣшеніе котораго, несомнѣнное ни съ какою теологическимъ принципомъ, по необходимости выпало на долю позитивизма.

Чтобы этого достигнуть, онъ превращаетъ политику въ орудіе служенія Человѣчеству, т. е. призываетъ ее искусственно содѣйствовать различнымъ функциямъ, относящимся къ порядку или прогрессу, которыми Великое Существо естественнымъ образомъ выполняетъ. Это окончательное назначеніе новаго культа составляетъ его важнѣйшую часть, безъ которой всѣ другія оказались бы недостаточными и стали бы вслѣдъ призрачными.

Настоящая любовь не ограничивается желаніемъ блага; она побуждаетъ по возможности его осуществлять. Она намъ предписываетъ изучать и прославлять Человѣчество, не только для того, чтобы доставить намъ пріятное удовлетвореніе, получаемое отъ размышленія и любовнаго изліанія, она имѣетъ, главнымъ образомъ, въ часомъ отъ размышленія и любовнаго изліанія, она имѣетъ, главнымъ образомъ, въ виду склонить насъ лучше служить этому Верховному Существому, сохраненіе и совершенствованіе котораго требуютъ отъ насъ непрерывной дѣятельности. Подобное назначеніе составляетъ главную характерную черту новаго культа. Но старый Богъ, въ сущности, нисколько не нуждался въ какихъ бы то ни было нашихъ услугахъ. Поэтому, всякому теологическому культу, въ особенности начиная съ монотеизма, угрожала опасность вырожденія въ кидеизмъ. Это вырожденіе было предупреждено только тѣмъ, что мудрое духовенство, явившееся счастливымъ выраженіемъ всеобщаго инстинкта, использовало несвѣдѣность этихъ теорій, въ цѣляхъ побужденія къ дѣятельности. Но это спасительное превращеніе могло быть въ высшей степени цѣлесообразно, лишь, пока духовенство сохранило позную социальную независимость. Но съ тѣхъ поръ какъ католицизмъ, вслѣдствіе захвата свѣтской власти, былъ лишёнъ независимости, кидеическія тенденціи, которыя онъ могъ сдерживать только

искусственно, вновь стали естественно развиваться у большинства его истинных приверженцев.

Напротивъ, въ позитивизмъ сама доктрина побуждаетъ къ самой широкой дѣятельности, независимо отъ заботъ духовства. Это самородное и непрерывное побужденіе прямо вытекаетъ изъ относительной и зависимой природы новаго Великаго Существа, слагающагося изъ своихъ Собственныхъ поклонниковъ.

ГЛАВА XXVI.

Соціальное чувство требуетъ солидарности между всѣми людьми и, въ особенности, непрерывной связи между всѣми поколѣніями.

Главная характеристическая черта основной дѣятельности, которая освѣтитъ все наше существованіе, состоитъ въ необходимости сотрудничествъ, представленіе о которыхъ ни одинъ менѣе сложный органъ вѣкъ не можетъ дать. Эта согласованность дѣйствій одинаково относящаяся ко времени и пространству, требуетъ двухъ необходимыхъ ступеней соціального чувства: дѣйствительную солидарность и историческую безпрерывность. Глубокое изученіе каждаго статическаго или динамическаго соціального явленія обнаружитъ всегда прямое или косвенное содѣйствіе всѣхъ современныхъ существованій и всѣхъ прежнихъ поколѣній, въ известныхъ географическихъ и хронологическихъ предѣлахъ, которые раздѣляются по мѣрѣ того, какъ Великое Существо развивается. Беспорное относительно нашихъ мыслей и чувствъ, это необходимое сотрудничесто должно въ еще большей степени имѣть мѣсто относительно нашихъ дѣйствій, которыя являются результатомъ еще болѣе полного содѣйствія. Это обстоятельство наилучшимъ образомъ показываетъ, насколько должно и безпрерывно понятіе права въ собственномъ смыслѣ слова, предполагающее всегда абсолютную индивидуальность.

Дѣйствительное подчиненіе политики морали прямо вытекаетъ изъ того, что всѣ люди должны быть разсматриваемы не какъ отдѣльныя существа, но какъ различные органы единого Великаго Существа. Поэтому во всякомъ правильно устроенномъ обществѣ каждый гражданинъ всегда становится общественнымъ дѣятелемъ, выполняющимъ, худо или хорошо, свою самопроизвольную или систематическую обязанность.

Этотъ основной принципъ эмпирически отлучился только въ теченіе долгаго революціоннаго переходнаго времени, которое теперь заканчивается и которое, вслѣдствіе злоупотребленій стараго порядка, сдѣлававшегося ретрограднымъ, превратилось въ анархію, бывшую для того времени прогрессивной, но несогласной ни въ своей первоначальной дѣлю. Позитивизмъ сдѣлаетъ этотъ принципъ совершенно неуклоннымъ, подкрѣпитъ его доводами, соответствующими совокупности реальныхъ знаній.

Это окончательное доказательство станетъ рациональнымъ основаніемъ моральнаго авторитета новаго духовства, которое одно только можетъ, въ каждомъ отдѣль-

номъ случаѣ, точно оцѣнить истинное сотрудничество и ясно опредѣлить соотвѣтственную обязанность. Безъ его научнаго вѣдѣтельнаго, дополняемаго его эстетическимъ служеніемъ, соціальное чувство никогда не могло бы настолько развиться, чтобы глубоко низкии привычный образъ дѣйствія. Но оно свелось бы къ простой солидарности въ настоящее время, что составляетъ только его первую ступень.

Наши числѣннѣе социальсты даютъ теперь много примѣровъ этой прискорбной ограниченности, которая, оставаясь настоящимъ безъ корней въ прошломъ, низвергаетъ насъ въ неопредѣленное будущее.

Въ каждомъ соціальному явленію, въ особенности современному, предшественники участвуютъ болѣе, чѣмъ современники. Матеріальные труды, особенно зависящіе отъ участія большого числа людей, еще болѣе способны подтвердить полную реальность этой оцѣнки. Эта необходимая безпрерывность показываетъ лучше, чѣмъ простая солидарность, насколько коллективная жизнь единственно реальна, такъ какъ индивидуальная жизнь можетъ существовать только какъ абстракція. Она является главной характерной чертой нашей общности: ибо у многихъ другихъ животныхъ существуетъ одновременное сотрудничество, между тѣмъ, какъ мы только понимаемъ и развиваемъ послѣдовательное сотрудничество, являющееся главнымъ источникомъ нашей постепенной эволюціи.

Такимъ образомъ, соціальное чувство остается чрезвычайно несовершеннымъ, весьма безплоднымъ или даже пропадающимъ смуту, пока оно ограничивается современными отношеніями. Въ доктринахъ, отрицающихъ наследственность, покоятся на этомъ ошибочномъ пренебреженіи исторической непрерывности. Ибо наши искренніе утописты не достаютъ только реальныхъ знаній, чтобы сознаться въ искренности заблужденія. Признаніе коллективной наследственности, которую нельзя серьезно оспаривать, вскорѣ привело бы ихъ къ лучшему пониманію индивидуальной или, скорѣе, домашней наследственности. Но по мѣрѣ того, какъ, благодаря практикѣ, они будутъ приближаться къ пониманію дѣйствительности, они начнутъ соглашаться съ тѣмъ, что солидарность не можетъ быть даже достаточно понята безъ непрерывности.

Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, личность въ своемъ развитіи безсознательно воспроизводитъ главныя фазы соціальной эволюціи, и поэтому каждому необходимо знать ея общій ходъ, чтобы понимать свою собственную исторію. Съ другой стороны, всѣ послѣдовательныя состоянія Великаго Существа мы наблюдаемъ у различныхъ народовъ, не снанившихъ еще съ нами; такъ что мы не можемъ надеяться къ тому, что было послѣдовательно пережито западными народами.

Наши великодушные социальсты или коммунисты, въ особенности пролетаріи, вскорѣ поймутъ недостатки и опасность этой двойкой несправедливости, и они постараются заполнить умственный пробѣлъ, парализующій ихъ моральныя усилія. Жрецы Человѣчества создадутъ еще лучшую почву для воспріятія совокупности историческихъ теорій среди наиболее чистоты и англое самороднаго элемента умѣряющей власти. Но женщины естественно склонны оцѣнивать непрерывность, первый источникъ которой онѣ составляютъ.

ГЛАВА XXVII.

Функции новой духовной власти. Полное отдѣленіе духовнаго элемента отъ свѣтскаго, теорія отъ практики, совѣта отъ приказанія.

Истинное социальное чувство, сперва солидарности, затѣмъ, въ особенности, — безысходности, не можетъ укрупняться и развиваться безъ научнаго основанія, необходимо зависящаго отъ совокупности позитивныхъ умозрѣній. Таково первое основаніе, одновременно рациональное и аффективное, для неизбежнаго раздѣленія двухъ элементарныхъ силъ въ окончательномъ строѣ. Когда социальное совершенствованіе станетъ главной цѣлью нашей дѣятельности, мы поймемъ, что подобныя извѣнія нельзя измѣнять, не знавъ ихъ естественныхъ законовъ. Изученіемъ же послѣднихъ можетъ заниматься только классъ людей, въ высшей степени созерцательныхъ, посвятившихъ себя этому трудному изслѣдованію и облеченныхъ совѣщательнымъ авторитетомъ, который вытекаетъ изъ связанной съ ихъ дѣятельностью роли наставниковъ. Если относительно простѣйшихъ искусствъ западный умъ уже признавалъ, что теорія можетъ быть разрабатываема и преподаваема только мыслителями, чуждыми практикѣ, то онъ не замедлитъ еще болѣе категорически предписать подобное дѣленіе для наиболее труднаго и наиболее важнаго искусства. Это мудрое рѣшеніе необходимо возыметь верхъ надъ всеми противными теченіями, когда всюду признавать, что извѣнія, относящіяся къ этому искусству, подчинены непреложнымъ законамъ, чрезвычайная сложность и зависимость которыхъ являются новой причиной для того, чтобы поручить изученіе ихъ истиннымъ философамъ.

Это систематическое раздѣленіе становится также существеннымъ основаніемъ здравой современной политики съ другой важной точки зрѣнія, а именно, какъ необходимо для достойной личной дѣятельности не менѣе, чѣмъ для мудраго общественнаго сотрудничества. Дѣйствительно, Великое Существо характеризуется независимостью своихъ различныхъ индивидуальныхъ или домашнихъ элементовъ не менѣе, чѣмъ ихъ всеобщимъ содѣйствіемъ. Если порядокъ требуетъ преимущественно этого послѣдняго условія, то прогрессъ болѣе связанъ къ первымъ. А эти два одинаково повелительныя необходимы оказывались непримиримыми въ древности, вслѣдствіе кореннаго смѣшенія духовной власти со свѣтской, которая всегда исходила отъ однихъ и тѣхъ же жреческихъ или военныхъ органовъ. Личная независимость здѣсь обыкновенно приносилась въ жертву общему сотрудничеству. Вотъ почему идея прогресса осталась неизвѣстной даже утопистамъ. Никакое примиреніе между этими двумя условіями не могло имѣть мѣста, пока средніе вѣка не предприняли поразительной попытки отдѣлать управляющую силу отъ управляемой власти, дабы политика подчинилась морали. Съ этого времени общественная дѣятельность зависитъ преимущественно отъ свободнаго присоединенія, сердцемъ и умомъ, къ всеобщей доктринѣ, устанавливающей, безъ всякаго произвола, общія правила поведенія, относящіяся какъ къ повелевающимъ, такъ и къ подчиняющимся. Именно такимъ образомъ, не-

смотря на свое крайнее умственное и социальное несовершенство, этотъ первый опытъ далъ уже драгоценные моральные и политическіе результаты.

Наиболѣе полная независимость могла тогда сочетаться съ самой искренней преданностью у всѣхъ истинныхъ представителей рыцарства. Ни одинъ западный классъ не остался чуждымъ этого новаго смѣшенія личнаго достоинства съ всеобщимъ братствомъ. Это сочетаніе столь соответствуетъ нашей природѣ, что оно осуществилось, какъ только явилась возможность его систематически установить. Оно сохранилось, несмотря на испытанныя имъ глубокія измѣненія, и тогда, когда пали соответственныя вѣрованія, въ особенности у народовъ, не принявшихъ протестантства.

Благодаря этому, въ средніе вѣка стало возможно созданіе общей теоріи великаго органа, путемъ устраненія кореннаго противорѣчія, существовавашаго до тѣхъ поръ между этими двумя характеристичными свойствами. Такимъ образомъ, та же эволюція, которая привела теологію къ временному единству, съ котораго начинается его упадокъ, исподволь подготовила появленіе новаго, болѣе полнаго и болѣе реального единства, долженствующаго руководить окончательнымъ строемъ.

Но, несмотря на достоинство и даже utility этого ранняго опыта, онъ не могъ дать окончательнаго рѣшенія вопроса, несомнѣннаго съ духомъ и характеромъ подобной промежуточной эпохи. Теологическія принципы и военная дѣятельность одинаково отвергли это нормальное отдѣленіе теоретической власти отъ практической. Оно могло въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ временно существовать въ неполномъ объемѣ, только благодаря нѣкоторому роду само собой устанавливавшемуся равновѣсію, всегда колеблющемуся между теократіей и ипперіей.

Напротивъ, позитивный духъ и промышленная дѣятельность естественнымъ образомъ стремятся къ подобному дѣленію, которое, подвергшись, наконецъ, систематизаціи, обеспечиваетъ современнымъ народамъ основное примиреніе независимости съ солидарностью.

Прежде всего, это окончательное состояніе обладаетъ, подобно католическому строю, и еще въ болѣе высокой степени, преимущественно подчинять поведеніе всѣхъ людей правламъ, основаннымъ на убѣжденіи, безъ всякаго прѣислѣтельнаго начала. Но природа новой вѣры, всегда доступной доказательству, сбываетъ это духовное вліяніе также гораздо выше старой, какъ по достоинству, такъ и по прочности. Ибо католическое наставленіе могло избѣгнуть произвола только путемъ замѣны простыхъ человеческихъ повелѣній сверхъестественными прихотями. Какими бы преимуществами ни обладали подобный режимъ, свобода здѣсь не могла быть достаточно обеспечена, такъ какъ приказанія, которымъ приходилось подчиняться, оставались необъясненными, а измѣненъ былъ лишь ихъ источникъ.

Послѣдующія усилія метафизиковъ, пытавшихся основать наше достоинство на подчиненіе законамъ, имѣли еще меньшій успѣхъ. Ибо они, собственно, стремились восстановить древнее владычество произвольныхъ прихотей, лишенихъ только санкціи теократіи, которая ихъ сбывала одновременно болѣе достойными уваженія и менѣе капризными. Это примиреніе между независимостью и солидарностью, составляющее истинную свободу, можетъ осуществляться только когда оно подчиняется объективнымъ законамъ, освобожденнымъ отъ всякаго субъективнаго побужденія и поэтому всегда доступнымъ настоящимъ доказательствамъ.

Таково будетъ огромное социальное благодѣяніе научнаго гения, подлежащаго образомъ распространеннаго на наиболее сложныя и наиболее важныя явленія Человѣкъ уже не будетъ болѣе рабомъ человѣка: онъ покоряется только вѣщней необходимости, которой подчиняются также тѣ, кои этого требуютъ; эти приказанія обусловлены вѣщней необходимостью, никогда насъ не унижаютъ, даже когда они непреклонны. Но новая мудрость, сверхъ того, учитъ насъ, что она почти всегда измѣняема, въ особенности въ томъ, что касается нашихъ важнѣйшихъ свойствъ. Тогда наше достоинство перестаетъ быть пассивнымъ, и мы посвящаемъ все наше индивидуальное или коллективное существованіе безпрерывному совершенствованію системы, дѣйствительными вождями которой мы являемся. Составляющіе ее естественныя законы становятся необходимыми основаніемъ нашего дѣятельнаго вмѣшательства, направляющаго наши усилія и укрѣпляющаго наши намѣренія. Чѣмъ лучше они будутъ известны, тѣмъ болѣе наше поведеніе будетъ свободно отъ всякаго произвольнаго и отъ всякаго рабскаго подчиненія. Въ дѣятельности, эти вѣщныя правила могутъ лишь рѣдко быть настолько опредѣленными, чтобы, въ каждомъ случаѣ, избавить отъ повелительныхъ предписаній. Но тогда сердцу надлежитъ придти, съ той и съ другой стороны, на помощь вселенности ума, чтобы слишкомъ плохо мотивированнымъ повелѣніямъ были выполнены изъ побужденій любви. Совершенно избѣжать произвольныхъ прихотей невозможно, но для нашего достоинства достаточно, чтобы они были подчинены однообразно вѣщнымъ законамъ, и чтобы разумъ и чувство неизмѣнно стремились сократить область ихъ повелительнаго вліянія. А это двоякое условіе безспорно выполняется въ позитивномъ строе, гдѣ промышленная жизнь и научный духъ способствуютъ тому, чтобы каждый становился все болѣе и болѣе независимымъ отъ всякой личной прихоти и въ то же время тѣсно соединялся съ всеобщимъ организмомъ.

Итакъ, позитивизмъ обезпечиваетъ свободу и человѣческое достоинство, благодаря тому, что считаетъ, что социальныя явленія, такъ же какъ и всѣ другія, подчинены естественнымъ законамъ, измѣняемымъ, въ известныхъ предѣлахъ, нашей мудрой дѣятельностью, въ особенности коллективной. Напротивъ, только угнетеніе и униженіе можно ожидать отъ всѣхъ метафизическихъ утончій, которыя представляютъ общество законодательнымъ прихотямъ, не принимающимъ въ расчетъ врожденныхъ свойствъ, и добиваются солидарности только путемъ подавленія независимости, какъ это было въ древности.

Такимъ-то образомъ окончательный культъ систематизируетъ активное существованіе Великаго Существа, сообразно совокупности его естественныхъ законовъ, причемъ онъ либо дополняетъ истинный солидарности чувствомъ безпрерывности, либо прикрываетъ нецѣлѣбную независимость его различныхъ органовъ съ ихъ необходимой общей дѣятельностью. Тогда политика можетъ, наконецъ, дѣйствительно подчиниться морали, потому что долгъ замѣняетъ право. Теоретическая власть провозглашаетъ неопровержимыя правила, въ которыхъ разумъ и чувство всегда совѣстно способствуютъ измѣненію дѣятельности. Каковы бы ни были органы практической власти, она осуществляется пріобрѣтаетъ неизмѣнный нравственный характеръ. Напротивъ, всѣ метафизическія системы ограничиваются регулированіемъ объема каждой власти, не давая затѣмъ никакого принципа для поведенія или оцѣнки.

ГЛАВА XXVIII.

Функции капиталистовъ или свѣтскихъ вождей.

Отъ разсмотрѣнія активнаго культа Человѣчества въ цѣломъ слѣдуетъ теперь перейти къ его главной подраздѣленію, чтобы закончить характеристику нормальнаго отдѣленія духовной власти отъ свѣтской, составляющаго основной принципъ позитивной политики.

Безпрерывная дѣятельность Великаго Существа относится либо къ его вѣщному состоянію, либо къ его собственной природѣ. Хотя каждая изъ этихъ двухъ важныхъ функций касается одновременно и порядка, и прогресса, первая преимущественно относится къ сохраненію, а вторая къ совершенствованію. Этотъ огромный организмъ долженъ прежде всего, какъ всякій другой, безпрестанно дѣйствовать на соответствующую среду, чтобы поддерживать и распространять свое матеріальное существованіе. Его практическая жизнь поэтому, главнымъ образомъ, посвящена удовлетворенію этихъ непреодолимыхъ потребностей, требующихъ постоянного производства обильныхъ матеріаловъ. Безпрерывное выработываніе этихъ матеріаловъ съ теченіемъ времени становится зависящимъ отъ послѣдовательнаго содѣйствія поколѣній болѣе, чѣмъ отъ одновременнаго содѣйствія вліяній. Выполняя эти грубыя, но необходимыя функція, мы работаемъ преимущественно для нашихъ потомковъ, и удовлетвореніями нашихъ главныхъ потребностей мы бываемъ обязаны нашимъ предшественникамъ.

Каждое поколѣніе производитъ, сверхъ своихъ собственныхъ потребностей, матеріальныя богатства, назначенныя обезпечить трудъ и подготовить средства къ существованію для слѣдующаго поколѣнія. Такимъ образомъ, органы этой передачи становятся естественными руководителями промышленнаго труда, и они не извлекаютъ выгоды изъ преимуществъ, связанныхъ съ обладаніемъ орудіями производства и предметами потребленія, лишь при исключительной неспособости. Къ этому практическому происхожденію прибавляется естественное скопленіе капиталовъ въ рукахъ мудрыхъ и искусныхъ администраторовъ.

Таковы свѣтскіе вожди современнаго общества. Окончательный культъ долженъ ихъ поддерживать какъ органы питанія Великаго Существа, которые либо собираютъ и перерабатываютъ сырые матеріалы, либо распределяютъ ихъ всюду, подъ непрерывнымъ воздействием центрального органа.

Тордые своими непосредственнымъ и повседневнымъ значеніемъ, побуждаемые, сверхъ того, личными вѣтвянками, которые они только и могутъ вызвать ихъ напряженную дѣятельность, они естественно стремятся злоупотреблять своимъ практическимъ преобладаніемъ, чтобы наложить на общество иго тяжелой необходимости, непріемлемой ни для чувства, ни для разсудка. Поэтому ихъ само собой устанавливающееся господство нуждается въ безпрестанномъ умѣряющемъ вліяніи моральныхъ силъ. Таково главное политическое назначеніе второй общей функции Великаго Существа.

ГЛАВА XXIX.

Необходимое воздѣйствіе моральныхъ силъ на силы матеріальныя.

Мозговая жизнь Великаго Существа, прямо относящаяся къ его собственному совершенствованію, даже физическому, но въ особенности интеллектуальному и моральному, кажется сначала какъ-будто предназначенной, какъ и у низшихъ организмовъ, для событія процессу питанія. Однако, вскорѣ мы замѣчаемъ, что она развивается вокругъ себя очарованіе, единственно ей свойственное, и являющееся главнымъ источникомъ нашего счастья. Тогда мы, напротивъ, начинаемъ разсматривать члвчѣскую жизнь, какъ предназначенную для свободнаго развитія разума, воображенія и, въ особенности, чувства, и только практическія требованія безпрестанно вынуждаютъ насъ къ тѣлостной дѣятельности. Эта важная функція, не могущая никогда стать преобладающей, помимо доставляемаго ею намъ непосредственнаго удовольствія, становится нашимъ главнымъ средствомъ, сперва бессознательнымъ, затѣмъ систематическимъ, для регулированія съ помощью ума и сердца болѣе или менѣе слѣбнаго дѣйствія органовъ питанія. Наиболее чистой и наиболее естественный источникъ этого моральнаго воздѣйствія состоитъ въ женскомъ вліяніи, представляющемъ аффективную жизнь индивидуальнаго мозга. Но оно можетъ быть вполне дѣйствительнымъ, только когда оно находится въ сочетаніи съ философскою силой, которая, несмотря на свою непосредственную слабость, также необходима для коллективнаго организма, какъ умозрительная функція мозга необходима для индивида.

Къ этимъ двумъ необходимымъ элементамъ умиротворяющей власти Великаго Существа, достигнувъ зрѣлаго состоянія, добавляетъ третій, который дополняетъ эту организацію и составляетъ главное основаніе ея политическаго вѣдѣательства, порождая, наконецъ, активную функцію социальнаго мозга, вліяніе пролетаріевъ.

Отъ этого дополнительнаго элемента на самомъ дѣлѣ зависитъ возможное разрѣшеніе великой члвчѣской проблемы, а именно, преобладаніе обществѣнности надъ личностью. Исключенный изъ практической власти вслѣдствіе отсутствія у него досуга и богатства, онъ, однако, необходимъ для выполнения работъ, служащихъ источникомъ свѣтскаго господства. Связанный съ теоретической властью, благодаря сходству вкусовъ и одинаковому положенію, онъ отъ нея ожидаетъ, главнымъ образомъ, систематическаго образованія, потребность въ которомъ онъ глубоко чувствуетъ, видя въ немъ источникъ достоинства и улучшенія, равно какъ и непосредственнаго счастья.

Не смотря на то, что народный трудъ погашаетъ много времени, остается еще все-таки большая возможность самообразованія для умовъ, которые, будучи по въ состояніи специализироваться въ той или иной научной области, стремятся обыкновенно получить общіе взгляды, предпочитаютъ всегда тѣ знанія, въ которыхъ польза и реальность находится въ тѣсномъ сочетаніи. Въ то же время сердца пролетаріевъ, чуждая тревога, связанная съ знатностью или богатствомъ, представляютъ болѣе благодарную почву для развитія великодушныхъ чувствъ, предельно и

значеніе которыхъ лучше обнаруживаются въ ихъ жизни. Такъ какъ они могутъ превентовать только своею численностью, пролетаріи болѣе стремятся къ единенію, чѣмъ свѣтскіе правители, изъ которыхъ каждый обладаетъ матеріальнымъ господствомъ, являющимся въ его глазахъ существеннымъ и дѣлающимъ его одинокимъ.

Такимъ-то образомъ умиротворяющая власть естественнымъ путемъ находитъ среди практическихъ силъ, самопроизвольно развитіе которыхъ она должна видоизмѣнять, энергичнаго союзника, вплоть до доступнаго моральному вліянію, наиболее прочной опорой котораго онъ становится. Будучи одновременно частнымъ и общимъ, активнымъ и умозрительнымъ, не переставая быть чрезвычайно аффективнымъ, народъ составляетъ необходимое промѣшточное звено между теоретическимъ авторитетомъ и практической властью, съ которыми онъ почти въ одинаковой степени связанъ, получая съ одной стороны образованіе и совѣтъ, съ другой—работу и помощь. Онъ представляетъ энергію Великаго Существа, какъ женщины представляютъ его чувствительность, а философы—его умъ.

ГЛАВА XXX.

Какъ ограничить и обуздать злоупотребленія капиталистовъ.

Эта тройная мозговая сила должна сначала научиться уважать необходимая функція питательнаго органа, а затѣмъ уже нравственно воздѣйствовать на нихъ и систематизировать ихъ. Она должна ихъ регулировать, сообщая имъ по возможности болѣе благоразвѣта, сообразно постоянной хлравой оцѣнкѣ ихъ природы.

Безъ сомнѣнія, нужно преодолѣть неосновательное высокомеріе, столь же перациональное, сколь и безнравственное, свѣтскихъ вождей современнаго общества, которые считаютъ себя создателями и обладателями матеріальной силы, образованія и истины ихъ современниками и предшественниками. Но воздая ихъ отнынѣ въ истинныхъ общественныхъ служителяхъ, призванныхъ управлять капиталами и руководить матеріальнымъ трудомъ, слѣдуетъ уважать и поддерживать ихъ драгоцѣнную службу, а не унижать или подавлять ее.

Нормальное отдѣленіе духовной власти отъ свѣтской немедленно къ этому приводитъ, налагая на капиталистовъ преимущественно нравственную отвѣтственность, а не политическую, какъ это дѣлала разрушительная метафизика. Когда новое духовенство исчерпаетъ по отношенію къ нимъ средства убѣжденія, вытекающія изъ всеобщаго образованія, оно сможетъ прибѣгнуть къ систематическому поращанію, которому народное согласіе и женская санкція придадутъ въ каждомъ городѣ и въ каждой семь страшную силу. Чтобы обуздать крайнія уклоненія, это нормальное средство можетъ дойти до исключенія изъ общества, которое, при надлежащемъ приращеніи, станетъ, благодаря указанной выше двойной опорѣ, болѣе устойчивымъ, чѣмъ въ средніе вѣка, когда организація умиротворяющей власти носила только опытный характеръ. Но даже тогда воздѣйствіе должно быть чисто мораль-

нимъ. Если въ исключительныхъ случаяхъ, которые станутъ все болѣе и болѣе рѣдкими, злоупотребленіе потребуетъ нѣкоторыхъ политическихъ мѣръ, то единствен- нымъ судьей въ этомъ вопросѣ будетъ свѣтская власть.

ГЛАВА XXXI.

Въ новомъ строѣ богатство можетъ передаваться по наследству.

Вопреки метафизическимъ возраженіямъ противъ наследственной передачи материальныхъ богатствъ, новый кодексъ морали сумѣетъ въ большинствѣ случаевъ устранить главныя злоупотребленія этого естественнаго способа владѣнія. При за- нятіи права обязанностями, не приходится беспокоиться о томъ, кто обладаетъ дан- нымъ могуществомъ, а лишь о томъ, чтобы онъ имъ правильно пользовался. Позитивизмъ, сверхъ того, выявляетъ социальныя преимущества института наследства отно- сительно функцій, которыя, не требуя никакой особенной способности, могутъ хорошо выполняться лицами, получившими просто домашнюю подготовку. Въ особенности, съ моральной стороны, люди, выросшіе въ богатствѣ, болѣе доступны великодушію, чѣмъ тѣ, кои медленю наживали его, хотя бы даже честнымъ путемъ.

Такимъ образомъ, наследственная передача, которая вначалѣ прииынялась ко всѣмъ функціямъ, можетъ неограниченно примѣняться къ тѣмъ, которыя требуютъ наименьшаго спеціального искусства, и состоятъ только въ сохраненіи капиталовъ, а не касаются ихъ употребленія. Если бы назначали другихъ хранителей, то отъ этого общественные интересы несколько не выиграли бы. Современная промышлен- ность уже констатировала административное превосходство частныхъ руководителей, къ которымъ постепенно переходятъ всѣ тѣ социальныя функціи, которыя могутъ исполняться отдельными лицами, за исключеніемъ теоретическихъ функцій, имѣю- щихъ всегда коллективный характеръ.

Завистливыя раслабляющіяся противъ наследственныхъ богатствъ не мо- гутъ помѣшать ихъ обладателямъ быть часто наиболее полезными органами Человѣ- чества, лишь бы только мудрое образованіе, надлежащимъ образомъ восполняемое всеобщимъ мнѣніемъ, направляло къ добру естественныхъ счастливцевъ. Несмотря на бѣдность, присущую тремъ необходимымъ элементамъ умѣренной власти, не въ ихъ средѣ возникаютъ эти напрасные протесты, развѣ только нѣкоторые члены за- будутъ достоинство и условія своей общей аффективной умозрительной и активной службы.

ГЛАВА XXXII.

Материальная отвѣтственность капиталистовъ.

Единственные материальные интересы, которые моральная сила должна опе- рировать у политической силы, регулируются двумя общими принципами, вытекающими изъ точной оцѣнки естественнаго порядка. Съ одной стороны, мужчина долж- женъ содержать свою жену, съ другой—классъ активный долженъ содержать классъ умозрительный.

Таковы два основныя условія, очевидно требуемыя природою Великаго Су- щества, дабы его аффективные и умозрительныя функціи могли надлежащимъ обра- зомъ выполняться. Благополучіе отдельныхъ лицъ и общества настолько зависитъ отъ преобладанія чувства надъ разсудкомъ и надъ дѣятельностью, что оно никогда не будетъ куплено слишкомъ дорогою цѣною, если для достиженія его половина не- шего рода не будетъ принимать участія въ промышленномъ трудѣ. У самыхъ не- значительныхъ племенъ активный полъ беретъ на себя въ этомъ отношеніи по- стоянное обязательство, отличающее всегда человѣческую любовь, даже наиболее грубую, отъ простой скотской похоти. Но мѣръ того, какъ Великое Существо раз- вивается, это условіе существованія вышукле выступаетъ и лучше удовлетворяется. Означательный кулътъ возводитъ его въ основу обязанности, отъ которой ничто обыкновенно не освобождаетъ ни индивида, ни рода.

Что касается второго условія, то старое духовенство его издавна ослѣпало; и нынѣшня анархія его по существу уважаетъ, по меньшей мѣрѣ, тамъ, гдѣ протес- тантизмъ не далъ слишкомъ большого перевѣса индивидуальности. Систематически утверждая его, какъ необходимое для теоретическихъ функцій Человѣчества, притес- него скорѣе суживать, чѣмъ расширять, въ особенности по сравненію съ прежнимъ режимомъ, гдѣ обладаніе богатствомъ значительно способствовало самопринзвольному вырожденію католицизма.

Дабы нормальное отдѣленіе духовной власти отъ свѣтской было полностью осуществлено, слѣдуетъ, чтобы новые философы оставались всегда столь же чужды богатства, какъ и господа. Если жрецы Человѣчества должны наравнѣ съ жи- щинами быть чужды какою-либо практической власти, то они не должны быть бо- гаче пролетаріевъ, и располагать лишь средствами, чтобы жить прилично, соразмѣрно ихъ социальному положенію. И лишь при соблюденіи этого двойнаго условія, они смогутъ достойно провозглашать свои мнѣнія и давать совѣты, чистота которыхъ никогда не вызоветъ сомнѣній.

Такимъ образомъ, въ своемъ нормальномъ управленіи общимъ богатствомъ свѣт- скіе вожди должны будутъ удовлетворять этимъ двумъ необходимымъ требованіямъ: при нормированіи платы за трудъ промышленныхъ рабочихъ и общественного возна- гражденія теоретическихъ трудовъ. Какъ бы труднымъ ни казалося теперь выпол- неніе этого условія, только этой законной цѣной и можетъ быть куплена прочность практическаго равновѣсія. Нынѣшніе обладатели преимущества, которое не можетъ

болѣе поконится на пустыхъ, личныхъ правахъ, могутъ объявить непріемлемой подобную программу. Въ этомъ случаѣ ихъ функція перейдетъ какимъ-либо образомъ къ новымъ органамъ до тѣхъ поръ, пока Великое Существо не найдетъ служителей, которые не будутъ отступать отъ своего основнаго служенія, являющагося необходимымъ условіемъ преслѣдуемаго ими преимущества.

Но въ этихъ справедливыхъ предѣлахъ ихъ благотворное преобладаніе вызоветъ любовь и уваженіе, какъ необходимое для высшаго существованія. Умъ и сердце общими и согласными усиліями заставятъ исчезнуть всюду низкія страсти и разрушительныя доктрины, порождаемыя теперь силой, которая, со времени упадка католической деспотіи, стремится уничтожить всякое настоящее нравственное обязательство во имя своихъ минувшихъ правъ. Эта сила скоро пойметъ, что подобныя предписанія, добровольное исполненіе которыхъ составляетъ заслугу каждаго, только позволяютъ богатымъ избѣгать угрожающей имъ теперь политической тирани. Тогда свободное сосредоточеніе богатствъ будетъ всѣмъ рассматриваться, какъ необходимое условіе для ихъ полной цѣлесообразности, въ особенности социальной, ибо великія обязанности требуютъ для своего выполненія великихъ силъ.

ГЛАВА XXXIII.

Нормальные отношенія между философами, пролетаріями и капиталистами.

Таинично-то путемъ жреца Человѣчества совершать моральное преобразование матеріальной силы, дабы питательный аппаратъ надлежащимъ образомъ функционировалъ на пользу всѣхъ органовъ Великаго Существа. Отказавшись отъ всякаго закона, во временной борьбѣ, народъ достойно разовьетъ свои естественныя склонности къ благоговѣнію и будетъ всегда подчиняться своимъ свѣтскимъ начальникамъ и доверчиво относиться къ своимъ духовнымъ властямъ. Пролетаріи поймутъ, что истинное счастье нисколько не зависитъ отъ богатства, а обуславливается, главнымъ образомъ, отъ удовлетворенія интеллектуальныхъ, моральныхъ и социальныхъ потребностей, которое для нихъ болѣе доступно, чѣмъ для правящихъ классовъ. Они безъ сожалѣнія откажутся отъ наслажденій, доставляемыхъ богатствомъ и властью и составляющихъ естественное вознагражденіе за практическую дѣятельность. Послѣ добросовѣстнаго отравленія своей спеціальной службой, честолюбіе каждаго изъ нихъ выразится только въ стремленіи достойно выполнить свою общую функцію въ качествѣ активнаго союзника теоретической власти, способствуя въ мудрыхъ ежедневныхъ бесѣдахъ выработкѣ настоящаго общественнаго мнѣнія.

Народъ, который будетъ хорошо понимать истинныя условія духовнаго управленія, окажетъ доверіе только духовенству, всегда расположенному подчинять умъ сердцу и обеспечивающему нравственность реальной науки путемъ неизмѣннаго отреченія отъ свѣтскихъ преимуществъ. Если должное честолюбіе увлечетъ нѣкоторыхъ философовъ на путь политической карьеры, то пролетаріи съумѣютъ энергично при-

дѣйствовать къ нимъ всеобщую доктрину и поддержать справедливое превосходство практическаго авторитета.

Хотя искусство должно всегда почитать наукъ своимъ общимъ вдохновеніемъ, однако, только оно должно руководить великими приложениями позитивныхъ теорій. Практическая неспособность теоретиковъ, уже признавая относительно низшихъ искусствъ, будетъ систематически доказана, въ особенности касательно политическихъ функцій. Философы должны вѣдать образованіе и слѣдовательно, давать совѣты; люди, стоящіе во главѣ промышленности, должны дѣйствовать и прежде всего управлять, — таково нормальное распределеніе, къ которому народъ сумѣетъ всюду вѣшать уваженіе, какъ къ необходимому для гармоніи Великаго Существа.

ГЛАВА XXXIV.

Эволюція революціонныхъ девизовъ.

Активный культъ Человѣчества, дополнивъ его умерительный и аффективный культъ, закрѣпляетъ истинный общій характеръ единственнаго политическаго преобразованія, которое могло бы превратить великую западную революцію. Но это окончательное обновленіе всѣхъ социальныхъ учрежденій не можетъ прямо начаться теперь, такъ какъ оно требуетъ предварительнаго переустройства мнѣнія и нравовъ на философскихъ основаніяхъ, уже установленныхъ позитивизмомъ, на что уйдутъ труды, по крайней мѣрѣ, одного поколѣнія. Поэтому, въ теченіе этого промежутка политика должна оставаться по существу временной, хотя направляемой въ духѣ окончательнаго состоянія.

Въ настоящее время признаютъ только аффективный принципъ новаго режима: постоянное подчиненіе политики морали. Оно, дѣйствительно, составляетъ истинный, отънынѣ неотъемлемый, органическій смыслъ деклараціи французской Республики, которая утверждаетъ, что всѣ люди должны служить Человѣчеству. Что же касается систематизаціи, которая одна только можетъ осуществить этотъ основной принципъ, то позитивизмъ установилъ ея основанія, но общественный разумъ ихъ еще, однако, не принялъ. Должно надѣяться, что въ скоромъ времени девизъ, характеризующій эту новую политическую философію, самъ собою получитъ всенародное освѣщеніе.

ГЛАВА XXXV.

Первый девизъ: Свобода, Равенство.

Назначенныя возмѣщать безповоротное отреченіе отъ стараго порядка, но неспособныя какимъ-либо образомъ указать природу окончательнаго состоянія, отрицательная часть революціи всѣмъ дѣйствительно уложилась въ глубоко противорѣчивую де-

визъ: Свобода, Равенство,—не совместимъ ни съ какой реальной организаціей. Ибо при свободной эволюціи необходимо развиваются какія-либо различія, въ особенности умственные и моральныя; такъ что для того, чтобы поддерживать равенство, приходится подавлять эволюцію.

Но эта коренная несообразность не ослабила отрицательной энергіи этой первоначальной формулы, гдѣ ненависть къ прошлому заслоняла пониманіе будущаго. Ея прогрессивная тенденція настолько умирала тогда ея анархическую природу, что она могла вынуть первую попытку основать истинную политику на совокупности историческихъ фактовъ,—попытку, осуществленную, хотя не вполнѣ удачно, въ безсмертномъ произведеніи ¹⁾ моего знаменитаго предшественника Кондорса. Такимъ образомъ, будущее окончательное преобладаніе историческаго направленія давало себя чувствовать уже во время господства анти-историческаго дуга.

Долгое ретроградное движеніе, необходимо наступившее послѣ этого рѣшительнаго потрясенія, ни разу не могло имѣть никакого настоящаго дензна, вследствие тайной антипатіи, которую оно всегда внушало людямъ мысли и людямъ сердца. Ея прочными результатами могли быть только несобое убѣжденіе, сперва опытное, а затѣмъ систематическое, въ органическомъ безсмертіи революціонной метафизики и разработка историческихъ матеріаловъ, которая, давъ первую оцѣнку средних вѣковъ, способствовала подготовленію позитивизма.

ГЛАВА XXXVI.

Второй девизъ: Свобода, Общественный Порядокъ.

Когда, благодаря памятнымъ событіямъ 1830 г., окончилась эта ретроградная реакція, начатая Робеспьеромъ, развитая Бонапартомъ и удлинненная Бурбонами, то двусмысленное недвижимое состояніе, которое теперь закончилось, породило новый временный девизъ. Знаменитая формула: Свобода, Общественный Порядокъ, преобладавшая на протяжении полъ поколѣнія, вѣрно отражала социальную среду, послужившую для нея источникомъ. Ея значеніе было тѣмъ болѣе реально, что она создавалась сама собой, безъ какой бы то ни было торжественной санкціи. Она явилась плодомъ общественнаго разума, который, не видя ни на одномъ знамени истинной формулы социальнаго будущаго, ограничился согласованіемъ двухъ условій, необходимыхъ для его подготовленія. Этотъ второй девизъ подходилъ ближе перваго къ органической цѣли революціи. Здѣсь было исключено противно-общественное понятіе равенства, всѣ моральныя преимущества котораго доставляетъ, но безъ великой политической опасности, нарушающее чувство всеобщаго братства, которое, начиная со среднихъ вѣковъ, не нуждается на Западѣ въ особой формулировкѣ. Важное

¹⁾ М. Кондорса. «Эскизъ исторической картины прогресса Человѣческаго разума». Спб. 1809.

Пер.

понятіе порядка было введено въ эту формулу на основаніи опыта и съ оговоркой, приличествующей эпохѣ, когда анархія умовъ и сердецъ предвѣсывала ограничиваться внутреннимъ и внѣшнимъ матеріальнымъ порядкомъ.

ГЛАВА XXXVII.

Третій и послѣдній девизъ: Порядокъ и Прогрессъ.

Второй временный девизъ пересталъ быть удовлетворительнымъ съ тѣхъ поръ, какъ политическое превосходство республиканскаго принципа открыло намъ положительную часть революціи ¹⁾, уже начинающуюся для истинныхъ философовъ, когда я основалъ настоящую социальную науку. Но отказываясь отъ послѣдней формулы, общественный разумъ не могъ быть на столько ретрограднымъ, чтобы принять первоначальную, которая годилась только для начальнаго потрясенія. Хотя полное отсутствіе социальныхъ убѣжденій и можетъ объяснить официальное воскресеніе ея, это не помѣшало здравымъ умамъ и благороднымъ сердцамъ по собственному почину, принять систематическій девизъ будущаго: Порядокъ и Прогрессъ. Его философскій и политическій характеръ былъ достаточно очерченъ во второй части настоящаго «Обзора», такъ что здѣсь я могу ограничиться указаніемъ на его происхожденіе и на способъ его установленія.

Онъ связывается съ предыдущимъ, подобно тому какъ этотъ послѣдній былъ связанъ съ первымъ, черезъ посредство одного изъ элементовъ этого социальнаго сочетанія, по необходимости двойнаго, какъ всякое другое даже неорганическое сочетание. Сверхъ того, онъ своеобразно санкціонируетъ также понятіе, общее первымъ двумъ девизамъ, такъ какъ великій прогрессъ предполагаетъ свободу. Но онъ прямо отдаетъ порядку первенство, которое ему принадлежитъ и безъ котораго онъ не можетъ объять всю свою естественную область, являющуюся одновременно общественной и частной, теоретической и практической, моральной и политической. Включая прогрессъ какъ цѣль и проявленіе порядка, онъ провозглашаетъ понятіе, которое было подготовлено первоначальнымъ потрясеніемъ и которое получитъ господствующее значеніе при органическомъ завершеніи западной революціи. Примиреніе этихъ двухъ важныхъ условій, бывшее до тѣхъ поръ невозможнымъ, уже достигнуто всѣми передовыми умами. Хотя общественный разумъ его еще не санкціонировалъ, но всѣ искренніе люди сами собой къ нему стремятся послѣ послѣдней фазы ретрограднаго движенія. Его грядущее провозглашеніе все болѣе и болѣе приближается, судя по обнаруживающемуся совпаденію между ретроградными стремленіями и анархическими тенденціями, все болѣе и болѣе обуславливающимися одними и тѣми же желаніями.

¹⁾ Республика 1848 г.

Пер.

ГЛАВА XXXVIII.

Необходимость во временной политикѣ въ теченіе переходнаго періода. Новое правительство должно быть выбрано тремя proletariats.

Но если бы даже и состоялось уже теперь предполагаемое нами сочетание будущаго систематическаго деизма съ его основными принципами, все же это было бы недостаточно для того, чтобы ввести въ настоящее время окончательный строй, требующій предварительнаго окончанія духовнаго междоусобія. Поэтому, пока ближайшее поколѣніе будетъ стремиться къ достиженію этого важнаго условия, когда всѣ умы и всѣ сердца, въ особенности пролетарскіе и женскіе, должны будутъ оказывать посильную помощь философскому духовенству, нужно установить временное правительство, которое имѣло бы цѣлью поддерживать внутри и внѣ порядки, необходимый для переходнаго періода. Позитивизмъ можетъ взять на себя также эту исключительную обязанность, такъ какъ его точная историческая оцѣнка двухъ состояній, прошлаго и будущаго, позволяетъ ему создать классообразное временное промежуточное состояніе.

Для разрѣшенія этой задачи позитивизмъ признаетъ теперь къ жизни новое революціонное правительство, такъ же приспособленное къ положительной части революціи, какъ паразитическое политическое твореніе, Конвентъ, было приспособлено къ ея отрицательной части. Оно характеризуется современнымъ согласованіемъ между полной свободой нахожденія или обузденія и практическимъ преобладаніемъ надлежащимъ образомъ преобразованной центральной власти. Устное или письменное изслѣдованіе становится вполнѣ свободнымъ, какъ вслѣдствіе уничтоженія угнетающаго фискальнаго или карательнаго законодательства, такъ и вслѣдствіе того, что будетъ разрушена неблагоприятная стѣна, которой психологи отторгали дѣятельность государственныхъ людей отъ частной оцѣнки; такъ, въ особенности, благодаря уничтоженію двойнаго оффиціалаго бюджета, теологическаго или метафизическаго, который только и препятствуетъ теперь истинной свободѣ обученія. Такъ какъ при существованіи этой основной гарантіи, центральная власть не будетъ болѣе внушать серьезныхъ опасеній ретроградныхъ попытокъ, ея необходимо преобладаніе надъ мѣстной властью пріобрѣтетъ ту напряженность, которая требуется въ настоящее время для поддержанія матеріальнаго порядка среди умственной и моральной анархіи. Вотъ почему собраніе представителей французскаго народа, сокращенное приблизительно до 200 членовъ, сохранитъ только право ежегоднаго вѣтирования налога, предлагаемаго провинціальными комитетами, и право проверки прошлагоднихъ расходовъ. Всѣ государственныя мѣры, какъ законодательныя, такъ и исполнительныя, должны исходить отъ центральной власти, обязанной только заранее отдавать ихъ на свободное обсужденіе газетъ, народныхъ собраній и отдѣльныхъ мыслителей, причемъ, однако, это всеобщее обсужденіе никогда не должно создавать ей какихъ-либо препятствій.

Обезпечивъ, такимъ образомъ, немаловажное прогрессивное направленіе верховнаго комитета, остается составить его съ такимъ расчетомъ, чтобы онъ всегда имѣлъ

практическій характеръ, необходимый для его переходнаго назначенія. Поэтому-то позитивная теорія указываетъ на пролетаріевъ, какъ на единственную среду, изъ которой могутъ быть выбраны такіе государственные люди, которые могли бы явиться достойными преемниками членовъ Конвента. Итакъ, центральная власть будетъ вѣрена тремъ народнымъ правительствамъ, которые сосредоточатъ въ своихъ рукахъ всѣ полномочія министровъ и королевскія функціи, руководя одни внутренними дѣлами, другой внѣшними и третій финансами. Они созымаютъ и распускаютъ подъ своей моральной отвѣтственностью собранія провинціальныхъ депутатовъ, въ которыхъ, безъ всякаго формальнаго предписанія, будутъ преобладать лица, стоящіе во главѣ промышленности, всегда соответствующія ихъ повседневнымъ занятиямъ. При перемѣнахъ личнаго состава правительства, возможныхъ въ переходномъ состояніи, этого небольшого числа правителей будетъ достаточно, чтобы поддержать непрерывность, позволяя отдѣльно представлять прѣдшествующую фазу, будущее направленіе и настоящее положеніе вещей.

Это временное правительство, хотя является по необходимости революціоннымъ, приближается, насколько это возможно, къ нормальному состоянію. Характеризующая его чисто свѣтская верховная власть отличается отъ таковой въ нормальномъ состояніи только тѣмъ, что ея члены вербуются изъ класса, обычно чуждаго практической власти, которая должна быть окончательно предоставлена лицамъ, стоящимъ во главѣ промышленности. Но необходимость этой единственной аномаліи настолько вынуждается настоящимъ положеніемъ дѣла, что ея явленіемъ, къ тому же весьма ограниченное, не можетъ причинить никакого реальнаго вреда правамъ пролетаріевъ. Такъ какъ важно, главнымъ образомъ, сдѣлать нравственной активную жизнь, то весьма важно предоставить политическое преобладаніе тому практическому элементу, который наиболее доступенъ по уму и по сердцу, моральному вліянію. Его политическое господство не будетъ препятствовать свободному развитію свѣтской власти, а, напротивъ, подготовитъ ее нормальное главенство, внося ея представительныя потребности въ полное обновленіе, частное и общественное, безъ котораго они остались бы недостойными занять предназначенное имъ въ окончательномъ строѣ мѣсто. Въ то же время совѣщательное вліяніе такимъ путемъ правально вводится въ новое правительство. Будучи сначала чисто безсознательнымъ, оно будетъ становиться все болѣе и болѣе систематическимъ, по мѣрѣ того, какъ будетъ совершаться свободное философское обновленіе, на которомъ будетъ покоиться окончательный режимъ.

Этотъ новый временной режимъ тѣмъ болѣе соответствуетъ своему назначенію, что, хотя онъ вызванъ настоятельными потребностями состоянія Франціи, онъ пригоденъ и для всѣхъ достаточно переходныхъ народовъ, у которыхъ великій кризисъ уже обнаружился. Такимъ образомъ, съ самаго начала вторая часть революціи пріобрѣтаетъ западный характеръ, между тѣмъ какъ первая должна была быть только національной.

Пролетарская природа новой центральной власти проявитъ всюду подобныя черты, такъ какъ революціонное главенство будетъ принадлежать классу, наилучше освобожденному отъ всякой мѣстной антипатіи и болѣе расположенному умомъ и

сердцем ко всеобщему союзу. Даже если этот режим ограничится в течение нескольких лѣтъ одной Франціей, онъ скорѣе преобразуетъ на весь Западъ старую дипломатію.

Таковы главные преимущества, которыя систематическое обоснованіе должно выставить второму революціонному правительству, между тѣмъ какъ первое могло вытекать только изъ эмпирической оцѣнки, исправленной прогрессивнымъ инстинктомъ Контента.

Болѣе полныя указанія по этому вопросу читатель найдетъ въ спеціальной докладѣ, опубликованномъ въ августѣ 1848 г. Позитивистскимъ Обществомъ¹⁾.

ГЛАВА XXXIX.

Западный позитивный комитетъ, органъ новой духовной власти.

Когда, благодаря образованію временнаго правительства, внутреннее спокойствіе и внѣшній миръ, несмотря на продолженіе умственной и моральной анархіи, будутъ обеспечены, огромная преобразовательная работа можетъ дѣлательно выполняться въ атмосферѣ отнынѣ ненарушимой философской свободы. Дабы эта работа шла по возможности успѣшно, важно, чтобы она производилась при помощи философско-политической ассоціаціи, о которой было заявлено въ моемъ основномъ трактатѣ въ 1842 г., гдѣ я ей далъ характерное названіе Западнаго позитивнаго комитета.

Имѣя своимъ мѣстопробываніемъ, главнымъ образомъ, Парижъ, этотъ комитетъ будетъ состоять первоначально изъ восьми французовъ, семи англичанъ, шести итальянцевъ и четырехъ испанцевъ. Это число будетъ достаточно, чтобы всѣ главные элементы каждаго западнаго населенія были въ немъ представлены. Такъ, въ германское представительство войдутъ: одинъ голландецъ, одинъ пруссакъ, одинъ шведъ, одинъ датчанинъ, одинъ баварецъ и одинъ австріецъ. Точно также Пьемонтъ, Ломбардія, Тоскана, Римское государство и Неаполь дадутъ представителей отъ Италіи. Наконецъ Каталонія, Кастилія, Андалузія и Португалія достаточно представятъ иберійское населеніе.

Этотъ родъ постоянного собора новой Церкви долженъ допустить въ свою среду всѣ необходимые элементы умряющей власти и даже долженъ присоединить къ себѣ тѣхъ представителей управляющей власти, личное обновленіе которыхъ достаточно ушло впередъ, чтобы достойно содѣйствовать всеобщему обновленію. Такимъ образомъ онъ съ самаго начала обниметъ всѣхъ практиковъ и всѣхъ теоретиковъ. Основной союзъ между философами и пролетаріями здѣсь въ особенности обнаружится, а также и другія искреннія связи, относящіяся даже къ остальнымъ классамъ. Чтобы достойно отвѣчать своему главному назначенію, онъ еще съ болѣ-

¹⁾ Этотъ докладъ воспроизведенъ въ *Revue occidentale*, июль, 1880 г., стр. 91. По этому же вопросу прочтете статью и документъ, напечатанные П. Лафиттомъ въ *Revue occidentale*, январь, 1890 г., стр. 70.

Пр. Изв. (М. П. О.).

шимъ основаніемъ допустить третій общій элементъ умряющей власти, способный наилучшимъ образомъ представлять основное преобладаніе сердца надъ умомъ. Такъ что, кромя тридцати указанныхъ выше членовъ, онъ включитъ въ свой составъ шесть выдающихся женщинъ, двухъ французенокъ и по одной отъ каждой другой западной вѣтви. Кромя ихъ нормальнаго вліянія, ихъ особое участіе необходимо для того, чтобы надежнымъ образомъ распространить позитивизмъ среди нашихъ южныхъ братьевъ, согласно благородной роли, которую я предназначалъ для своей святой подруги, похитившей преждевременной смертью у обновленнаго комитета, въ которомъ она могла съ достоинствомъ занять мѣсто.

Между тѣмъ, какъ различныя національныя правительства будутъ поддерживать всюду матеріальный порядокъ, эти вѣчные предшественники окончательнаго режима будутъ руководить на Западѣ той преобразовательной работой, которая постепенно расчлѣнитъ духовное междуцарствіе, составляющее единственное существенное препятствіе для социальнаго преобразованія. Они потому должны будутъ способствовать развитію и распространенію позитивизма, равно какъ его возрастающему примѣненію, всѣми благородными средствами, которыя окажутся въ ихъ распоряженіи. Помимо устного и письменнаго, народнаго и философскаго обученія, они въ особенности постараются по возможности ввести окончательный культъ Человѣчества, который уже можетъ быть немедленно начатъ, по крайней мѣрѣ въ части, касающейся системы поминанія. Ихъ политическое вліяніе сможетъ даже прямо выдвинуть западный характеръ новаго режима, способствуя принятію всюду иберійскихъ общихъ мѣръ, польза которыхъ признана уже давно, но которая не могла до сихъ поръ осуществиться, за отсутствіемъ центрального органа, стоящаго выше національнаго соперничества.

ГЛАВА XL.

Западная Республика. Ея главные учрежденія: флотъ, монета, коллежъ, религиозная хоругвь, политическое знамя.

Первой общей мѣрой будетъ учрежденіе западнаго флота, названнаго какъ для всеобщаго надзора за морями, такъ и для теоретическихъ или практическихъ изысканій. Его экипажъ, волею вербуемый и оплачиваемый нѣсколькими вѣтвями великой западной семьи, достойно замѣнитъ чудныхъ морскихъ рыцарей, исчезнувшихъ вмѣстѣ съ католицизмомъ. Его флагъ естественнымъ образомъ явится первымъ торжественнымъ провозглашеніемъ общаго позитивистскаго девиза.

Эта первая характерная мѣра естественно вызоветъ вторую, значеніе которой не менѣе бесспорно и которая не могла, однако, осуществиться въ виду западной анархіи, обусловленной политическимъ паденіемъ католицизма. Она будетъ заключаться въ установленіи различными сѣвѣскими властями общаго монета, что облегчитъ на весь Западъ промышленныя сдѣлки. Три шара изъ золота, серебра и платины, каждый вѣсомъ въ пятьдесятъ граммъ, представятъ достаточно разнообразіа. На большомъ кругѣ, параллельномъ малому плоскому основанію, должно будетъ выгра-

принять основной девиз. На лозею надлежало бы изобразить бессмертнаго Кара Великаго, как историческаго основателя Западной Республики, имя котораго можно было бы начертать вокруг его благороднаго изображенія. Это имя, одинаково чтимое на всемъ Западѣ, могло бы служить, на общемъ старинномъ языкѣ, для общеупотребительнаго наименованія всеобщей монеты.

Указавъ эту двойную мѣру, которая вскорѣ сдѣлаетъ полударимъ обновляющій комитетъ, считаю излишнимъ особо останавливаться на различныхъ операціяхъ, прямо относящихся къ его главному назначенію. Тѣмъ не менѣе, я долженъ здѣсь отмѣтить свободное основаніе западной коллегіи, которая можетъ составить систематическое ядро настоящаго мыслительнаго класса. Привязано образованіе окончательнаго духовенства, эти новые философы должны будутъ преимущественно вербовать среди пролетаріевъ, причѣмъ, однако, достойные представители другихъ классовъ не будутъ устраниваться. Они введутъ серьезнѣе обученіе позитивизму во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ почва будетъ благопріятна для его насажденія. Кромя того, они выдвинутъ изъ своей среды волежныхъ миссіонеровъ, которые будутъ проповѣдывать всюду всеобщую доктрину, даже внѣ западныхъ границъ, согласно указанному ниже порядку. Успѣху этого дѣла будутъ весьма способствовать обычныя путешествія пролетаріевъ-позитивистовъ.

Чтобы лучше понять это временное обученіе, нужно обратиться къ второму изданію Доклада Позитивной Школы, напечатаннаго въ 1849 г. Позитивистскимъ Обществомъ¹⁾.

Понимаю этихъ специальныхъ мѣръ, я долженъ здѣсь подробнѣе указать на одно общее учрежденіе, однакоже относящееся къ нормальному режиму и къ концу переходнаго времени. Оно касается систематическаго знамени, одновременно западнаго и національнаго, необходимость въ которомъ уже инстинктивно чувствуется, и которое должно всюду замѣнить ретроградныя эмблемы, но только не анархическія девизы. Органическій переходъ долженъ начаться съ распространенія повсюду цвѣтовъ и девизовъ, присущихъ окончательному состоянію.

Чтобы опредѣлить, каковыя должны быть политическія знамя, слѣдуетъ сперва установить типъ религіозной хоругви. На ея блѣдой сторонѣ долженъ быть изображенъ символъ Человѣчества въ видѣ тридцатилѣтней женщины, держащей на рукахъ своего сына. На другой сторонѣ будетъ начертана священная формула позитивистовъ: любовь какъ принципъ, порядокъ какъ основаніе и прогрессъ какъ цѣль, причѣмъ фонъ этой стороны долженъ быть зеленый, являющійся естественнымъ цвѣтомъ надежды, который подобаетъ эмблемѣ будущаго.

Этотъ же самый цвѣтъ единственно подходитъ для политическаго знамени, общаго для всего Запада. Такъ какъ оно должно развиваться какъ флагъ, то на немъ не можетъ быть живопись, а вмѣсто того на верхушкѣ древка будетъ находиться статуетка Человѣчества. Основная формула будетъ разложена на два девиза—по одному для каждой его зеленой стороны,—характеризующіе позитивизмъ: одинъ научно-политическій—Порядокъ и Прогрессъ, другой морально-эстетическій—Жить для другихъ. Если первый долженъ преобладать у мужчинъ, то

второй единственно подобаетъ женщинамъ, которыя такимъ образомъ смогутъ, наконецъ, принять достойное участіе въ нашихъ общественныхъ манифестаціяхъ.

Изъ этого западнаго знамени легко сдѣлать различныя національныя знамена, добавая къ нему простую кайму изъ вывѣстныхъ цвѣтовъ каждой національности. Въ Франціи, которая должна взять на себя починъ въ этомъ нововведеніи, эта кайма представитъ наши три цвѣта въ принятомъ теперь порядкѣ, но съ преобладаніемъ средняго бѣлаго поля, изъ уваженія къ нашему старому знамени. Это удачное сочетаніе однородности и разнообразія ясно покажетъ, что новый западный союзъ способенъ добросовѣстно уважать всѣ, даже самыя слабыя націи, изъ которыхъ каждая сохранитъ свои собственныя эмблемы, не нарушая общаго символа. Всѣ второстепенныя эмблемы, вытекающія всюду изъ главнаго знамени, естественно подвергнутся тому же пренебреженію.

Предлагаю эту символикацію, провозглашенную два года тому назадъ на моихъ ежедневныхъ курсахъ, и указываю на наиболее прямую функцію позитивнаго комитета, которая наилучшимъ образомъ характеризуетъ все значеніе его свободнаго вѣдательства.

Хотя эта преобразовательная ассоціація должна постепенно приобрести огромное распространеніе, важно, однако, чтобы ея центральное ядро оставалось всегда ограниченными своими традиціями шестью первоначальными членами, за исключеніемъ вышеуказаннаго двойнаго дополненія. Каждый изъ членовъ можетъ зятимъ основать среди своихъ соотечественниковъ болѣе многочисленную группу, которая могла бы подобнымъ же образомъ разрастаться. Эти послѣдовательныя присоединенія, степени которыхъ почти неограничены, лучше обезпечать единство и однородность позитивной Церкви, не вредя ни ея прочности, ни ея активности. Окончательное преобразованіе будетъ гарантировано, когда въ этотъ добровольный союзъ вступитъ преобладающая часть каждаго западнаго элемента.

Въ этомъ постепенномъ ходѣ числа, указанныя здѣсь для представителей различныхъ національностей, представать только приблизительно степень участія ихъ въ дѣятельности комитета. Этотъ трактатъ объясняетъ, на основаніи совокупности прошлаго, нѣсколько иной порядокъ, по которому пять группъ западныхъ народовъ примутъ участіе въ позитивистскомъ движеніи. Онъ отличается отъ предыдущаго порядка тѣмъ, что Італія здѣсь поднимается на второе мѣсто, Испанія на третье, между тѣмъ какъ Англія оказывается на послѣднемъ. Уже въ третьемъ изданіи моего позитивистскаго календаря я мотивировалъ это важное измѣненіе, полное оправданіе котораго естественно принадлежить четвертому тому настоящаго трактата¹⁾.

¹⁾ Въ IV томѣ Системы позитивной позитики на послѣднемъ мѣстѣ поставлена Германія.

¹⁾ Докладъ перепечатанъ въ *Revue occidentale*, сентябрь, 1880 г., стр. 158.

ГЛАВА XII.

Новая доктрина пригодна для людей всехъ расъ и всехъ климатовъ, но ихъ добровольное присоединеніе къ ней, конечно, совершится съ неравною скоростью.

Рѣшительное движеніе, долженствующее, въ концѣ концовъ, охватить весь нашъ родъ, само собой получитъ первое нормальное расширеніе, когда перейдетъ съ Запада къ народамъ, для которыхъ оно станетъ источникомъ новой жизни и у которыхъ политическая независимость не могла разрушить социальный связи. Въ силу этого, собственно западный комитетъ вскорѣ присоединитъ къ себѣ двѣнадцать колониальныхъ членовъ, по два отъ Сѣверной Америки, Южной Америки, Индіи, Австраліи, какъ Голландской, такъ и Испанской.

Достигнувъ, такимъ образомъ, численности въ сорокъ восемь членовъ, позитивный комитетъ пополнитъ затѣмъ свой нормальный составъ путемъ постепеннаго включенія двѣнадцати членовъ—представителей различныхъ остальныхъ народовъ. Каждый изъ послѣднихъ долженъ, въ свою очередь, подвергнуться окончательному преобразованію, въ которомъ Западъ возьметъ на себя только починъ подъ руководствомъ Франціи.

Всегда важно, чтобы это расширеніе случилось не слишкомъ рано, такъ какъ, если оно будетъ плохо пошито, оно вредно отразится на ласности и энергіи обновляющаго движенія. Но не слѣдуетъ забывать, что Великое Существо будетъ явнѣе сформировано лишь послѣ всеобщаго объединенія всехъ его органовъ. Между простой национальностью, дальне которой социальный гений древности никогда не шелъ, и окончательнымъ Человѣчествомъ средніе ядра установили слишкомъ ягнорирную теперь промежуточную стадію, создавъ свободную западность. Нашъ первый политическій долгъ состоитъ нынѣ въ переустройствѣ послѣдней на непоколебимыхъ основаніяхъ, для чего необходимо прекратить анархію, вызванную паденіемъ католическаго феодальнаго режима. По мѣрѣ того, какъ эта систематизація будетъ совершаться, она всею указать, что западность составляетъ только послѣднее подготовленіе къ настоящему Человѣчеству, которое мы всегда предчувствовали съ нашей калыбели, но которое до сихъ поръ, пока преобладала теологізмъ и война, было невозможно даже въ видѣ.

Основные законы человеческой эволюціи, составляющіе философскій фундаментъ окончательнаго строя, необходимо подходить для всехъ климатовъ и для всехъ расъ, причѣмъ возможны только различія въ скорости ихъ усвоенія. Эти понятія ознанія должны отнынѣ возмѣщаться болѣе систематизированнымъ развитіемъ, свободнымъ отъ опасностей и колебаній, присущихъ первоначальному прогрессу, который могъ быть только опытнымъ, такъ какъ единственно его опытка указала общій законъ.

Осуществляя отнынѣ среди нашихъ остальныхъ братьевъ это мудрое и великодушное вибѣдательство, Западъ откроетъ самое благородное поле дѣятельности

социальному искусству, надлежащимъ образомъ основанному на реальной наукѣ. Всегда относительныя, хотя не произвольныя, всегда дѣлкатныя, хотя энергичныя, эти естественныя подбѣдствія, одновременно частныя и общественныя, національныя и западныя, составятъ морально-политическую систему, которая окажется незамѣримо выше теологическаго или военнаго прозелитизма. Они со временемъ сосредоточатъ на себѣ главное вниманіе позитивнаго комитета, хотя сначала они будутъ для него лишь второстепеннымъ дѣломъ.

Это постепенное расширеніе, конечно, начнется съ остальной части Бѣлой расы, всюду превосходящей дѣй другія расы. Въ окончательное пріобрѣненіе къ Великому Существоу пройдетъ черезъ три главныхъ фазы, дѣй монотеистическія и одну политеистическую, изъ которыхъ каждая облегчитъ слѣдующую, и которая представитъ восточное распространеніе обновляющаго движенія.

Хотя огромное русское населеніе осталось чуждо католическо-феодальному проевѣнню, которымъ мы обязаны среднимъ вѣкамъ, однако, его христіанская религія, несмотря на смѣненіе двухъ властей, выдвигаетъ его теперь какъ авангардъ монотеистическаго Востока. Западное движеніе получитъ здѣсь свое первое рѣшительное распространеніе, благодаря двумъ естественнымъ посредникамъ, религіозному и политическому—Прещи и, въ особенности, Польшѣ. Это распространеніе могло бы серьезно замедлиться только въ случаѣ дѣятельнаго отбѣженія отъ Россіи этихъ двухъ разворонданныхъ пріятковъ.

Затѣмъ окончательное обновленіе распространится на монотеистовъ-мусульманъ, сперва въ Турціи, затѣмъ въ Персіи. Позитивизмъ естественнымъ образомъ встрѣтитъ здѣсь симпатіи, которыя католицизмъ не могъ снискать и которыя уже весьма замѣтны. Арабская цивилизація всегда будетъ фигурировать среди главныхъ элементовъ нашего великаго средневѣковаго подготовленія, какъ благодарная распространительница греческой науки.

Наконецъ, послѣдній фазисъ расширенія, безсонительныя корни котораго уже существуютъ, пріобрѣтѣтъ къ Великому Существоу многочисленное политическое населеніе, доводящее Бѣлую расу. Исключительное упорство теократическаго режима не помѣшаетъ позитивизму найтти, при естественной помощи Персіи, настоящіи точки соприкосновенія съ Индіей. Это является необходимымъ преимуществомъ доктрины, которая, отнесенъ всегда ввмательство къ совокупности человеческой эволюціи, умѣетъ надлежащимъ образомъ цѣнить самыя древнія системы обществности.

На этихъ трехъ ступеняхъ распространенія позитивный комитетъ присоединитъ къ себѣ первую половину своихъ чужестранныхъ сочленовъ, путемъ послѣдовательнаго допущенія въ члены одного грека, одного русскаго, одного египтянина, одного турка, одного перса и, наконецъ, одного яндуса.

Несмотря на свой упорный политизмъ, желтая раса теперь всею подвергается измѣненію подъ вліяніемъ монотеизма, какъ христіанскаго, такъ и, въ особенности, мусульманскаго. Благодаря этому само собой совершающемуся подготовленію, позитивный комитетъ вскорѣ найдетъ здѣсь достаточно приверженцевъ, чтобы почти одновременно принятъ въ сочлены одного татарина, одного китайца, одного японца и одного малйяца.

Онъ, наконецъ, окончательно дополнитъ свой основной составъ, включивъ духъ представителя черной расы: одного отъ той части этой расы, которая сумела энергично развить оковы чудовища рабства ¹⁾, другого отъ части, оставшейся еще чуждой западной культуры ²⁾. Хотя мы, по своему высокомерию, считаемъ эту послѣднюю часть обреченной оставаться всегда на низшей ступени развитія, однако ея врожденные качества располагаютъ ее къ принятию единственной философіи, рассматривающей фетишизмъ, какъ необходимое начало всякой подготовительной эволюціи.

Позитивный комитетъ вѣроятно достигнетъ этого окончательнаго состава въ шестьдесятъ членовъ раньше, чѣмъ прекратится духовное междуцарствіе въ центрѣ Великаго Существа. Но какъ бы събитое преобразование ни способствовало затѣмъ этому обширному философскому предпріятію, необходимость пяти послѣдательныхъ фазъ для этого расширенія не позволяетъ предположить, чтобы оно могло быть законченнымъ до истечения духъ вѣковъ. Тѣмъ не менѣе, эта систематизирующая дѣятельность комитета вскорѣ получитъ возрастающее значеніе, какъ для прямого подготовленія отсталыхъ націй, такъ, въ особенности, для укрѣпленія семьи передовыхъ народовъ въ ея новой вѣрѣ, призванной, такимъ образомъ, знаменовать свою характерную всеобщность.

ГЛАВА XLII.

Религія Человѣчества. Благодаря своей моральной возвышенности, интеллектуальному превосходству и социально-политической целесообразности, она можетъ разрешить великую современную проблему.

Окончательный режимъ настолько теперь выясненъ, что мы можемъ, не дожидаясь активнаго сравненія его со всѣми различными фазами предварительнаго строя, уметь и сердцемъ начать полное обновленіе, энергично подготовленное нашими революционными прѣдшественниками. Ихъ ненависть къ прошлому мѣшала имъ познать будущее. Отинитъ, напротивъ, историческій духъ и социальное чувство взаимно другъ друга укрѣпляютъ. Руководимые всегда истиннымъ безпримыслиемъ, безъ котораго солидарность остается недостаточной, мы устремляемся къ будущему, лишь опираясь на прошлое, всѣмъ фазамъ котораго нашъ окончательный культъ воздастъ должное. Отнюдь не убавляя нашу обновляющую энергію, эта искренняя и полная справедливость, которую только мы одни можемъ воздать, не выходя въ непослѣдовательность, завершаетъ освобожденіе нашей мысли, избавляя насъ отъ всякихъ дѣятельныхъ уступокъ по отношенію къ жившимъ системамъ. Оцѣнивая ихъ природу и ихъ назначеніе лучше, чѣмъ это могли сдѣлать ихъ эмпирические приверженцы, мы видимъ въ каждой изъ нихъ необходимое, но временное подготовленіе къ окончательной системѣ, долженствующей выполнять сразу всѣ эти частичныя задачи.

¹⁾ Гаити.

²⁾ Центральная Африка.

Новая систематизація, сопоставленная особенно съ послѣдней системой, управлявшей семьей передовыхъ народовъ, представляется въ этомъ «Обзорѣ», являющемся простымъ введеніемъ къ большому трактату, уже болѣе реальной, болѣе полной и болѣе устойчивой. Всѣ качества, присущія поразительному средневѣковому режиму, укрѣплены и усовершенствованы позитивизмомъ, который одинъ только приводитъ умъ къ непреложному подчиненію справедливому господству сердца. Наши благочестивые и рыцарскіе предки достойно примѣнили, какъ намъ кажется, наилучшую доктрину, которую допускало ихъ время. Эти выдающіеся прѣдшественники стоили бы теперь въ нашихъ рядахъ и провозгласили бы окончательное упраздненіе своей временной философіи, постепенно вырождавшейся и ставшей символомъ отсталости и источникомъ раздора.

Достигнувъ своего полнаго единства, столь же самороднаго, смѣлы и систематическаго, наша доктрина можетъ выдержать прямое сравненіе, которое дастъ познать здоровымъ умамъ и чистымъ сердцамъ ея необходимое превосходство какъ для чувства и воображенія, такъ и для разсудка и дѣятельности. Вся жизнь, частная или общественная, становится, такимъ образомъ, еще болѣе чѣмъ въ политеистическомъ миропониманіи, настоящимъ безпримыслимъ, культъ, всегда внушаемымъ всеобщей любовью. Всѣ мысли, чувства и дѣйствія безъ усилія относятся къ одному и тому же Великому Существу, въ высшей степени реальному, доступному и символическому, составленному изъ своихъ собственныхъ поклонниковъ, хотя очевидно превосходящему каждому изъ нихъ. Одно его понятіе представляеть все прошлое, умственное и социальное, какъ безвозвратное паденіе теогоніама и военнаго дѣла, несовѣстныхъ со великой истинной теоретической всеобщностью и со великой дѣятельностью общей дѣятельности. Доставляя между перерывъ врожденной прасветности, эта окончательная религія непосредственно преобразовываетъ философію, поэзію и политику, всегда посвящаемая согласно ихъ истинной связи, изученію и прославленію Человѣчества и служенію ему—существу наиболее относительному и наиболее доступному совершенствованію. Сдѣлавшись такимъ образомъ синтетической, реальная наука становится святой, такъ какъ строитъ на основаніи совокупности внѣшнихъ и внутреннихъ законовъ объективный фундаментъ, который одинъ только можетъ сдерживать естественное колебаніе нашихъ мнѣній, непостоянство нашихъ чувствъ и нерѣшительность нашихъ намѣреній. Призванная, наконецъ, къ социальному служенію, поэзія становится навсегда излюбленнымъ занятіемъ всѣхъ умовъ, такъ какъ идеализируетъ всѣ стороны Великаго Существа и достойно выражаетъ общественную и частную привязанность ему, изъ которой вытекаетъ намъ внутреннее улучшеніе.

Но расширявая немъ предель, присущую этому изученію и этому прославленію, новая религія, всегда отличающаяся реальностью и полезностью, никогда не можетъ выродиться въ актизмъ или въ квиетизмъ. Любовь, воздавая ему, не можетъ быть пассивной: она возбуждаетъ разсудокъ и, въ особенности, воображеніе лишь для того, чтобы лучше управлять дѣятельностью, породившей позитивность, распространенную затѣмъ на область умозрѣнія и, наконецъ, на аффективную жизнь. Такимъ образомъ наша жизнь посвящается безпримыслию совершенствованію естественнаго порядка, сначала касательно матеріальныхъ условій нашего существованія, затѣмъ относительно нашей собственной физической, интеллектуальной и моральной при-

рели. Поэтому, главная ее цель состоит в моральном прогрессе нашей личной, домашней и социальной жизни, являющейся главным источником частного и общественного благополучия. Наконец, политика, подчиненная морали, становится нашим основным искусством, с помощью которого мы посвящаем все наши усилия служению истинному Верховному Существу, согласно совокупности его собственных естественных законов.

Главным достоинством древнего социального строя, в особенности римского, было активное преобладание общественной жизни, соответственно форм и степени общественной деятельности, доступных этому первобытному состоянию, из которых домашняя жизнь не была еще подлежащим образом устроена. В средние века католицизм начал прямую систематизацию всеобщей морали, но обращал преимущественное внимание на частную жизнь, все главные душевные явления которой были подчинены поразительной дисциплине, восходившей до интимных источников наших пороков и наших добродетелей. Но социальная неспособность руководящей доктрины привела тогда только к противоречивому рвению, так как, позывая личность, она в то же время учила совершенно отворачиваться от общественной жизни и посвящать себя эгоистическому преследованию несбыточной цели. Все временное значение этой великой попытки вытекало из впервые произведенного отделения моральной власти от политической, которая у древних всегда сфинксовалась. Но это отделение, являвшееся эмпирическим результатом общего положения вещей, не могло тогда удалиться, так как было противно как духу доктрины, так и формам общественности. Несмотря на сочувствие жеманств, католический режим, которому не хватало энергичной помощи пролетариата, вскоре пал под ударами святой власти, благоприятствующей вырождению духовенства.

Этот ранний опыт может быть подлежащим образом вновь предпринят и полностью осуществлен только в позитивном режиме, сочетающем социальный гений древности с социальными гениями средних веков, дабы выполнить великую позитивную программу Контента.

Окончательная реальная непосредственно ставить святой задачей человеку постоянное преобладание общественности над личностью. Насколько это позволяет крайнее несовершенство нашей моральной природы, она ее разрешает путем общего и непрерывного развития семейных привязанностей, составляющих единственный реальный переход от эгоистических инстинктов к всеобщим симпатиям. Чтобы укрывать и развить это коренное рвение, она устанавливает нормальное отделение, интеллектуальное и социальное, теоретической власти от практической, причём одна—общая и всеобщая—управляет только образованием; другая—частная и повелевающая—управляет всегда действиями. Все социальные элементы, которые естественным образом устранены от участия в действительном управлении, становятся необходимыми охранителями этой основной конституции. Жрецы Человечества, эти систематические носители укрывающей власти, в своей законной борьбе против управляющей власти могут всегда рассчитывать на женское сочувствие и народную помощь. Но эту двойную поддержку получают только тот, кто, кроме интеллектуальных качеств, требуемых для искусного преобразователя, будет обладать еще более необходимыми моральными качествами, и сумеет пока-

зать, что его сердце так же умеет симпатизировать, как женское сердце, и так же энергично как пролетарское. Первая гарантия этой способности состоит в искреннем отречении от похвального и даже от богатства. Тогда новая реальная окончательно заминит старую, как лучше выполняющая все ее действительное назначение—как социальное, так и умственное. Ушедший вслепую за позитивизмом и фетишизмом навсегда в область истории, монотеизм будет включен, наряду с ними, во всеобщую систему поминовения, в которой истинное Великое Существо будет всегда подавать должное уважение своим различным предшественникам.

ГЛАВА XLIII.

Каждый человек должен теперь выбрать между ретроградно-анархическим лагерем служителей устаревшего Бога и органически-прогрессивным лагерем служителей Человечества.

Счастливая, не только во имя здравого разсудка позитивисты должны в настоящее время побуждать всех двухсмысленных сектантов выбрать, наконец, между абсолютным и относительным, между напрасным испавением причин и реальным изучением законов, между режимом произвольных причуд и режимом доказуемых необходимостей. Отныне, главным образом, чувствительно иметь решающий голос в этом соперничестве и дать пережить истинной общественности.

Монотеизм теперь на Западе так же исполнен и так же оказывается разрабатываемое влияние, как позитивизм интвандит вьюю тому назад. Со времени непоправимого ослабления дисциплины, составлявшей его главную моральную силу, его столь хваленная доктрина приводила только к осквернению сердца ненасытной жадностью и к унижению характера рабскими страхом. Всегда праждебный воображение, он заставлял его вернуться назад к позитивизму и фетишизму, представляющим единственно возможным основанием теологической поэзии. Он никогда не мог искренно поддерживать активную жизнь, которая возникала только либо обходя его, либо разрывая создаваемые им пути. В настоящее время он прямо становится на пути самой благородной деятельности, побуждающей нас преобразовать социальное состояние, так как его безраздельное провидение ибмань познать какой бы то ни было настоящий закон, могущий привести к рациональному предвидению, способному руководить мудрым вмешательством.

Его искренние приверженцы теперь откажутся управлять миром, в котором они объявляют себя пришедшими. Новое Верховное Существо не менее ревниво, чья старое: оно не допускает служителей, подчиненных другим господам. Но наиболее деятельные теологи, монархисты, аристократы и даже демагоги уже давно не имеют хорошей вьры. Их Бог стал номинальным главой лицемерного заговора, отныне более емьного, чья гнусная, стремительно отретити народ от всех важных социальных улучшений, общая ему несбыточное воздаяние, уже потерявшее всякое доброе в глазах западных пролетариата, в особенности из-

рижскихъ. Великое теологическое направление: католическое, протестантское или деистское, въ действительности способствуетъ продленію и отягченію моральной анархіи, мѣшая рѣшительному возобладанію социальнаго чувства и пѣлаго міросозерцанія, которыми одни только могутъ породить ясныя убѣжденія и твердыя нравы. Въ современныя разрушительныя утопіи получивъ отъ монотеизма либо свое основаніе, либо свою санкцію. Самъ католицизмъ потерялъ возможность препатентовать самопроизвольному развитію у своихъ главныхъ представителей различныхъ революціонныхъ заблужденій.

Итакъ, именно въ интересахъ порядка, еще болѣе чѣмъ во имя прогресса, мы призываемъ всѣхъ, кто желаетъ выйти изъ пагубнаго умственнаго и моральнаго колебанія, ясно высказаться въ пользу теологизма или позитивизма. Въ настоящее время есть только два лагера: одинъ ретроградный и анархическій, въ которомъ Богъ правитъ беспорядочно; другой—органическій и прогрессивный, систематически преданный Человѣчеству.

Сосредоточивъ всѣ наши заботы на реальномъ существованіи, мы ему сообщимъ полное распространеніе, не только въ настоящемъ, но также въ прошломъ и даже въ будущемъ, такъ какъ оно всегда подчинено одному основному закону, позволяющему намъ безъ труда охватить всю его совокупность. Полагая наше главное счастье во всеобщей любви, мы будемъ какъ можно больше жить для другихъ, глубоко связывая частную жизнь съ общественной, соответственно эстетическому культу, надежащимъ образомъ подчиненному научному догмату. Послѣ того, какъ мы такимъ образомъ разовьемъ, украсимъ и освятимъ наше временное существованіе, мы заслужимъ вѣчное включеніе въ Великое Существо, необходимо слагающееся изъ всѣхъ своихъ благородныхъ элементовъ. Совокупность его культа намъ дастъ понять глубокую реальность и несравненную пріятность подобнаго отождествленія, неизбѣтнаго всѣмъ тѣмъ, кому въ какой-либо видъ теологизма вѣрность точно познать будущее и обрѣсти искреннее самоотверженіе.

Въ настоящее время, въ виду того, что теологизмъ и позитивизмъ являются двумя противоположными полюсами, мы должны избрать между ними. Контъ, въ своемъ сочиненіи „Элементарныя основы позитивизма“, ясно указываетъ на то, что теологизмъ является источникомъ всѣхъ социальныхъ пороковъ, тогда какъ позитивизмъ является источникомъ всѣхъ социальныхъ добродѣтелей. Онъ утверждаетъ, что теологизмъ приводитъ къ тому, что люди начинаютъ думать, что они являются центромъ вселенной, и что они должны быть почитаемы какъ боги. Это приводитъ къ тому, что люди начинаютъ вести себя какъ боги, и что они начинаютъ причинять другъ другу зло. Позитивизмъ, напротивъ, утверждаетъ, что люди являются частью вселенной, и что они должны вести себя какъ люди. Это приводитъ къ тому, что люди начинаютъ вести себя какъ люди, и что они начинаютъ причинять другъ другу добро.

== НОВОЕ ИЗДАНИЕ ==

Акц. Общ. БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ. СПБ., Прачешный пер., 6.

При участіи профессоръ М. М. КОВАЛЕВСКАГО и Н. И. КАРЬЕВА.

СЕРІЯ ИЗЪ ПЯТИ ВЫПУСКОВЪ ПОДЪ ОБЩИМЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

РОДОНАЧАЛЬНИКИ ПОЗИТИВИЗМА.

Настоящее изданіе имѣетъ цѣлью ознакомить читателей съ первоисточниками и постепеннымъ развитіемъ позитивизма. Сюда вошли впервые появляющіяся на русскомъ языкѣ, наиболѣе выдающіяся произведенія, разрабатывающія позитивныя идеи, начиная отъ Тюрго до Огюста Конта включительно.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

Выпускъ I. Предисловіе проф. М. М. Ковалевскаго.

- I. Иммануиль Кантъ, «Идея всеобщей исторіи».
- II. Его же, «Предполагаемое начало исторіи человечества».
- III. Тюрго, «Послѣдовательные успѣхи человеческого разума».
- IV. Его же, «Разсужденіе о всеобщей исторіи».
- V. Д'Аламберъ, «Очеркъ происхожденія и развитія наукъ».

Выпускъ II. Сень-Симонъ, «Катехизисъ промышленниковъ» (3-я часть написана Огюстомъ Контомъ).

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Выпускъ III. 1) Сень-Симонъ, «Очеркъ науки о человѣкѣ». 2) Сень-Симонъ и Огюстенъ Тъери, «О преобразованіи европейскаго общества или о необходимости и средствахъ объединить всѣ европейскіе народы въ одно политическое тѣло, сохраняя каждому его національную независимость».

Выпускъ IV. Огюсть Контъ, «Общій обзоръ позитивизма». 1) «Курсъ позитивной философіи» (двѣ вступительныя лекціи). 2) «Общій обзоръ позитивизма»: часть 1-ая, «Основной духъ позитивизма»; часть 2-ая, «Соціальное назначеніе позитивизма, согласно его необходимому соотношенію съ совокупностью великой западной революціи».

Выпускъ V. Огюсть Контъ, «Общій обзоръ позитивизма»: часть 3-ья, «Значеніе позитивизма для народа»; часть 4-ая, «Сгношеніе позитивизма къ женщины»; часть 5-ая, «Эстетическая способность позитивизма». Общее заключеніе: «Религія Человѣчества».